

~~Александр~~ ~~Новиков~~
Записки

9 33
146

ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ

АЛЕКСАНДРА НОВИКОВА.

4915-0

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1905.

3429

2007087607

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Моимъ сослуживцамъ третьяго элемента.

Въ тяжелые два года, проведенные мною въ Баку въ качествѣ городского головы, единственнымъ отряднымъ явленіемъ было для меня сотрудничество лицъ такъ называемаго третьяго элемента. Нѣкоторая шероховатость отношеній, нѣкоторые проклятые инциденты (гдѣ ихъ не бываетъ?)—все это въ настоящее время почти изгладилось если не изъ моей памяти, то изъ моего сердца, и осталось лишь воспоминаніе о людяхъ честныхъ, прямыхъ, безкорыстныхъ, добросовѣстныхъ. И это въ современномъ городскомъ самоуправленіи! Да еще гдѣ? Въ Баку!

Много прекрасныхъ образовъ осталось въ памяти моего сердца и осталось до гроба. А не въ коллекціи ли такихъ образовъ можно найти примиреніе съ пошлостью и развратомъ обыкновенной жизни?

Уѣзжая изъ Баку, я вынесъ глубокое убѣжденіе, что въ третьемъ элементѣ надо искать людей, которые выведутъ наши самоуправления, и земскія, и городскія, на правильный путь.

Имъ и посвящаю я эти записки.

ВВЕДЕНІЕ.

Это введеніе, какъ и большинство, вѣроятно, введеній, написано послѣ сочиненія.

Это собственно заключеніе; называю же я его введеніемъ потому, что хотя я и пишу его подъ конецъ, но помѣщаю въ началѣ.

Между человѣкомъ, претендующимъ на званіе публициста, и его читателями, образуется связь, которой порвать нельзя. По крайней мѣрѣ, такъ кажется писателю. Кажется это, впрочемъ, иногда и читателю. Когда я пошелъ въ головы, гдѣ-то было написано въ газетахъ, что, вѣроятно, результатомъ этого главенства явятся записки городского головы.

Но писательскій зудъ началъ меня тревожить, пока я еще былъ головой. Если раскрытіе городскихъ бакинскихъ тайнъ мнѣ кажется даже теперь шагомъ нѣсколько смѣлымъ, то тогда объ этомъ и подавно нечего было думать. Тѣмъ не менѣе я и тогда рѣшилъ написать серію теоретическихъ статей по вопросамъ городского хозяйства. Сначала я писалъ отдѣльныя статьи, смотря по тому, какой вопросъ въ данную минуту насъ волновалъ. А потомъ я началъ рядъ статей, приведенныхъ въ извѣстную систему подъ общимъ заглавіемъ «Записокъ о городскомъ самоуправленіи». Когда пишешь, всегда кажется, что дѣлаешь важное дѣло. Такъ и мнѣ казалось, что я пополняю значительный пробѣлъ въ нашей литературѣ. Человѣку, который бы захотѣлъ познакомиться съ главными вопросами городского хозяйства, негдѣ найти подхо-

дящей популярной книжки. А не всякій имѣетъ время и возможность эти вопросы изслѣдовать подробно по научнымъ источникамъ. Да и такихъ научныхъ сочиненій у насъ мало.

Эти записки вызвали у многихъ (сузуж по нѣкоторымъ газетнымъ отзывамъ) разочарованіе. Искали «тайнъ бакинской думы», а нашли рядъ теоретическихъ статей, не приноровленныхъ къ Баку и не носящихъ характера злободневнаго.

Когда я вышелъ въ отставку, я началъ думать, писать мнѣ или не писать этихъ «тайнъ бакинскихъ». Я боялся, что въ такого рода сочиненіи увидятъ желаніе бить по нервамъ, а то еще хуже—стремленіе свести личные счеты съ врагами. Написавъ предлагаемыя публикѣ записки, я опять впалъ въ то же сомнѣніе. Къ этому присоединилось и новое: вправѣ ли я печатать и оглашать чужія рѣчи, когда и говорившимъ, и дѣлавшимъ это было бы непріятно? Я колебался довольно долго и, наконецъ, рѣшилъ, что напечатать настоящія записки не только мое право, но и моя обязанность. И вотъ почему:

Тайна частной жизни, частнаго письма, частной квартиры должна быть свято охраняема отъ непрошеннаго чужого взгляда, не только отъ публичнаго оглашенія. Общественная дѣятельность должна быть вся наружи. Я ни одного упрека не могу себѣ сдѣлать, чтобы въ чемъ-либо за эти два года измѣнилъ тому, что считалъ главнымъ основаніемъ самоуправленія—гласности. Не было въ бакинскомъ самоуправленіи ничего, совсѣмъ ничего, что бы не было достояніемъ гласности. Я, къ счастью, ни разу не измѣнилъ этому принципу, даже въ мысляхъ.

И пользу въ этомъ я вижу громадную. Многія язвы раскрылись, не излѣчились, но стали, по крайней мѣрѣ, извѣстны. Многое, я увѣренъ, злое не сдѣлано, благодаря тому, что всюду торчалъ корреспондентъ, а то и просто любитель послушать. Пустыя въ началѣ засѣданія думы стали привлекать массы народа, расширился кругъ людей, слѣдящихъ за городскимъ дѣломъ. До многоаго въ два года гласность еще не добралась, но и сдѣланнымъ въ этомъ отношеніи можно быть довольнымъ.

На этой почвѣ гласности выросло много и клеветы, притомъ

клеветы нелѣпой, безобразной, рассчитанной на легковѣрность и невѣжество читателей. Объектомъ этой клеветы былъ главнымъ образомъ я и тѣ люди, съ помощью которыхъ я надѣялся что-либо сдѣлать.

И что же? Клевета осталась клеветой и пала на голову клеветниковъ. Поэтому и это зло оказалось безвреднымъ. Добро гласности восторжествовало по всей линіи.

И вдругъ я по какимъ-то соображеніямъ откажусь отъ средства, мною испытаннаго. Баку имѣеть, повидимому, совершенно особый характеръ, отличающій его отъ другихъ городовъ. Но опытъ показываетъ, что его армяно-татарская дума въ общемъ очень и очень похожа на всѣ остальные думы Россіи. То же сходство я видѣлъ между чиновнымъ Петербургомъ, купеческой Москвой и злосчастнымъ уѣзднымъ городишкомъ. Ни различіе національностей, ни общественное положеніе, ни даже часто образованіе не вліяютъ почти вовсе на характеръ общественной дѣятельности. Всѣ русскія думы на одинъ, оказывается, образецъ, какъ по одному, повидимому, образцу скроена общественная дѣятельность домовладѣльцевъ и торговцевъ, изъ коихъ эти думы состоятъ, во что бы эти господа ни нарядились, въ расшитый ли мундиръ, длиннополый ли сюртукъ, интеллигентный ли фракъ или, наконецъ, въ татарскую шапку.

Поэтому описаніе бакинской думы должно имѣть общій интересъ. Но, кромѣ того, оно должно бы имѣть интересъ и мѣстно бакинскій. Я долго думалъ, ставить мнѣ имена или не ставить. И рѣшился ставить. Бакинское имя не бакинцу ничего не скажетъ, а для бакинцевъ весьма важно знать, кто и какъ защищаетъ его интересы. Если человѣкъ говорить публично, то долженъ же онъ нести отвѣтственность за сказанное. А для избирателя важно знать, кого онъ избираетъ. Къ тому же все, что я здѣсь пишу, уже было оглашено печатно въ видѣ отчетовъ думскихъ и управскихъ засѣданій. Во всякомъ случаѣ, каждый разъ, что оглашеніе имени могло повредить кому-либо въ дальнѣйшемъ, я замѣнялъ его инициалами, а то и вовсе опускалъ. Точной въ этомъ границы провести нельзя. Это дѣло такта.

Первый годъ моей службы былъ годъ лихорадочной дѣятельности, годъ успѣховъ и надеждъ. Все было подготовлено къ тому, чтобы старые порядки замѣнить новыми, чтобы начать дѣйствительное улучшеніе въ сложномъ хозяйствѣ. Увы, на второй уже годъ я встрѣтился съ противодѣйствіемъ большинства думы и большинства управы. Не только не пришлось ничего сдѣлать, но надо было все время обороняться, терять время и здоровье на борьбу съ тѣми, отъ которыхъ я вправѣ былъ ожидать помощи. Естественно было и въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣлать промахи, ошибки, часто бывать несдержаннымъ. Правда, я, сознавъ ошибку, всегда готовъ былъ, какъ могъ, искупить ее, тѣмъ не менѣе не всегда удавалось искупить ошибку. Были случаи, гдѣ я думалъ дѣлать хорошо; и лишь послѣ самъ убѣждался, что поступилъ не только нетактично, но даже и не этично. Практическая этика не математика и незыблемыхъ законовъ не имѣетъ. Что мнѣ сегодня кажется хорошимъ, завтра можетъ показаться дурнымъ. Такъ и въ моей бакинской дѣятельности мнѣ пришлось сдѣлать шаги, въ которыхъ я не только раскаиваюсь, но и за которые приходится краснѣть. Ставши на почву безусловной гласности, а тѣмъ болѣе выступая съ обвиненіями другихъ, я бы поступилъ дурно, если бы вздумалъ скрывать не только свои ошибки, но и грѣхи свои. Поэтому я рѣшился все раскрыть, хотя бы рискуя получить упрекъ въ цинизмъ. Я называлъ-было эти воспоминанія «исповѣдью городского головы», но послѣ нашелъ это названіе слишкомъ кричащимъ и предпочелъ оставить за ними болѣе скромное названіе «записокъ», къ которому я къ тому же привыкъ.

Наконецъ, перечитывая написанное, я еще нашелъ нѣчто меня смущающее: это злоупотребленіе мѣстоименіемъ «я». Яканія терпѣть я не могу у другихъ, а оказывается самъ въ этомъ повиненъ. Но и тутъ удалось найти себѣ оправданіе. Во всемъ рассказанномъ мнѣ пришлось играть центральную роль. Предсѣдатель управы и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдатель думы, я поневолѣ долженъ былъ быть въ каждомъ дѣлѣ не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ, при томъ главнымъ. При этихъ обстоя-

тельствѣхъ и при всемъ желаніи быть объективнымъ, безъ «я» обойтись невозможно, какъ бы строго ни старался къ себѣ относиться.

Хотя, какъ я уже сказала, внутренняя цѣна бакинскихъ городскихъ дѣятелей почти та же, что и дѣятелей другихъ русскихъ городовъ, тѣмъ не менѣе бакинская среда, въ которой приходится работать самоуправленію, далеко не та, что вездѣ. Пенсильванія по числу машинъ и паровиковъ и по количеству электрической энергіи, передаваемой на десятки верстъ, Россія по укладамъ оффиціальной и общественной жизни, Персія по виду закрытыхъ женщинъ, числу убійствъ, внѣшнему неустройству нѣкоторыхъ частей города и многимъ вкоренившимся обычаямъ, съ которыми приходится бороться думѣ и въ думѣ—Баку является очень любопытнымъ центромъ. Трудно найти гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ такое соединеніе крайняго націонализма съ не менѣе крайнимъ космополитизмомъ, какъ только дѣло доходитъ до главнаго—денегъ и наживы.

Естественно, что часто приходилось отвлекаться отъ главнаго—отъ общественнаго дѣла и вдаваться въ описаніе мѣстныхъ своеобразныхъ условій. Этотъ мѣстный колоритъ мнѣ показался не лишеннымъ интереса.

Послѣднее замѣчаніе. Люди, находящіеся въ курсѣ дѣла, замѣтятъ у меня нѣкоторые пробѣлы. Я какъ будто не все сказала, кое о чемъ умолчалъ; произошло это по тремъ причинамъ.

Многoго написать было нельзя по общимъ условіямъ жизни и прессы. Нѣкоторыя, весьма интересныя стороны современной жизни какъ міровой, такъ и обще-русской и даже специально бакинской обсужденію не подлежатъ. Это пойметъ читатель и въ упрекъ мнѣ, конечно, не поставитъ. Затѣмъ были явленія, имѣвшія мѣстный интересъ, но о которыхъ все-таки говорить не пришлось. Возьмемъ такой случай: совершонъ безчестный поступокъ, ну, хоть въ денежномъ отношеніи: человекъ взялъ, или далъ, или потребовалъ взятки. Это извѣстно лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, но достояніемъ суда и прессы не сдѣлалось. Могъ ли я объ этомъ говорить, хотя бы намеками? Очевидно,

нѣтъ. Или личная ссора двухъ лицъ, достойныхъ уваженія, хотя бы и на общественной почвѣ, ссора на дѣлахъ не отразившаяся и въ печать не попавшая. Ясно, что и о такой ссорѣ оставалось лишь молчать.

Наконецъ, не могъ я говорить и о такихъ фактахъ, которые мнѣ или даже обществу неоспоримо извѣстны, но которые не запротокколированы какимъ-нибудь журналомъ засѣданія, или прессой, — фактахъ, поворящихъ общественнаго дѣятеля, но которыхъ нельзя доказать. Пусть такіе факты остаются сокрытыми. Довольно и остального.

Я буду удовлетворенъ, если читатель повѣритъ, что изъ личныхъ соображеній я ничего отъ него не скрылъ. Если я что и забылъ, то пусть мнѣ напомнятъ, и я всегда готовъ пополнить пробѣлъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Блестящая карьера, очевидно, создана не для меня или, скорее, я не созданъ для блестящей карьеры. Началь я службу въ такой канцеляріи, куда самая чопорная мать петербургскаго высшаго свѣта спитъ и видитъ отдать своего сына. Въ тридцать лѣтъ можно надѣяться попасть уже въ должность четвертаго класса. И не то, чтобы нужно было для этого имѣть особыя дарованія... отнюдь нѣтъ.

Другой попавшій въ эту канцелярію былъ бы очень счастливъ и со дня поступленія сталъ бы предвкушать будущее счастье. Но я всегда былъ удивительно непрактиченъ. Я бросилъ многообѣщавшую канцелярію и пошелъ въ земскіе начальники. Будь онъ благословенъ этотъ безумный, по мнѣнію большинства, шагъ мой. Въ канцеляріи своей я докатился бы до должности четвертаго класса, оставшись тѣмъ же, чѣмъ въ нее поступилъ.

Будучи земскимъ начальникомъ, я увидѣлъ деревню, узналъ русскаго крестьянина, понялъ, въ чемъ заключается наша задача, сжегъ все то, чему поклонялся, и увѣровалъ въ лучшее будущее. Теперь, сравнивая себя съ тѣмъ, что было пятнадцать лѣтъ назадъ, я въ ужасъ прихожу при мысли, что могъ быть такимъ нравственнымъ уродомъ.

Одновременно съ несеніемъ должности земскаго начальника, я сблизился съ земскимъ и школьнымъ дѣломъ подъ руковод-

ствомъ незабвеннаго козловскаго предводителя дворянства Ю. А. Ознобишина. Ему я главнымъ образомъ обязанъ своимъ перерожденіемъ. Ю. А. Ознобишинъ умеръ, оставивъ мнѣ въ наслѣдство должность предводителя дворянства. Но строптивость моя, а главнымъ образомъ перемѣна міровоззрѣнія и, что еще хуже, манія писательства, повлекшая разладъ съ начальствомъ, заставили съ почетнаго предводительскаго мѣста перейти на маленькую должность по министерству земледѣлія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я былъ назначенъ помощникомъ управляющаго государственными имуществами въ Баку. Тутъ я въ первый разъ увидалъ этотъ мазутный ¹⁾ центръ.

Меня пугали, когда я туда ѣхалъ. Кто говорилъ про страшный нордъ съ невозможною пылью, кто про сильный нефтяной запахъ. На вопросъ, какихъ я найду въ Баку людей, мнѣ говорили, что всякій, отъ мала до велика, живетъ въ Баку лишь тогда, когда такъ или иначе причастенъ къ нефтяному дѣлу. Разговоры другихъ, говорили мнѣ, вѣтъ, кромѣ какъ про нефть, мазуть, добычу и т. п. Когда я дѣлалъ первые визиты, я встрѣтился съ благообразнымъ господиномъ, сказавшимъ мнѣ, что знаетъ меня по литературѣ и выразившимъ желаніе сойтись поближе и удалиться отъ набившихъ оскомину мазутныхъ дѣлъ. Мнѣ онъ очень понравился, и я обѣщаль у него побывать по данному адресу. Вечеромъ узнаю, что это одинъ изъ самыхъ ловкихъ аферистовъ, несмотря на всѣ свои удачныя мошенничества, всегда выходящій сухимъ изъ воды. Но тюрьма, говорили мнѣ, давно его ждетъ.

Запахъ нефти оказался умѣреннымъ и черезъ недѣлю-другую совсѣмъ незамѣтнымъ, климатъ зимою — прекраснымъ, пыль невыносимою и проникающею во всѣ щелки, но не такъ уже частою.

Въ общемъ служба моя была, какъ всякая служба «помощника», «товарища», «вице», не отвѣтственной, а потому скучною

¹⁾ Мазуть — нефтяные остатки, остающіеся при добываніи изъ нефти керосина.

и часто непріятною. Заинтересовали меня закрытыя лица несчастныхъ татарокъ; плоскія кировыя ¹⁾ крыши; полное отсутствіе зелени; расфранченные трехэтажные дома рядомъ съ невѣроятно низкими каменными же конурами; удивительно неурегулированныя улицы; часто невѣроятная грязь; уличная жизнь, напомнившая маѣ старую часть Неаполя, и теплая вода для питья, такъ какъ оказалось, что мы пьемъ опрѣсненную морскую воду, которая въ трубахъ не успѣваетъ остыть.

Боже, какое широкое поле для дѣятельности! думалъ я часто. Вотъ бы провести сюда хорошую воду, да вымостить бы городъ, да построить бы школы и больницы, и трамвай, и провести бы электрическое освѣщеніе, и развести бы садовъ побольше, да поочистить бы городъ получше... Читая газеты и изъ разговоровъ съ знакомыми, узналъ, что городской голова ушелъ, и что вообще въ Баку съ головами не ладится... Общественную дѣятельность я всегда предпочиталъ бюрократической. Не помню, когда и какъ у меня явилась мысль о томъ, чтобы мнѣ идти въ бакинскіе головы, самостоятельно ли или послѣ разговора съ двумя посѣтившими меня господами. Какъ-никакъ—мысль эта показалась мнѣ недурной.

Издавался въ то время въ Баку одинъ печатный органъ «Каспій» подъ редакціей Али-Марданъ-бека Топчибашева (онъ же издатель «Каспія», онъ же и гласный думы, какъ я узналъ тогда по газетнымъ отчетамъ засѣданій). Другихъ литераторовъ въ Баку не имѣлось, и естественно было мнѣ направиться въ редакцію «Каспія». У г. Топчибашева мнѣ пришлось быть нѣсколько разъ. Между прочимъ я заговорилъ о возможности или невозможности быть головой въ Баку. Онъ мысль мою одобрилъ и посовѣтовалъ поговорить объ этомъ съ Тагіевымъ, извѣстнымъ мусульманскимъ богачемъ-гласнымъ. Былъ я у Тагіева, говорилъ съ нимъ, и разошлись мы, кажется, другъ другомъ довольные...

Тѣмъ временемъ я заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, а служба

¹⁾ Киръ—быстро твердѣющая земля, пропитанная смолистыми веществами, въ родѣ асфальта. Употребляется на крыши и тротуары.

моя окончательно мнѣ разонравилась. Меня перевели на ту же должность въ Симферополь. Служба моя тамъ была не лучше и не полезнѣе бакинской, хотя я навсегда сохраню память о милomъ моемъ симферопольскомъ начальникѣ. И въ Симферополѣ я пробылъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, до назначенія управляющимъ государственными имуществами въ Астрахани. Приѣхавъ въ Астрахань, я познакомился съ дѣлами, совершилъ двѣ-три поѣздки по дѣламъ службы и расположился тамъ осѣсть. Мысль о главенствѣ въ Баку у меня совсѣмъ испарилась, такъ какъ больше года прошло послѣ моего отъѣзда оттуда. Выбранъ ли тамъ голова и кто именно, я не зналъ и, признаться, и не думалъ объ этомъ. Вдругъ получаю телеграмму отъ г. Топчибашева, что кандидатура моя въ головы поставлена нѣкоторыми гласными. Просить скорого отвѣта.

Прочелъ телеграмму, перечелъ ее, и тутъ же для меня вопросъ уже былъ рѣшенъ. Я сказалъ себѣ, что буду бакинскимъ головой. Въ серьезности предложенія я не сомнѣвался, зная, что г. Топчибашевъ очень вліятельный гласный. Я только для очищенія совѣсти посоветовался со своими. Кое-кто изъ людей мнѣ близкихъ не сразу поддались. Помню, какъ отговаривалъ меня соглашаться старый мой другъ и слуга, бывший мой управляющій, котораго я зналъ чуть ли не съ малолѣтства и съ которымъ бы хотѣлось жить до могилы.

«Александръ Ивановичъ, подумайте хорошенько; не торопитесь. Вѣдь вы теперь, какъ у Христа за пазухой. Мѣсто хорошее, спокойное, почетное, съ достаточнымъ жалованьемъ, а главное—прочное. До смерти можете быть увѣреннымъ, что хуже не будетъ. А тамъ въ Баку, какъ-никакъ, въ приказики къ купцамъ бакинскимъ пойдете. Не понимаю, что у васъ за охота мѣнять кукушку на ястреба».

Я посмѣялся, объяснивъ это отсталостью, непониманіемъ разницы между общественнымъ служеніемъ и государственной службой. Вечеромъ того же дня я телеграфировалъ, что согласенъ.

Процедура опекунскаго ценза и выборы, послѣ двухъ-трехъ

частныхъ совѣщаній гласныхъ, произведены были съ возможной быстротой, и ночью 24-го апрѣля какъ-то меня разбудили, чтобы вручить цѣлый ворохъ поздравительныхъ телеграммъ разныхъ знакомыхъ и незнакомыхъ гласныхъ. Я былъ выбранъ большинствомъ 41 противъ 3—почти единогласно, при громкихъ аплодисментахъ публики и гласныхъ ¹⁾.

Меня это не удивило, во-первыхъ, потому, что серьезныхъ конкурентовъ у меня не было (я это зналъ по газетамъ), во-вторыхъ, потому, что я считалъ себя очень подходящимъ кандидатомъ.

Это послѣднее требуетъ поясненія.

По первому моему пребыванію въ Баку, мнѣ было извѣстно, что тамъ по закону полагается половина гласныхъ христіанъ, половина мусульманъ. Христіане почти сплошь армяне съ пятью русскими, въ видѣ исключенія. Зналъ я и то, что въ этихъ двухъ группахъ все зиждется на компромиссахъ. Я не предполагалъ пользоваться правиломъ «divide, ut imperes», потому что всегда враждебно относился къ макіавелизму и всякимъ дипломатическимъ приемамъ.— Я и теперь убѣжденъ, что величайшая правдивость и откровенность есть лучшее оружіе не только общественнаго дѣятеля, но и дипломата.

Я зналъ, что по мѣстнымъ условіямъ не можетъ быть утверждень ни мусульманинъ, ни армянинъ. Надо русскаго. Такъ вотъ изъ русскихъ я, правда, считалъ себя наиболѣе подходящимъ. Кого могутъ желать въ головы бакинцы? Очевидно, не націоналиста. А я, съ тѣхъ поръ какъ пишу, чуть ли не величайшее зло на свѣтѣ вижу въ націонализмѣ. У меня нѣтъ націоналистическаго чутья. Для меня человекъ есть человекъ, будь онъ какой угодно національности, исповѣдуй какую хочетъ религію, говори на какомъ можетъ языкѣ.

Къ этому, конечно, знавшіе меня могли прибавить, что я не новичокъ въ общественномъ дѣлѣ и откровенно служу извѣст-

¹⁾ „Каспій“ 26 апрѣля 1902 года.

нымъ принципамъ, которые не могутъ не понравиться жителямъ нашей южной окраины.

Вотъ почему я и считалъ себя желательнымъ для нихъ кандидатомъ и не удивился, получивъ всего три шара налѣво.

Конечно, предстала передо мною громадность задачи. Крайняя неблагоустроенность города мнѣ была извѣстна со времени моего перваго пребыванія въ Баку. Слышалъ про царившіе въ бакинской думѣ внутреннюю неурядицу, про фаворитизмъ, про недостатокъ общественной этики, Я рассуждалъ такъ:

Пусть задача будетъ велика, пусть настоящая неурядица кажется неисправимой, надо противопоставить этому соответствующее лѣченіе: надо дать работниковъ, способныхъ справиться съ задачей, какъ бы она ни была страшна; эти работники при всей своей работоспособности должны быть кристаллически чисты въ смыслѣ этики (а неужели, думалъ я, можетъ зло противостоять этической чистотѣ?), а чтобы окончательно отнять всякую почву для зла—въ основу надо положить безбрежную гласность даже тамъ, гдѣ обыкновенно ея не допускаютъ. А гдѣ искать работниковъ трудоспособныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чистыхъ, я зналъ изъ прежняго своего опыта. Это такъ удачно окрещенный однимъ сотрудникомъ Московскихъ Вѣдомостей — третій элементъ. Въ немъ, въ этомъ третьемъ элементѣ, въ лучшей части нашей интеллигенціи я и видѣлъ спасеніе.

Всѣ затрудненія, обыкновенно возникающія при привлеченіи этого третьяго элемента, я въ своемъ оптимизмѣ умалывалъ. Я рѣшился идти прямымъ путемъ, вѣрилъ въ силу и торжество правды и гласности. Какія были сомнѣнія, я ихъ откинулъ...

Насколько мнѣ никогда не везло въ моихъ личныхъ дѣлахъ, въ особенности финансовыхъ, настолько въ дѣлѣ общественномъ я въ себя вѣрилъ. Я и прежде въ качествѣ гласнаго былъ enfant terrible, чуждался партійности, былъ тѣмъ, что нѣмцы называютъ «дикій», и мнѣ это всегда удавалось. Многое я уже сдѣлалъ этимъ путемъ. Вѣрилъ я въ свою звѣзду и теперь...

II.

Недолго продолжалась процедура моего представлення и утверждения. 22-го мая я былъ утвержденъ въ Тифлисъ, 24-го въ Астрахани узналъ про свое утверженіе, а 26-го былъ уже въ Баку. 27-го я въ думѣ сказалъ вступительную рѣчь, но нѣсколько дней не принималъ должности отъ заступающаго мѣсто головы: хотѣлъ присмотрѣться и отдѣлаться отъ скучнѣйшей обязанности визитовъ. Гласныхъ, начальниковъ отдѣльныхъ частей, сослуживцевъ надо было объѣздить, и это заняло около недѣли.

Началъ я съ гласныхъ, какъ наиболѣе меня интересовавшихъ. Первымъ, конечно, котораго я посѣтилъ, былъ Али-Мардан-бекъ Топчибашевъ, встрѣтившій меня очень привѣтливо и первый постаравшійся меня ориентировать въ новомъ городѣ. Гласные самые вліятельные оказались какъ разъ тѣ самые, поздравительныя телеграммы которыхъ меня увѣдомили о моемъ избраніи. Чтобы отблагодарить ихъ за ихъ вниманіе, я посѣтилъ ихъ въ первый же день пріѣзда. Въ числѣ первыхъ были, конечно, и ближайшіе мои товарищи по службѣ, члены управы.

Первое впечатлѣніе мое было такое: всѣ были довольны моимъ выборомъ, вѣроятно, по благопріятнымъ обо мнѣ слухамъ, распущеннымъ двумя-тремя знавшими меня и мою литературу гласными; во главѣ доброжелателей я ставилъ г. Топчибашева. Былъ я у гласныхъ христіанъ. Нѣкоторые изъ нихъ произвели впечатлѣніе такое, что не ихъ учить, а у нихъ многому можно научиться. Былъ и у гласныхъ мусульманъ. Нѣкоторые изъ нихъ были тоже совсѣмъ европейцами на видъ, съ дипломомъ университета въ карманѣ. Другіе же по-русски совсѣмъ почти не говорили и жили въ обстановкѣ совсѣмъ восточной. Одинъ принялъ меня босикомъ. Двое, трое, узнавъ, что передъ ними стоитъ голова, сейчасъ начали рассказывать про свое земельное дѣло, не дѣлавшееся по винѣ управы. Мнѣ были рады и вѣрили, что я сейчасъ все сдѣлаю.

Но громадное большинство смотрѣло на вещи, какъ слѣдуетъ, и указывало на главные дефекты управской дѣятельности. Главное, чего отъ меня ждали, это — вода. Всѣ сознавали, что безъ воды нельзя жить, рассказывали, какъ двадцать-пять лѣтъ они ее ищутъ, но толкутся на мѣстѣ и по какому-то злому року не могутъ напасть на настоящій слѣдъ. Во мнѣ видѣли новаго Моисея, который долженъ дать воду, и при томъ дать ее немедленно. Я говорилъ, что годъ, минимумъ, нужно на изысканія, годъ на утверженіе проекта и финансированіе дѣла, года три на постройку—самое меньшее, значить, на что можно надѣяться при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, это — получить воду лѣтъ черезъ пять-шесть. Многие казались недовольными такой перспективой и прямо заявляли, что рассчитывали на болѣе короткій срокъ. Сколько могъ, я старался ихъ разувѣрить.

Болѣе интеллигентные, наоборотъ, сознавая трудность дѣла, въ такой быстрый исходъ его не вѣрили, совѣтовали быть осмотрительнымъ и не увлекаться. Даже на пятиминутныхъ визитахъ я могъ замѣтить, что относительно воды мнѣнія расходятся. Одни все спасеніе видятъ въ Куринской водѣ, другіе вѣрятъ лишь въ Самурскую, третьи ни въ ту, ни въ другую и утверждаютъ, что рано ли, поздно ли мы обратимся къ родникамъ.

Я обѣщаль всѣмъ, что вода будетъ главной моей задачей, и что я постараюсь ничего не упускать изъ вида.

Съ самаго же начала мнѣ пришлось и вотъ что слышать. Немыслимо такому молодому городу, какъ Баку, устроиться безъ займа. Необходимо сдѣлать заемъ на постройку трамвая, освѣщенія, больницы, школъ и пр. и пр. Потому такъ и отстаетъ городское благоустройство, что нельзя все это сдѣлать на текущія средства. Съ этимъ нельзя было не согласиться, тѣмъ болѣе, что Баку являлся единственнымъ городомъ въ Россіи безъ долга, если не считать за таковой сдѣланный нѣсколько лѣтъ назадъ заемъ въ суммѣ пятисотъ тысячъ на текущія надобности. Я себѣ это зарубилъ на память. Итакъ, задача представлялась такая: первая—дать городу Баку воду и вторая—сдѣлать заемъ на благоустройство. Третья всегда была передо мною, и я свято тайлъ ее

въ душѣ: по мѣрѣ силъ и возможности способствовать дѣлу народнаго просвѣщенія. Это мое больное мѣсто, и, грѣшный человекъ, какъ ни нужна питьевая вода, какъ ни пріятенъ благоустроенный городъ, но въ Россіи просвѣщеніе—все-таки наиболѣе насущная потребность (я разумѣю, конечно, только тѣ потребности, которыя не выходятъ изъ компетенціи городского головы).

Но про просвѣщеніе я молчалъ. Кое-кто изъ гласныхъ мѣ говорилъ, что вообще бакинская дума на народное образованіе очень щедра. Дѣломъ школьнымъ завѣдываетъ особая школьная исполнительная коммиссія подъ предсѣдательствомъ члена управы М. А. Бѣлявскаго, заступавшаго неоднократно мѣсто городского головы, разъ даже выбраннаго въ головы, но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ имъ не бывшаго. Съ первой минуты, когда у меня родилась мысль о главенствѣ, я имѣлъ въ виду прежде всего стать во главѣ училищнаго дѣла. Поэтому естественно было обратиться къ г. Бѣлявскому и позондировать почву. Оказалось, что хотя онъ завѣдываетъ земельнымъ отдѣленіемъ, но школьнымъ дѣломъ сильно интересуется и желаетъ остаться во главѣ его. Это было для меня сильнымъ разочарованіемъ. Приходилось отказаться отъ мысли непосредственно завѣдывать любимымъ дѣломъ и довольствоваться лишь общимъ руководствомъ, предоставленнымъ городскому головѣ по всѣмъ отраслямъ городского хозяйства.

Но помимо воды, займа и другихъ частныхъ, всѣ гласные соединились на одномъ. Управу надо очистить.

— Это Авгіевы конюшни,—на первомъ же свиданіи сказалъ г. Топчибашевъ.

— Это Авгіевы конюшни,—повторяли другіе гласные, обѣщаясь мнѣ помочь въ ихъ очисткѣ и объясняя, насколько это нелегкое дѣло. Дѣлая визиты, я присматривался къ городу, къ людямъ. Побывавъ на окраинахъ, я ужаснулся, видя массу домовъ, къ которымъ не только ночью или въ дурную погоду, но и въ хорошую-то погоду днемъ не дойдешь. Улицы не только немощеныя, но съ удивительными горами, перевалами, косо-

рами, дѣлающими ихъ не только непроѣздными, но и непроходимыми. Я поражался этимъ удивительнымъ неустройствомъ, этой грязью въ центрѣ города.

А Черный городъ!—этотъ городъ заводовъ, со свистящимъ паромъ и электричествомъ, но рядомъ съ этимъ съ совершенно непроходимыми улицами, на которыхъ трубы проложены безъ системы, безъ порядка, безъ всякихъ предосторожностей и, очевидно, безъ разрѣшенія властей ли, управы ли. Такихъ трубъ разрѣшить никто не можетъ. За нихъ дѣпляютъ колесами, ставятся на нихъ прохожіе.—И никому, очевидно, въ голову не придетъ урегулировать этотъ вопросъ, указавъ гдѣ и какъ проводить трубы, чтобы не мѣшать движенію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сами трубы были бы въ безопасности. Вѣдь это стоило бы пустяки. Тутъ же вдоль улицъ канавы съ текущимъ въ нихъ мазутомъ, не говоря уже про то, что вся земля пропитана нефтью и нефтяными остатками. Навѣрное, думаю, за границей приняли бы мѣры, чтобы добро не пропадало даромъ. А оказывалось, что городъ, собирающій мазуть въ канавахъ, доходу отъ него имѣетъ больше двадцати тысячъ.

Но хуже всего это—грязь и вонь на базарахъ. Всякій лавкo-владѣлецъ или торгующій съ лотковъ считаетъ себя вправѣ съ товаромъ расположиться на тротуарахъ и на мостовой, затрудняя проходъ и проѣздъ. Нужно кому вылить что, онъ, не стѣсняясь, выливаетъ тутъ же на тротуарѣ; тутъ же лежать и ѣдятъ свой чурекъ ¹⁾ съ виноградомъ несчастные, рваные, всѣми обиженные амбалы ²⁾. Тутъ же ходятъ городовые и иногда ни съ того, ни съ сего повалятъ ногой какой-нибудь столъ или опрокинутъ корзину съ овощами, такъ что все летитъ въ грязь, при чемъ сосѣда, у котораго столъ и корзина тоже на тротуарѣ, не только не трогаютъ, но привѣтствуютъ добрымъ словомъ. Ви-

¹⁾ Мѣстный бѣлый хлѣбъ, довольно вкусный, когда онъ свѣжъ, и напоминающій вкусомъ наши калачи.

²⁾ Амбалъ—носильщикъ, большею частью персы, есть и армяне. Въ Тифлисѣ они называются мухами.

далъ я и такую сценку. Идетъ амбаль; навстрѣчу ему городской. Вдругъ городской ни съ того, ни съ сего ударяетъ его ногой въ спину. При мнѣ амбаль, еще совсѣмъ мальчишка, полетѣлъ отъ такой неожиданной и ничѣмъ не вызванной ласки. Пользуясь такими средствами, думалъ я, и возбуждая такой страхъ, какой можно бы внѣшній порядокъ завести! Ужъ если безъ этого нельзя, почему не направить эту силу на прекращеніе дѣйствительнаго зла? Потомъ, видя того же полицейскаго, очень мирно бесѣдующаго съ лавочниками и не гнушающагося выкурить предложенную амбаломъ папирску, я понялъ, что вся прелесть для полиціи этихъ дикихъ мѣръ и заключается въ возможности одного оскорблять, другого приласкать.

А развѣ голова не можетъ помочь дѣлу? Вѣдь дума ему спасибо скажетъ, если онъ введетъ порядокъ на базарѣ. На это есть обязательныя постановленія думы, которыя она сейчасъ подпишетъ обѣими руками, есть воздѣйствіе на полицію губернатора, прекрасно меня принявшаго и обѣщавшаго содѣйствіе во всемъ, что законно.

Эту маниловщину мнѣ теперь писать стыдно. А вѣдь это было и было недавно. Какъ разлетаются человѣческія мечтанія! Но тогда, объѣзжая городъ, я даже радовался его неустройству. Чѣмъ больше дѣла предвидится, тѣмъ больше я сдѣлаю, тѣмъ больше получу нравственнаго удовлетворенія. Очень ужъ я вѣрилъ этимъ улыбающимся лицамъ. Ну, какъ не вѣрить гласному, когда онъ говорить:

— Александръ Ивановичъ, я первое трехлѣтіе гласнымъ, но ужъ теперь могу сказать, меня дума слушаетъ. Я работаю для города.

Это «для города» повторяется очень часто. И я хотѣлъ работать «для города» и они «для города». Зачѣмъ же дѣло стало? Вѣдь успѣхъ обезпеченъ!

Передъ самымъ моимъ прїѣздомъ произошелъ такой случай. На Чемберекендѣ¹⁾ посреди тротуара былъ колодець съ невы-

¹⁾ Чемберекендъ—одна изъ нагорныхъ частей города.

сокимъ срубомъ и безъ покрывки. И вотъ въ этотъ колодець попалъ акцизный чиновникъ и утонулъ. Кто говорилъ, что онъ былъ пьянъ, кто отрицалъ это. Да дѣло не въ томъ, пьянъ или не пьянъ. Подумайте, слѣдъ ли человѣку въ колодцѣ тонуть днемъ на людной улицѣ посреди тротуара? Я, дѣлая визиты, заѣхалъ посмотрѣть на колодець. Да, улица мощеная, тротуаръ Кировый, широкой и посреди тротуара колодець со срубомъ не болѣе аршина высоты съ крышкой на немъ. Крышку сдѣлали послѣ смерти въ немъ чиновника. Меня обступили татары, и кто ломанымъ русскимъ языкомъ, кто черезъ переводчика старался мнѣ объяснить, что этотъ колодець необходимъ въ ихъ обиходѣ. О ненормальности существованія колодца, въ которомъ тонуть люди—ни одного слова. Я рѣшилъ немедленно заняться этимъ дѣломъ и прекратить возможность повторенія такихъ случаевъ.

Я съ того дня, какъ принялъ рѣшеніе идти на городскую службу, прежде всего запасся всѣми книгами, трактующими о городскомъ хозяйствѣ. Гуго, Семеновъ, Шрейдеръ и нѣсколько книгъ по спеціальнымъ вопросамъ—вотъ и все. Удивительно мало. Точно нѣтъ городскихъ дѣятелей грамотныхъ; точно не нужно книгъ читать, чтобы дѣло знать, а дѣло знать, чтобы его дѣлать. Буквально негдѣ чему-либо научиться. Уяснить себѣ удалось мнѣ только юридическую сторону дѣла, лучше разработанную, чѣмъ статистическая и практическая.

III.

Первые дни я, кромѣ дѣланія визитовъ, занимался тѣмъ, что, не вступая въ исправленіе обязанностей, присматривался къ дѣламъ. Шло длинное засѣданіе, посвященное сильно запоздавшему рассмотрѣнію смѣты на текущій годъ. Полгода уже прошло, и измѣненія дума могла дѣлать только на второе полугодіе: съ расходами перваго думѣ приходилось считаться, какъ съ совершившимся фактомъ. Смѣту я хотѣлъ пропустить подъ предсѣдательствомъ г. Бѣлявскаго, но не выдержалъ и самъ занялъ предсѣдательское мѣсто. Впрочемъ, еще передъ тѣмъ, на другой же день

послѣ приѣзда, я счелъ нужнымъ представиться думѣ и высказать во вступительной рѣчи свою profession de foi. Въ «Каспіи» было напечатано утромъ о томъ, что я буду говорить рѣчь.

Зная, какъ долго Баку страдаетъ отъ безголовья и видя сангвиническія надежды, которыя на меня возлагаются, я думалъ, что въ маленькой думской залѣ мѣста не хватитъ. Каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ десятка три гласныхъ и того меньше публики. Всѣхъ гласныхъ у насъ въ думѣ было вмѣсто восьмидесяти—57. Обычный обязательный составъ—одна треть, т.-е. 19, а усиленный для наиболѣе важныхъ дѣлъ—половина, т.-е. 29. Почему это такъ и какъ здѣсь происходили выборы, я скажу послѣ. Теперь же замѣчу, что составъ 44 гласныхъ, бывшихъ при моемъ избраніи—совершенно исключительный, обыкновенно же собирается отъ 20 до 25. Нужный для рѣшенія важнѣйшихъ земельныхъ дѣлъ половинный составъ, чело-
ловѣкъ въ 30, собирается рѣдко.

Итакъ, ни многочисленнаго состава гласныхъ, ни публики. Я привыкъ у насъ видѣть живой интересъ интеллигентной публики къ общественнымъ дѣламъ. Здѣшнее равнодушіе, отсутствіе простого любопытства посмотрѣть и послушать новаго голову меня очень удивили. Оказалось, что въ Баку публика почти никогда не бываетъ на думскихъ засѣданіяхъ. Развѣ зайдутъ кое-какіе служащіе отъ нечего дѣлать, да корреспонденты «Каспія» по обязанности. Корреспондентовъ же другихъ газетъ тоже не бываетъ ни тифлисскихъ, ни петербургскихъ.

Рѣчь я сказалъ приблизительно слѣдующую:

«Я не знаю, чѣмъ заслужилъ честь, которой почтила меня бакинская городская дума, избравъ меня городскимъ головой. Прежняя ли моя дѣятельность по земству или откровенность, какъ публициста, были причиной избранія—я не знаю. Но только почти единогласное избраніе не могло не подѣйствовать на меня ободряюще, не могло не вызвать нѣкоторое чувство гордости. Довѣріе, оказанное мнѣ думою, разсѣяло тѣ сомнѣнія, какія волновали меня до этого: принять или не принять на себя связанная съ должностью городского головы сложныя и труд-

ныя обязанности. Я ихъ, немедля, принялъ и, не теряя времени, вступилъ въ должность. Но чѣмъ ближе знакомился съ дѣломъ, тѣмъ болѣе сложность дѣла стала меня пугать, тѣмъ болѣе стали разрастаться мои сомнѣнія. Говорятъ, что Баку — городъ американскій. Дѣйствительно, онъ напоминаетъ американскій городъ по размѣрамъ промышленности и торговли, по ихъ формамъ и по энергіи жителей, а главное по быстротѣ роста.

«Но онъ далеко — нечего таить грѣха — не американскій по своему благоустройству. Меня пугаетъ и трудность задачи удовлетворенія нуждъ населенія. Я по пальцамъ пересчиталъ нужды города и ужаснулся передъ массой неудовлетворенныхъ потребностей. Первое, что я услышалъ, это — крикъ: «воды! дайте воды! воды!» Впечатлѣніе получается такое, какъ будто городъ горитъ. Обращаясь къ дѣлу народнаго образованія, мы и тутъ видимъ, что еще многое нужно сдѣлать. Мы видимъ гимназію безъ собственнаго зданія, — гимназію, въ которой грозятъ намъ закрыть нѣсколько классовъ, крайне необходимыхъ нашимъ дѣтямъ. Остаются неудовлетворенными и многія другія нужды народнаго образованія. Затѣмъ городъ нуждается въ мостовыхъ; у него нѣтъ электрическаго трамвая, желательнѣе лучшее освѣщеніе; ожидаетъ своей очереди санитарно-медицинская организація; нѣтъ канализаціи, — все это такія потребности, которыя потребуютъ много силъ отъ городского самоуправленія.

«Но этого мало. Наука и опытъ намъ говорятъ, что мы должны стремиться расширять кругъ дѣятельности городского самоуправления. Двадцать лѣтъ назадъ думали, что торговая часть не есть дѣло думы. Теперь же мы видимъ, что наиболѣе благоустроенные города имѣютъ общественныя бани, прачечныя, пекарни, мясныя лавки, — и эти предпріятія процвѣтаютъ и приносятъ огромную пользу населенію. Та же наука и опытъ указываютъ намъ стремленіе къ муниципализаціи городскихъ и общественныхъ предпріятій, что постоянно должно усиливать интенсивность городской хозяйственной работы и еще болѣе усложнять задачу. А это потребуетъ такого напряженія силъ, котораго, можетъ быть, у насъ и не хватитъ.

«Страхъ мой сталъ все болѣе и болѣе усиливаться: хорошо ли я сдѣлалъ, согласившись принять избраніе и взявъ на себя обязанности городского головы? Но, ближе познакомившись съ вами, я нѣсколько успокоился. Я замѣтилъ въ васъ довѣріе къ себѣ — а отношеніе думы къ управѣ настолько снисходительнымъ и любезнымъ, что это меня окончательно ободрило. Надѣюсь, что это довѣріе и любезность думы будутъ продолжаться и дальше. Я бесконечно и глубоко вѣрю въ продуктивность дѣятельности общественнаго самоуправленія, если эта дѣятельность подкрѣпляется обоюднымъ довѣріемъ. Городскія самоуправленія обвиняютъ въ упущеніяхъ и недочетахъ, — но думаю, что при желаніи эти недочеты можно устранить. Часто тормазомъ является формализмъ, — я врагъ формализма и буду, поскольку это зависитъ отъ городского головы, стараться уничтожить все, что задерживаетъ ходъ дѣла. Можетъ быть, причиною неуспѣха также недовѣріе думы къ управѣ, но, опять повторяю, почвы для недовѣрія, надѣюсь, не будетъ. Бываетъ также, что поводъ къ нежеланію гласныхъ работать подаетъ неисполнительность управы. Дума постановляетъ, а управа не исполняетъ. Гласному просто становится досадно, и онъ перестаетъ ходить въ засѣданія. Я постараюсь всѣми силами, чтобы и этого не было. Со стороны управы вы получите всегда полную правду и откровенность во всемъ. Мы исполнители вашей воли, и недомолвокъ между нами и вами не должно быть. Я теперь же прошу и васъ прямо указывать на всѣ могущія быть упущенія.

«Но если солидарность нужна между думой и управой, то тѣмъ болѣе она нужна между нами, г. члены управы. Я поклонникъ коллегіальной работы; мы должны работать вмѣстѣ, вмѣстѣ и совокупно разрѣшать всѣ вопросы. Дума не должна знать ни Ивана Ивановича, ни Петра Петровича, она должна знать только управу. Въ случаѣ же несогласія между нами, — несогласія, конечно, принципиальнаго, — я и мысли не допускаю, что могутъ быть несогласія личныя — мы должны передать вопросъ на судъ нашей довѣрительницы-думы. А что желанія и требованія думы будутъ исполняться, я это обѣщаю, я за это отвѣчаю.

«Есть у насъ и еще союзница, чуть ли не самая надежная,— это гласность. Когда я съ довольно спокойнаго мѣста уходилъ сюда, мнѣ говорили: «Александръ Ивановичъ, что вы дѣлаете? Какъ это вы идете туда, гдѣ васъ каждый можетъ бранить? Вѣдь лѣнивый только не ругаетъ городское самоуправленіе». Я не согласенъ съ такимъ взглядомъ. Я самъ писалъ, пишу и буду по возможности продолжать писать и привыкъ не бояться прессы. Если будетъ написана неправда, мы можемъ возразить, и неправда разлетится, какъ дымъ, а если правда, то это послужитъ на пользу дѣлу, и мы исправимся. Но этого мало; я думаю, что не только пресса, но и всякій обыватель можетъ и имѣть право придти ко мнѣ и сказать: «Я участникъ въ расходахъ и прошу соблюдать мои интересы».

«Мнѣ остается отмѣтить еще одно. Я спрашивалъ членовъ управы: допускаете ли вы мысль о какой бы то ни было партійности по національностямъ, по религіямъ, по общественному положенію и пр.? Они отвѣтили: нѣтъ. И я думаю, что не должно быть, и съ своей стороны общаюсь употребить всѣ усилія, чтобы не было. Есть еще,—бываетъ въ нѣкоторыхъ городахъ,—политика центра, въ ущербъ интересамъ жителей окраинъ города. Думаю, что окраины больше нуждаются въ попеченіяхъ городского самоуправления, а поэтому мы должны удѣлять имъ возможно больше своихъ силъ. Больше нуждается въ мостовой и освѣщеніи житель окраины, ежеминутно бѣгая, рискующій сломать себѣ ногу, чѣмъ жители центра, къ услугамъ которыхъ и асфальтъ, и фэтоны на резиновыхъ шинахъ, и конка...

«Мы не должны дѣлать разницы между обывателями, намъ должны быть одинаково дороги интересы всѣхъ бакинцевъ. Для насъ должны быть одинаковы всѣ — отъ гласнаго милліонера, домовладѣльца, до послѣдняго амбала. Надѣюсь, дума одобрить эту программу; она была извѣстна моимъ избирателямъ и ранѣе.

«И если бы я думалъ, что она не встрѣтитъ въ думѣ сочувствія, я бы не былъ городскимъ головою».

«Прошу вѣрить въ наше желаніе работать, но и не возла-

гать слишкомъ большихъ и горячихъ надеждъ, такъ какъ горячія надежды могутъ повлечь за собою разочарованія. Излишнія надежды тѣмъ опаснѣе, что ошибки несомнѣнно будутъ — не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ. Будьте же, господа, къ этимъ ошибкамъ снисходительны, какъ были до сихъ поръ...»

Такова была моя вступительная рѣчь въ очень близкой передачѣ «Каспія».

Нечего мнѣ говорить, что рѣчь эту я сказалъ отъ глубины души, вѣруя въ каждое слово, которое я произносилъ. Сказаннымъ самъ я остался крайне доволенъ.

Года полтора спустя, я эту рѣчь перечитывалъ и могъ сказать только одно: маниловщина, маниловщина, маниловщина!.. Ни одного слова, которое не рѣвало бы уха своей удивительной фальшью. А тогда отъ «избытка сердца» говорили уста. Ни обоюднаго довѣрія думы или управы, ни согласія управы, ни отсутствія партійности по національностямъ, ни изгнанія формальности, ни даже главнаго: откровенности передъ думой — не было, не могло быть, а можетъ быть для пользы дѣла и не должно было быть...

Кто въ этомъ виноватъ? Я ли, или не я? на это пускай отвѣтятъ факты. Думаю, что я не виноватъ, по крайней мѣрѣ, сознательно. А тамъ... опять же обратимся къ фактамъ. Я обѣщался быть откровеннымъ и, конечно, лгать не буду. Впрочемъ, и, произнося свою маниловскую рѣчь, я вѣлъ тоже не лгаль; нѣтъ, даже, по-правдѣ говоря, готовъ былъ слезу проронить, такъ все шло отъ сердца и какъ будто иначе вѣдь и быть не могло...

Раздалось два-три хлопка, когда я кончилъ. Сильнѣе всѣхъ хлопалъ г. Топчибашевъ, сидя въ первомъ ряду.

Я очень доволенъ былъ его отношеніемъ ко мнѣ. Его положеніе среди магометанъ заставляло видѣть въ немъ одного изъ руководителей партіи. Юристъ по образованію, присяжный повѣренный, редакторъ газеты, избранный думой въ председатели въ тѣхъ случаяхъ, когда по закону голова не председательствуетъ самъ — онъ могъ быть для меня только сильной под-

держкой. Моя программа не была націоналистической — и это для меня чуть ли было не главное. А онъ мнѣ аплодировалъ. Слѣдовательно, и онъ не націоналистъ. Слѣдовательно, и вопроса о національностяхъ не будетъ и быть никогда не можетъ. Такъ мнѣ казалось въ тѣ блаженные времена.

«Каспій» привѣтствовалъ меня въ нѣсколькихъ статьяхъ, изъ которыхъ одна ¹⁾, очень для меня хвалебная и одобрявшая мою программную рѣчь, за скромною подписью «Т» несомнѣнно скрывала самого редактора-гласнаго. Впоследствии, когда «Каспій» по отношенію ко мнѣ игралъ совсѣмъ обратную роль, его сотрудники неоднократно бросали мнѣ упрекъ, что я попалъ въ головы благодаря «Каспію», т.-е. его редактору. Не какъ упрекъ я это заявленіе хочу подтвердить. Да, въ головы меня провелъ, главнымъ образомъ, если не единственно, г. Топчибашевъ. Упрекать меня нечего въ этомъ, потому что я еще вполне не убѣжденъ, кто кому сдѣлалъ большее одолженіе — дума ли мнѣ, что меня выбрала, или я думѣ, что пошелъ къ нимъ въ головы. Да простятъ мнѣ мое самомнѣніе. Вѣдь я исповѣдуюсь. Не могу же я скрывать своихъ грѣховъ. Тутъ-то, вѣроятно, и зарыта, какъ говорятъ нѣмцы, собака въ отношеніяхъ «Каспія» ко мнѣ. Сдѣйствовавъ моему избранію или, скорѣе, посадивъ меня въ головы, гг. «Каспійцы» были увѣрены, повидимому, что меня купили, что я ихъ, и, какъ таковой, долженъ пойти съ первыхъ же шаговъ по ихъ указкѣ.

Этого, къ сожалѣнію для нихъ, не произошло; по ихъ указкѣ я не пошелъ, сохранивъ за собою право думать, какъ умѣю, говорить, какъ думаю, дѣлать, какъ говорю.

Но я не хочу забѣгать впередъ.

Впрочемъ, черная кошка или, скорѣе, маленькій черненькій котеночекъ или даже два котеночка не преминули между нами лробрѣжать на первыхъ же порахъ нашей совмѣстной работы.

¹⁾ „Каспій“ 29 мая 1902 г.

IV.

Присматриваясь къ ходу дѣлъ управскихъ, я замѣтилъ, что коллегіальности-то въ ней совсѣмъ и нѣтъ. Каждый членъ управы ведетъ свое дѣло, пишетъ постановленіе такое или другое, хотя бы о выдачѣ кому-либо денегъ, и это подписанное имъ постановленіе разносится къ двумъ другимъ членамъ; тѣ подписываютъ, большею частью не читая, и дѣло кончено. Никакой книги управскихъ постановленій нѣтъ. Изъ разспросовъ членовъ управы дѣйствительно оказалось, что коллегіальныя обсужденія вопросовъ происходили лишь въ видѣ исключенія. Обыкновенно постановленіе писалось въ отдѣленіи члена управы и разносилось дѣлопроизводителями по другимъ членамъ, машинально подписывавшимъ эти постановленія.

Нѣкоторыя отрасли вѣдались совсѣмъ почти безконтрольно однимъ членомъ. Такъ, М. А. Бѣлявскій, всецѣло отдавшійся земельному дѣлу, велъ его совсѣмъ самостоятельно. Онъ же въ качествѣ предсѣдателя училищной комиссіи совсѣмъ не докладывалъ управѣ ея рѣшеній. Нѣкоторыя исполнительныя комиссіи вели свои дѣла совсѣмъ самостоятельно отъ управы. Другимъ членамъ управы очень не нравилось, что ихъ не спрашивали по школьнымъ дѣламъ, но сдѣлать они ничего не могли, тѣмъ болѣе, что г. Бѣлявскій былъ долгое время и заступающимъ мѣсто городского головы. Не знаю тоже, отплачивали ли ему другіе члены тѣмъ же въ сферѣ ихъ компетентности — но во всякомъ случаѣ единенія въ управѣ не было.

Эти листки постановленій, съ собранными подписями членовъ управы, прикладывались къ дѣламъ, а разъ прикладывались къ дѣламъ, могли и пропасть и пропадали...

— Гдѣ постановленіе управы, на которое вы ссылаетесь?

— Да оно затерялось видно...—Дѣлопроизводитель для виду ищетъ его въ дѣлѣ...

— Да было ли оно?

— Какже-съ! Было.

А я имѣю основаніе думать, что часто и не было. По крайней мѣрѣ, въ одномъ дѣлѣ, гдѣ постановленіе считалось затеряннымъ, можно думать, что его никогда и не было. А дѣло было многотысячное.

Такъ жили члены управы и правили дѣло каждый самъ по себѣ, что, къ сожалѣнію, далеко не служило гарантіей успѣха. Канцелярская часть была поставлена отвратительно. Сплошь да рядомъ приходили бумаги отъ губернатора, не то что отъ другихъ лицъ, съ требованіемъ отвѣта, котораго управа не давала мѣсяцы, годы. Иногда стыдно было передъ губернскимъ присутствіемъ. И при всемъ томъ управа часто пробовала спорить и сама обвиняла другія учрежденія въ задержкѣ дѣлъ. Разъ—не помню по какому дѣлу—меня попросили поторопить губернское присутствіе, яко-бы задержавшее дѣло. Они по исходящимъ и равнымъ доказали, что отвѣтъ былъ данъ и у насъ же затерялся. Сколько бумагъ лежало неизвѣстно въ какомъ отдѣленіи, сколько бумагъ пропало совсѣмъ по той или другой причинѣ!

Но хуже всего было съ земельными дѣлами. Они не разрѣшались долгіе годы, до десяти включительно. Подать прошеніе по земельному отдѣленію, значило все равно, что ничего не подавать. Только при напоминаніяхъ, при поддержкѣ какого-нибудь гласнаго можно было надѣяться, что дѣло увидитъ свѣтъ. Городъ судился о нѣсколькихъ тысячахъ участковъ; дѣла эти были во всевозможныхъ стадіяхъ. По нѣкоторымъ было постановленіе члена управы начать дѣло въ судѣ, и дѣло оказывалось не начатымъ. По другимъ дѣло въ судѣ было окончено, но исполнительный листъ лежалъ безъ движенія.

Послѣдніе два года дѣла земельныя еще болѣе страдали, потому что М. А. Бѣлявскій, кромѣ дѣлъ своего отдѣленія, былъ еще обремененъ дѣлами головы. И удивительная вещь! Оказалось, что у головы и у управы какъ коллегіи, нѣтъ ни канцеляріи, ни секретаря, никого, кромѣ сторожа, да и то глухонѣмого. Забудьте, я не преувеличиваю ничуть.

Еще можно допустить, что г. Бѣлявскій, совмѣщая должность головы и члена управы, могъ обходиться своей канцеляріей, за-

нимая ее не одними земельными дѣлами, но спрашиваю себя: какъ обходились прежніе городскіе головы: Ирецкій, Фонъ-дербъ-Нонне?

Результатомъ этого бывали такіе случаи: получаетъ М. А. Бѣлявскій бумагу. Не имѣя канцеляріи, онъ собирается на нее отвѣчать и кладетъ на столъ. Потомъ за множествомъ дѣлъ,—а работалъ онъ всегда и утромъ и вечеромъ такъ: первымъ приходилъ, послѣднимъ уходилъ — онъ естественно забывалъ про бумагу, изъ коихъ нѣкоторыя и по днесъ ждутъ отвѣта.

«Э!? — подумалъ я: — это не только Авгіевы конюшни, это еще и на половину пустыя конюшни. При всемъ томъ, что онѣ Авгіевы, т.-е. на половину должны быть очищены, онѣ еще и пусты на другую половину».

Первое, что я рѣшилъ завести, это, во-первыхъ, засѣданія управы правильныя, по возможности ежедневныя. Затѣмъ необходимо было завести книгу постановленій, гдѣ бы все записывалось, что рѣшаетъ управа, и установить управскую канцелярію. Наконецъ нужна была и канцелярія головы.

Я рѣшилъ въ ближайшее засѣданіе просить думу открыть двѣ должности: секретаря управы въ 3600 р. и секретаря личныхъ дѣлъ головы въ 720 рублей.

Былъ у меня пріятель, литераторъ В. Ф. Тотоміанцъ. Написалъ онъ нѣсколько книгъ про кооперацію, въ которую вѣрилъ безконечно и по отношенію къ которой былъ русскимъ Оуэнномъ. Прежде онъ былъ въ одно время со мною членомъ покойнаго союза писателей. Въ одно же время насъ забросила судьба (мнѣ мать, а ему мачиха) въ Астрахань. И вотъ: кого — думаю себѣ — лучше взять въ секретари управы, какъ не Тотоміанца? Писатель — хорошо будетъ писать доклады. Знатокъ коопераціи и муниципализаціи — хорошій дастъ совѣтъ по городскимъ дѣламъ.

Сказано — сдѣлано. Не скрывая своего кандидата и телеграммой заручившись его согласіемъ, я вношу свое предложеніе въ думу. Думалъ, признаюсь, что и разговоръ не будетъ: такъ ясна была необходимость этихъ людей.

Противъ ожиданія начались пренія, причемъ я долго не зналъ,

какъ вопросъ рѣшится. Большинство какъ будто высказывалось противъ. Въ томъ числѣ противъ назначенія говорилъ и г. Топчибашевъ. И говорилъ онъ довольно длинно. Сперва онъ просилъ отложить до конца смѣты этотъ вопросъ, чтобы видѣть, какъ сведется балансъ. Какъ будто лишнихъ четыре тысячи могли замѣтнымъ образомъ повліять на балансъ двухмилліоннаго бюджета. Затѣмъ онъ говорилъ по существу, что сами члены управы должны составлять доклады или, въ крайнемъ случаѣ, ихъ дѣлопроизводители, и что штаты безъ того громадны и безъ новыхъ должностей. Но, какъ-никакъ, пренія окончились въ пользу моего предложенія: должности были открыты. Я это объясняю тѣмъ, что это была моя первая просьба, обращенная къ думѣ. Неловко правда пригласить голову и на первыхъ же порахъ не дать ему помощниковъ, которыхъ онъ требуетъ. Такъ прямо и сказалъ въ думѣ одинъ изъ умныхъ и очень наружно симпатичныхъ гласныхъ-армянъ.

Мнѣ вообще показалось, что армяне голосовали за мое предложеніе, а татары противъ. Послѣ я догадался, гдѣ раки зимуютъ. Оказалось, что татарамъ не нравилось, что я обратился къ армянину—Тотоміанцу. Вотъ оно значеніе національности! Я хорошо зналъ Тотоміанца, цѣлые вечера просиживали вмѣстѣ—и, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило, что онъ армянинъ. Даже физически онъ похожъ на нѣмца. А что національностью г. Тотоміанца руководился, главнымъ образомъ, г. Топчибашевъ, на это у меня были потомъ несомнѣнные доказательства.

Въ этомъ же засѣданіи въ думѣ говорилось о больномъ вопросѣ—о водѣ. Войти въ детали, ознакомиться достаточно, чтобы имѣть свое мнѣніе—въ нѣсколько дней было нельзя, тѣмъ болѣе, что мнѣній было весьма много и весьма разнорѣчивыхъ. Главныя двѣ группы были: линдлеевцы и антилиндлеевцы.

Линдлей, — англичанинъ, имѣющій очень большую контору въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Его специальность, какъ и его отца, — водоснабженіе и канализація. Отецъ его энциклопедическимъ словаремъ, а потому и всѣми бакинцами признавался знаменитостью. Самъ же Линдлей имѣлъ и горячихъ сторонниковъ

весьма, надо сказать, немногочисленных, и враговъ непримиримыхъ и составлявшихъ, повидимому, большинство думы. Къ врагамъ принадлежала редакція «Каспія», въ лицѣ гласныхъ, Топчибашева и тестя его Гасанъ-бека Меликова; г. Меликова я прежде тоже зналъ по газетамъ, какъ гласнаго, не пропускавшаго ни одного думскаго вопроса, чтобы не поговорить, при томъ всегда нападаая на управу или кого-либо изъ ея агентовъ. Онъ часто не стѣснялся обвинять агентовъ управы и въ кражахъ, при чемъ обвиненія оказывались мало обоснованными, а иногда и просто клеветническими. Его девизомъ было: «подъ судъ».

Такъ вотъ эти господа были самыми яркими антилиндлеевцами. А такъ какъ въ ихъ рукахъ былъ «Каспій», т.-е. вся бакинская пресса, то естественно, что противъ Линдлея было и общественное мнѣніе.

Двадцать-пять лѣтъ назадъ бакинская дума начала искать воды. Тогда же была образована многочисленная думская водопроводная исполнительная комиссія, и все это время Баку къ водѣ не приблизилось. Естественно было пасть духомъ.

Мѣстное населеніе пьетъ колодезную воду, во-первыхъ, полусоленую, такую, что непривычному человѣку и въ ротъ ее брать противно, во-вторыхъ, необычайно жесткую, въ-третьихъ— и это худшее— съ несчетнымъ числомъ бактерій. Отсутствіе канализаціи большого города, очевидно, все болѣе и болѣе ухудшаетъ эту воду.

Стали искать воду въ разныхъ родникахъ и ничего не нашли подходящаго: или вода была нехороша, или воды было мало, или наконецъ ее, по мѣстнымъ условіямъ, нельзя было взять, какъ нужную для населенія ближайшихъ деревень, которымъ, кромѣ питьевой воды, нужна еще большая масса воды для орошенія полей, только при этомъ условіи удобныхъ для сельскаго хозяйства.

Денегъ израсходовано было много, а толку все не было. Наконецъ, пришлось, во что бы то ни стало, изыскивать источники водоснабженія. Пробовали привозить воду на судахъ, моремъ изъ Волги, изъ Куры. Вода была дорога, а иногда, вмѣсто прѣсной,

вода приходила соленой. Наконецъ, устроили городской опрѣснитель для добыванія прѣсной воды изъ морской. Опрѣснитель не пошелъ: вода была слишкомъ дорога. Черезъ короткое время заключили договоръ съ берлинской фирмой Артура Коппеля о постановкѣ въ Баку новаго опрѣснителя по системѣ русскаго инженера Ягна.

Этотъ опрѣснитель и дѣйствовалъ при моемъ приѣздѣ въ Баку. Вода стоила $\frac{3}{4}$ копѣйки за ведро, лѣтомъ была тепла и мало освѣжала, и притомъ страдала присутствіемъ мѣди, правда, въ весьма малыхъ, хотя и вовсе нетерпимыхъ количествахъ. Мѣдь зависѣла отъ недостатковъ самого опрѣснителя, желѣзо—оттого, что городская сѣть никуда не годилась и была внутри покрыта ржавымъ налетомъ. Иногда вода выходила совсѣмъ красною. На городскихъ будкахъ фильтровъ не было. Естественно, что населеніе роптало и требовало прежде всего воды.

Одинъ изъ моихъ товарищей по управѣ, членъ управы В. С. Смоленскій, года три передъ моимъ приѣздомъ, ѣдилъ на водопроводный съѣздъ, кажется, въ Одессу и тамъ познакомился и увлекся Линдлеемъ. Онъ его пригласилъ въ Баку. Кончилось тѣмъ, что дума поручила Линдлею разработать два проекта одновременно, оба на разную воду: изъ Куры и изъ Самура.

Дѣлая свои изслѣдованія и ознакомившись съ мѣстностью, Линдлей пришелъ къ заключенію, что для Баку неподходяща по разнымъ причинамъ ни Куринская, ни Самурская вода, а что нужна вода родниковая или подпочвенная—результатъ таянія вѣчныхъ снѣговъ Шахъ-Дага. Разъ онъ пришелъ къ этому заключенію, онъ это говорить бакинцамъ.

— Бросьте, молъ, ваши Самуръ и Куру и сдѣлайте эти изслѣдованія.

Водопроводная комиссія соглашается съ нимъ, но дума отказывается.

— Кура и Самуръ; больше ничего не хотимъ!

Проходитъ годъ. Линдлей свои изслѣдованія все продолжаетъ и опять говорить:

Позвольте же мнѣ изслѣдовать родники. Вѣдь это я сдѣлаю одновременно съ Курой и Самуромъ. Это дѣла не оттянуть.

На этотъ разъ и комиссія противъ него. Напрасно умнѣйшій гласный Гаджи-Зейналь-Абдинъ Тагіевъ убѣждаетъ думу послѣдовать совѣту Линдлея. Напрасно предлагаетъ Тагіевъ тридцать тысячъ на начало работъ... Дума стоитъ на своемъ...

— Кура и Самуръ! Родниковъ не хотимъ и не позволяемъ.

Вмѣсто того, чтобы полюбить Линдлея за его откровенность и настойчивость въ дѣлѣ, касающемся блага города, его враги все болѣе и болѣе возстановлялись противъ него. Возненавидѣли и г. Смоленскаго, который привезъ Линдлея. Возненавидѣли до того, что когда я пріѣхалъ въ Баку, первое, что услышалъ, это— что пѣсенка Смоленскаго спѣта, что ему мѣста члена управы на второе четырехлѣтіе, какъ ушей, не видать, и что на его мѣсто будетъ избранъ гласный Македонскій.

— Почему же вы знаете, что Македонскій?—спросилъ я.

— Такъ рѣшено.

— Гм...

Водопроводная комиссія злоствовала провивъ Линдлея, придиралась ко всякимъ счетамъ его агентовъ; одного изъ нихъ, инженера Поповича, отдала подъ судъ за растрату городского имущества по ложному навѣту разочтеннаго переводчика. Занимались не водопроводными дѣлами, а вѣркапываніемъ всякихъ мелочей, лишь бы обвинить ненавистнаго имъ Линдлея.

При этихъ обстоятельствахъ я пріѣхалъ: «Каспій» разносить Линдлея; я слышу, и pro и contra, но разобраться хорошенько не могу. На засѣданіи водопроводной комиссії—разговоръ о председателѣ. Узнаю, что въ виду важности дѣлъ, ей порученныхъ, у нея былъ особый председатель, гласный Антоновъ, но что онъ ушелъ; затѣмъ хотѣли взять платнаго председателя, который только этимъ бы и занимался. Предназначали на это мѣсто гласнаго Сапарова и ассигновали-было тысячъ шесть. Но губернское присутствіе нашло почему-то, что нельзя председателю исполнительной комиссії получать больше члена управы, и ассигнованія этого не утвердило.

Такъ шло дѣло — ни шатко ни валко. Комиссія, повторяю, безъ предсѣдателя, занималась подсчетомъ, сколько линдлеевскіе инженеры съѣли сардинокъ. Я пріѣхалъ, и комиссія въ предсѣдателя намѣтила меня. Я согласился.

Этотъ вопросъ тоже разсматривался въ думѣ. Одинъ изъ моихъ большихъ недостатковъ — крайняя мнительность, и во всякомъ мнѣніи, несхожемъ съ моимъ, я вижу желаніе меня задѣть, а то и вовсе оскорбить. Пренія о предсѣдателѣ водопроводной комиссіи были оживленны. Многіе требовали платнаго предсѣдателя, а мнѣ казалось, что имъ не платный предсѣдатель нуженъ, а нужно меня какъ-нибудь не допустить до дѣла. Я ждалъ рѣшенія съ нетерпѣніемъ. Оно оказалось благопріятнымъ: я выбранъ въ предсѣдатели. Ненавидя національныя соображенія, я боялся вездѣ натолкнуться на таковыя. Последнее время меня какъ-то напугали рознь между враждующими въ Баку партіями. Да я и такъ замѣтилъ признаки недоброжелательства. Мнѣ казалось, что, будучи ставленникомъ главнымъ образомъ татарской партіи, я тѣмъ самымъ не совсѣмъ симпатиченъ армянамъ, несмотря на то, что и они мнѣ клали бѣлые шары.

Въ дѣлѣ, только что описанномъ, мнѣ показалось, что татары за меня, а армяне противъ. Думаю теперь, что это все было дѣло моего воображенія, но тогда я приписывалъ этому большое значеніе.

На счетъ линдлеевскихъ дѣлъ мнѣ пришлось высказаться на первыхъ же порахъ. Дѣло шло о счетахъ въ десять тысячъ рублей, предъявленныхъ къ оплатѣ агентами Линдлея. Договоръ съ нимъ состоялъ въ томъ, что всѣ предварительныя изысканія дѣлаются на мѣстѣ за счетъ города, а сами проекты водопроводовъ изъ Самура и Куры выполняются Линдлеемъ во Франкфуртѣ за 35.000 рублей.

Теперь бюро Линдлея представляло счетъ въ восемь тысячъ за работы по планамъ. Планы, снятые на мѣстѣ, съ обозначеніемъ высотъ, съ черновииковъ наносились на громадныя листы и покрывались тушью. Очевидно, это относилось къ подготовительнымъ работамъ на мѣстахъ. Но комиссія еще до меня, во-

преки очевидности, рѣшила, что составленіе бѣловыхъ плановъ входитъ въ составленіе самого проекта и должно быть сдѣлано Линдлеемъ за счетъ его 35.000. Не высказываясь по существу всего линдлеевскаго дѣла, я настаивалъ въ комиссіи, мною собранной, что 8.000 должны быть уплачены городомъ. Дума тоже со мной согласилась. Я тутъ же, впрочемъ, замѣтилъ недоумѣвающія лица гг. Топчибашева и Меликова. Что же это?—читалось на ихъ лицахъ.—Развѣ мы его выбрали Линдлея поддерживать?

На слѣдующій день въ «Каспій» ¹⁾ появилась статья главнаго сотрудника «Фантома» подъ заглавіемъ: «Милое дитя».

«Милое дитя» былъ я, который научился еле говорить, а ужъ наговорилъ о водѣ и Линдлеѣ массу глупостей, въ родѣ того, что вода лучше десяти тысячъ и т. д. Дитя просило конфетки, и ему дали конфетку. Но дитяти этого было мало. Оно запросило секретаря управы. Дали ему и секретаря. Но и этого мало. Захотѣлось ему «памятной книжки» (я, говоря о личномъ секретарѣ, между прочимъ, сказалъ, что онъ долженъ записывать многое, чтò велитъ голова, напоминать ему о разныхъ вещахъ, словомъ, служить какъ бы памятной книжкой).

Дали дитяти и памятную книжку. Въ концѣ г. Фантомъ уже серьезно говорить, что «свои» потребности каждый долженъ удовлетворять самъ, и что странно городу нести расходы на «памятныя книжки» головы.

Такой вздоръ меня удивилъ со стороны г. Фантома, всегда симпатичнаго мнѣ, когда онъ писалъ о рабочихъ. Неужели, думалъ я, онъ вправду думаетъ, что личный секретарь нуженъ мнѣ, Новикову, а не головѣ? Еще больше удивила меня эта статья своимъ появленіемъ въ органѣ моего «крестнаго». Мнѣ это показалось не къ добру.

Но вскорѣ въ томъ же «Каспій» ²⁾ за подписью Т. появилась еще статья, гдѣ г. Т. обвиняетъ управу (читай меня) въ

¹⁾ „Каспій“ 5 іюня 1902 г.

²⁾ „Каспій“ 23 іюня 1902 г.

удивительной рѣшительности, съ которой управа проводила по-собія служащимъ, новыя прибавки и «даже» новыя должности.

Эта статья совпала съ моимъ отъѣздомъ въ отпускъ на лѣчение и окончательно убѣдила меня въ томъ, что на особую поддержку «Каспія» мнѣ разсчитывать нечего. Нѣсколько это меня все-таки смутило.

На первыхъ же шагахъ моей общественной службы мнѣ пришлось заняться и опрѣсненной водой. Вода эта была иногда со-всѣмъ бурая отъ ржавчины въ трубахъ, но тутъ заводъ былъ ни при чемъ. Приходилось устраивать свои фильтры. Но и сама вода была нехороша. Надо было уничтожить слѣды мѣди; надо было лѣтомъ понизить ея температуру, такъ какъ ея нельзя было пить; надо было насытить ее недостающими газами. Срокъ нашего договора кончался. Обѣимъ сторонамъ полезно было его измѣнить.

Приѣхаль инженеръ Ягнъ, я и созвалъ водопроводную комиссію. Долго говорили мы, собирались раза два и ни къ чему не пришли. Но не это интересно. Интересно то удивительное недовѣріе къ людямъ, которое я замѣтилъ въ бакинцахъ. Прежде всего человѣкъ, съ которымъ они имѣютъ дѣла, ихъ врагъ, будь это контрагентъ, будь это служащій. Такъ и встрѣчаютъ приѣзжаго.—Ага! Ёдетъ! Какъ-то онъ насъ надуетъ, надо держать ухо востро!... Къ этому я вернусь въ свое время и приведу разительные примѣры.

V.

Само собою разумѣется, что на одномъ изъ первыхъ же за-сѣданій управы, если не на первомъ, я предложилъ ей принять мѣры противъ паденія добрыхъ людей въ городскіе колодцы. Я хотѣлъ-было, чтобы всѣ колодцы на улицахъ были засыпаны, ибо не мѣсто на улицѣ колодцу. Но большинство управы нашло, что это во многихъ мѣстахъ для населенія будетъ очень неудобно, что будто большинство татаръ не пьетъ опрѣсненной воды изъ-за религіозныхъ мотивовъ, и что нѣкоторые колодцы на ули-

цахъ даютъ сравнительно хорошую воду. Поэтому мы пришли къ компромиссу и постановили: всё колодцы должны быть закрыты и дѣйствовать насосами. Если колодцы нужны населенію, пусть тѣ, которымъ они нужны, устраиваютъ въ извѣстный срокъ насосъ и заботятся о его сохранности. Какъ послѣ этого колодецъ окажется небезопаснымъ—онъ немедленно закапывается городомъ. Постановленіе было хорошо; удовлетворена была потребность горожанъ въ этихъ колодцахъ; ограждена безопасность прохожихъ; и, наконецъ, все это дѣлалось на средства пользующихся водой, не ложась ни копѣйкой на городскую кассу. Было поручено списки этихъ колодцевъ и степень нужды въ нихъ населенія провѣрить участковымъ архитекторамъ и исполнительнымъ комиссарамъ. Двойной контроль лучше гарантировалъ отъ пропуска. Наблюдать за этимъ долженъ былъ по обязанности членъ строительнаго отдѣленія управы В. С. Смоленскій.

Проходить недѣля, спрашиваю г. Смоленскаго:

— Ну что колодцы?

— Написалъ и архитекторамъ, и исполнительнымъ комиссарамъ.

Прошу повторить приказъ, чтобы списки представлялись скорѣе. Назначилъ имъ срокъ. Наконецъ списки представлены и далеко не сходятся. И тамъ и сямъ пропуски, разнорѣчивыя показанія. Списки исправляются. Мнѣ это становится досадно; я начинаю торопить члена управы, которому такое приставаніе замѣтно надоѣдаетъ. Затѣмъ я уѣзжаю лѣчиться. Чтобы не возвращаться снова къ исторіи съ колодцами, расскажу конецъ ея. Поднятъ былъ вопросъ въ концѣ мая или началѣ іюня. Въ серединѣ августа по возвращеніи изъ-за границы я узнаю, что отъ словъ къ дѣлу еще не перешли. Является рядъ обывателей съ жалобами на притѣсненія, приходится чуть ли не самому вести дѣло... и кончается тѣмъ, что дѣло я бросилъ, а колодцы до сихъ поръ не засыпаны и не закрыты. Если въ нихъ никто не валится и не умираетъ, то видѣть надо въ этомъ особую милость Божію.

Мнѣ скажутъ, что я на то и голова, чтобы настоять. Почему

я не требовалъ отъ архитекторовъ и отъ члена управы исполненія управскаго постановленія? Причинъ на это много и не безынтересно въ нихъ разобраться.

Я уже говорилъ, что каждый членъ управы дѣйствовалъ до меня (да и при мнѣ потомъ) почти самостоятельно. Подчиненныхъ представлялъ членъ управы, и управа соглашалась, такъ какъ и другіе члены хотѣли быть свободны въ выборѣ своихъ подчиненныхъ.

Въ управѣ было прежде три, потомъ четыре отдѣленія. При мнѣ уже возникло пятое, въ видѣ канцеляріи головы.

По молчаливому соглашенію дума имѣла всегда одного члена управы армянина и одного татарина. Эта преимущество члена-армянина и члена-татарина сильно отразилась на составѣ служащихъ, особенно въ отдѣленіи внѣшне-распорядительномъ, гдѣ мусульмане имѣли часто незаслуженное преимущество.

Понятно, что такое положеніе вещей можетъ существовать лишь при большой силѣ члена управы и при бездѣйствіи головы и управы, какъ коллегіи. Наоборотъ, такое пріятное для отдѣльныхъ членовъ управы положеніе не можетъ не вызвать противодѣйствія съ ихъ стороны всякой внѣшней силѣ, какою въ данномъ случаѣ являлся я. Вопросъ о національности я, конечно, не намѣревался поднимать, какъ и сказалъ въ своей вступительной рѣчи, но онъ самъ поднялся, вопреки мнѣ, и игралъ все время важную роль въ нашихъ управскихъ и думскихъ дѣлахъ. Читатель видитъ изъ этого, какъ скоро начала проходить маниловская дымка о бакинскій интернаціональности.

Съ самаго начала и до конца это полновластіе членовъ управы совершенно отстраняло меня отъ нѣкоторыхъ дѣлъ. Главнымъ образомъ неприступною крѣпостью было для меня и для управы земельное отдѣленіе. Въ неустройствѣ его, въ отсутствіи живыхъ работниковъ, въ бесплодности громадной канцелярской работы самого члена управы лежалъ корень всей финансовой безпомощности города. Но объ этомъ разговоръ еще впереди.

Кромѣ трудности, а иногда и невозможности болѣе энергичнаго воздѣйствія на отдѣленія, я и физически не могъ бы услѣ-

дить за всѣми упущеніями и за исполненіемъ всѣхъ думскихъ и управскихъ постановленій. На мнѣ лежало дѣло водопроводное. Осенью я, къ своей великой радости, получилъ и училищное дѣло, а затѣмъ меня поглотили всевозможные организаціонные вопросы и, наконецъ, борьба. Я думалъ, что мнѣ придется бороться съ бактеріями, съ грязью, съ невѣжествомъ населенія... Но борьбы съ членами управы и гласными думы я не предвидѣлъ. Это была борьба бессмысленная и энервирующая. Каждый шагъ впередъ доставался цѣной уступокъ, которыя, въ свою очередь, вызывали борьбу.

На мелочи (а проваливаніе людей въ колодцы, конечно, было мелочью въ сравненіи съ остальнымъ) у меня не было ни времени, ни силы. Я не могъ вникать въ мелочи и не долженъ былъ. Иначе я упустилъ бы болѣе важное. Только поэтому я какъ бы забылъ про колодцы. Это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, гдѣ я былъ безусловно правъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказался безсильнымъ. Я заговорилъ объ архитекторахъ. Одна изъ болячекъ нашего хозяйства, это—строительная часть. Положительно нельзя было разобраться ни въ одномъ счетѣ. Дѣлалось все плохо и съ опозданіемъ. Описать все слишкомъ длинно. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Начну съ постройки дома для технического училища. Нѣсколько лѣтъ назадъ рѣшено было строить техническое училище съ ремесленными классами. И техническое училище низшее, и ремесленное низшее, но въ техническомъ требуется кое-какая теорія, ремесленное же дѣйствительно выпускаетъ лишь рабочихъ. Оба были очень непопулярны. Тѣмъ не менѣе бакинскую думу обуяла любовь къ практическому воспитанію, хотя оно и приживалось очень плохо.

Рѣшили строить новое городское зданіе; ассигновали шестьдесятъ тысячъ, выбрали особый строительный комитетъ... Что же оказалось въ концѣ? Въ концѣ выросло зданіе въ двѣсти сорокъ тысячъ, при чемъ прибавки дѣлались думой постепенно, въ виду требованій комитета. Кажется до 210 тысячъ выросла сумма извѣстныхъ думѣ ассигновокъ. На остальные тридцать

тысячъ, лежало счетовъ разныхъ подрядчиковъ и поставщиковъ и лежало нѣсколько мѣсяцевъ. Разобраться въ этомъ дѣлѣ оказалось невозможно. Фактически въ комитетѣ исполнителями оказались двое: г. Михалевскій, директоръ училища, и г. Плошко, нашъ участковый архитекторъ. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, повидимому, самостоятельно и заказывалъ за счетъ города, что считалъ нужнымъ.

Планъ соблюденъ не былъ и измѣнялся комитетомъ (?) произвольно. Въ концѣ концовъ получилось недостроенное зданіе съ невывезенными горами мусора. Школы перешли въ недостроенное зданіе; счета лежали на тридцать съ лишнимъ тысячъ непоплаченными, а дума и слышать не хотѣла о дальнѣйшихъ ассигновкахъ.

Я еще вернусь къ этому дѣлу. Скажу только, что по пріѣздѣ, когда ко мнѣ являлись городскіе контрагенты по училищу и грозили идти въ судъ, я ихъ просилъ подождать до осени.

— Пожалуйста, господа, подождите. Лѣтомъ какая въ Баку работа? И я уѣду. А осенью пріѣду, все разберу. Стоитъ ли судиться? Вѣдь ясно, что вы должны получить по вашимъ счетамъ.

И я ихъ, какъ потомъ оказалось, напрасно обнадежилъ. Мы имъ ничего не заплатили. Но объ этомъ послѣ.

VI.

Городское строительство ужасно отстало. Гимназія женская одна имѣла зданіе приличное. Мужская жила въ какихъ-то сараяхъ, гдѣ юноши заболѣвали чахоткой. Народныя школы, кромѣ трехъ, ютились въ наемныхъ помѣщеніяхъ, большею частью нигуда негодныхъ. Для трехъ только изъ нихъ было построено городское, очень недурное, зданіе. Больница очень мала по городу; воспитательный домъ въ какихъ-то хлѣвахъ. И при всемъ томъ... строилась дума.

Вѣроятно изъ опасенія, что повторится исторія съ техническимъ училищемъ, не было выбрано особаго комитета. Вѣдала

постройкой общая строительная комиссія, совсѣмъ отдѣльно отъ управы, самостоятельно. Кому тамъ что принадлежитъ: архитектору ли, члену ли строительнаго отдѣленія управы, или комиссіи—разобраться трудно. Во всякомъ случаѣ мы, управа, только любовались сдѣланнымъ.

Но я теперь не о способѣ постройки хотѣлъ говорить, а о самомъ зданіи. Зданіе строили роскошное, въ четыреста тысячъ по смѣтѣ, большое, въ нѣсколько этажей, съ мраморными лѣстницами, съ краснымъ, особо прочнымъ кирпичемъ для облицовки нѣкоторыхъ частей фасада, выписаннымъ изъ-за границы.

Пишу и самъ написанному не вѣрю. Вѣдь я подлинныхъ документовъ, по которымъ кирпичъ выписанъ, не видалъ. Ужъ не посмѣялись ли надо мной, когда это говорили?

Попалъ я на одно засѣданіе строительной комиссіи вскорѣ послѣ моего прїѣзда. Шла рѣчь о крышѣ. По смѣтѣ она должна была быть желѣзная,—не помню крашенная или оцинкованная; архитекторъ въ комиссіи предлагалъ сдѣлать всю крышу цинковую. Разница въ цѣнѣ, говорили, незначительная—всего въ нѣсколько тысячъ. Я протестовалъ противъ этого бросанія денегъ на роскошь и доказывалъ, что хорошее желѣзо вѣкъ простойтъ, лишь бы красить его хорошенько. Увы, я остался одинъ при своемъ мнѣніи. Рѣшили сдѣлать крышу цинковую.

Затѣмъ архитекторъ заявилъ, что гораздо красивѣе выйдетъ съ фасада цинковая крыша, если сдѣлать ее чешуйчатой изъ маленькихъ кусочковъ, чѣмъ обыкновенною. Разница также пустая—нѣсколько сотъ рублей. Я опять протестовалъ одинъ.

Говорю я это, чтобы отмѣтить стремленіе нашихъ гласныхъ къ чванству—да простятъ они мнѣ это выраженіе. Страшная экономія въ дѣлахъ строительства больничнаго, споры о копѣйкахъ, а тутъ съ легкимъ сердцемъ бросаются сотни и тысячи. Подъ конецъ они какъ будто хотѣли уже сократиться, но было уже поздно. Нельзя, напримѣръ, было обнести палисадникъ передъ домомъ деревяннымъ баясникомъ, когда облицовка заграничная.

По поводу городского дома случился маленькій анекдотъ.

Сидѣли мы въ какомъ-то засѣданіи съ архитекторами. Тутъ же сидѣлъ архитекторъ Б., временно завѣдывавшій, за болѣзнью Гославскаго, постройкой дома. Говорили о домѣ; вдругъ гласный Гаджіевъ, мусульманинъ, часто самъ ссылавшійся на неполное знаніе русскаго языка, обращается къ Б.

— А знаете, вѣдь ваша башня провалится.

— Какъ провалится?

— Да такъ провалится. Вы въ томъ мѣстѣ, гдѣ башня суживается, положили желѣзныя связи, на которыхъ основывается дальнѣйшую постройку. Онѣ не выдержатъ, эти связи.

Я кажется тогда замѣтилъ г. Гаджіеву, что смѣшно ему спорить съ архитекторомъ о прочности желѣзныхъ связей. Исправившій обязанности главнаго инженера г. Скуревичъ тоже улыбался, какъ бы говоря:

— Во что, молъ, вмѣшиваются гласные. Ему говорить архитекторъ, что онъ рассчиталъ прочность связей, а этотъ господинъ, и по-русски-то плохо говорящій, спорить, что башня провалится.

— Александръ Ивановичъ, хотите пари, что провалится? — настаивалъ г. Гаджіевъ.

Пари я не держалъ, но чтобы успокоить гласнаго, просилъ архитекторовъ провѣрить расчетъ Б. Провѣрили. И что же? Оказалась ошибка. Башня бы провалилась.

Разсказываю это, какъ анекдотъ. Да не подумаетъ читатель, что мой обскурантизмъ доходитъ до отрицанія специалистовъ и техники. Я констатирую фактъ, къ тому же совѣмъ единственный, потому что экскурсіи того же гласнаго Гаджіева въ область наукъ, техническихъ и медицинскихъ, были обыкновенно болѣе, чѣмъ неудачны. Къ этимъ экскурсіямъ, такъ же какъ и къ другимъ, этого гласнаго—я еще не одинъ разъ вернусь. А пока мы строили новый домъ, управѣ приходилось помѣщаться въ ужасномъ зданіи, конечно, наемномъ. Домъ этотъ, на лучшей площади города, представлялъ изъ себя большой квадратъ, второй этажъ котораго снимался управой. Невѣроятная тѣснота, холодъ зимой, такъ какъ дуло насквозь, копоть, неудобства всякаго рода—та-

ковы были прелести этого помѣщенія. Всѣ жили надеждой—перейти въ новый домъ.

Вначалѣ смѣта, какъ я уже, кажется, сказалъ, разсматривалась, несмотря на мое пребываніе въ Баку, подѣ председательствомъ М. А. Бѣлявскаго. Только на четвертый или пятый день я не выдержалъ и сѣлъ на председательское кресло, чтобы дѣло нѣсколько подвинуть. Такъ вотъ въ одинъ изъ вечеровъ, когда я былъ простымъ слушателемъ, мнѣ пришлось слышать дебаты по поводу воспитательнаго дома, который тогда назывался пріютомъ подкидышей. Ужасъ бралъ при этихъ дебатахъ. Оказывалось, что сорокъ дѣтей ослѣпло на одинъ или оба глаза отъ зараженія гонококками. Гласные обвиняли смотрительницу, завѣдывавшаго санитарнымъ бюро доктора Бѣгуна, который, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, завѣдывалъ и пріютомъ, обвиняли управу.

Двѣ вещи меня заинтересовали. Первая, конечно—это ужасъ этой эпидеміи, въ которую сорокъ человѣкъ ослѣпло въ какой-нибудь мѣсяцъ, а вторая—это то, что, по словамъ М. А. Бѣлявскаго, ни управа, ни докторъ, ни смотрительница не виноваты. Ни слова и о виновности думы, не отпускаявшей достаточно средствъ. Вѣдь не Богъ же? И не ослѣпшія дѣти? Очевидно, виновата или дума, не дававшая довольно денегъ, или кто-нибудь изъ управы и ея агентовъ.

Почему, думалъ я про себя, не сказать:—Да, я виноватъ или виноватъ такой-то. Но что это ослѣпленіе сорока младенцевъ требовало мщенія—это было для меня вѣ сомнѣнія. Я здѣсь и послѣ неоднократно слыхалъ отъ своихъ коллегъ:

— Ну наша ошибка! Нужно ужъ стоять на своемъ.

— Почему?—спрашивалъ я:—надо признаться въ ошибку.

— Какъ можно? Да вѣдь такъ и подѣ судъ могутъ отдать.

Этого разсужденія я никогда не понималъ и за свою практику общественнаго дѣятеля, думаю, что ни одной своей ошибки ни вольной, ни невольной, не скрылъ.

Несмотря на ослѣпшихъ дѣтей, все-таки дума, согласно за-

ключенію финансовой комиссіи, уменьшила смѣту тысячи на двѣ съ 30 до 28.

На другой день я, само собою разумѣется, летѣлъ туда. Пріютъ былъ на Баиловѣ, пригородѣ города Баку, находящемся внѣ городского самоуправленія. Управляетъ Баиловымъ морское вѣдомство, такъ какъ тамъ морской портъ. Помѣщались дѣти пріютскія въ двухъ домахъ на довольно далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Дѣтей было до ста. Врачъ пріѣзжалъ раза два или три въ недѣлю. Смотрительница была одна. При этомъ жили на два дома. Да какой же тутъ былъ прісмотрѣ? Да какъ тутъ дѣтямъ было не слѣпнуть?

Большинство дѣтей изображали изъ себя скелеты. Видно было, что это—если не умирающіе, то кандидаты въ умирающіе. Кости и кожа, личико несчастнаго шестимѣсячнаго ребенка точно старческое, въ морщинахъ, ни кровинки въ лицѣ, пролежни и тихіе, тихіе стоны, точно большихъ, точно осмысленныхъ—вотъ картина, которую представляла изъ себя добрая половина дѣтей.

Кормилицы въ большинствѣ кормили по два ребенка: одного своего, другого пріютскаго. Какъ же при этомъ дѣтямъ, въ особенности пріютскимъ, не голодать? Смотрительница мнѣ заявила, что и кормилицамъ пища недостаточная, что прежде онѣ получали завтракъ, а теперь дума, при сокращеніи смѣты, завтраки уничтожила, какъ излишнюю роскошь.

— А часто здѣсь бываютъ гласные?

— Никто никогда, ни управа, ни гласные.

Поторопился и я выйти изъ этого пріюта, который приличнѣе назвать домомъ смерти, нежели пріютомъ. Да... забылъ. Изъ сорока ослѣпшихъ троихъ я видѣлъ, мученія остальныхъ смерть прекратила. Я, конечно, рѣшилъ настоять на улучшеніи дѣла, созвалъ малодѣятельную медицинскую комиссію, пригласилъ ее и управу въ полномъ составѣ туда съѣздить вмѣстѣ съ докторами. Изъ всѣхъ приглашенныхъ поѣхали туда два члена управы, одинъ гласный и два-три врача. Комиссія пришла къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя и были переданы на усмотрѣніе

думы. Немедленно была взята завѣдывать дѣлами женщина-врачъ, Левенсонъ, проявившая на этомъ мѣстѣ удивительную трудоспособность и горячность къ дѣлу. Главное—смѣта—только что прошла черезъ думу съ урѣзками финансовой комиссіи и нельзя было возвращаться съ этимъ въ думу до осени. Рѣшили, кромѣ того, искать помѣщеніе болѣе подходящее. Все остальное, какъ переводъ дѣтей на убійственное для нихъ лѣтнее время за городъ, какъ кормленіе ихъ хоть на пробу молокомъ ослицъ не надоеннымъ, а прямо кормилицы-ослицы, какъ отдача дѣтей на сторону, какъ окончательный переводъ пріюта въ деревню—все это частью встрѣтилось несочувственно думой, частью не перешло въ жизнь по причинѣ необычайной косности тѣхъ, кто долженъ былъ непосредственно этимъ завѣдывать, и по тяжести машины самоуправленія русскихъ городовъ вообще, а Баку въ частности. Въ противовѣсъ презрительному отношенію нѣкоторыхъ лицъ къ этимъ дѣтямъ, я просилъ думу этотъ домъ смерти переименовать въ «воспитательный домъ», потому что кличка «подкидышъ» на вѣкъ, по отвратительному фарисейству нашего ханжескаго общества, является неразрушимымъ пятномъ на невинномъ человѣкѣ, отъ его якобы позорной колыбели до единственнаго мѣста дѣйствительнаго успокоенія. Эта перемѣна названія думой была принята.

На одномъ изъ первыхъ засѣданій, происходившихъ подъ моимъ предсѣдательствомъ, я предложилъ гласнымъ курить. Во многихъ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ, гдѣ мнѣ приходилось присутствовать, почти вездѣ курили, причемъ снимался орелъ съ зеркала. То же при мнѣ практиковалось въ разныхъ присутствіяхъ, иногда и подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ. Очевидно, это былъ порядокъ или, скорѣе, беспорядокъ, освященный обычаемъ и объяснимый русской слабостью, ибо рѣдкій русскій человѣкъ не курить, почти не вынимая папирсы изо рта. Въ бакинской думѣ куреніе не было принято... Я въ этомъ усмотрѣлъ недостатокъ... И вотъ почему. Гласные сплошь да рядомъ выходили въ сосѣдную комнату курить. Въ залѣ часто не было состава, и приходилось справляться, здѣсь ли

гласные (если гласный выходитъ въ другую комнату, побывавъ въ засѣданіи, онъ по закону продолжаетъ считаться присутствующимъ). При голосованіи случалась путаница: приходилось ихъ вызывать, упрашивать придти. Русскій, а въ этомъ отношеніи бакинцы — прекрасные русскіе, любятъ иногда и покричать за папироской, не стѣняясь тѣмъ, что мѣшаютъ работѣ. Все это затрудняетъ ходъ засѣданій... и поэтому я счелъ болѣе удобнымъ дать людямъ покурить. Я снялъ орелъ съ зеркала, нѣкоторые гласные закурили.

Помню, всталъ гласный Х. С. Антоновъ, изъ старыхъ, почтенныхъ гласныхъ и началъ протестовать противъ куренія. Хотя и старый Х. С. Антоновъ гласный, и уважаемый, но не уступлю, думаю, своихъ правъ. А давать курить или не давать, по-моему, дѣло председателя, а не думы. Такъ я и заявилъ. Послышались протесты. Тогда я избралъ средній путь: частнымъ образомъ спросить гласныхъ. Я раздѣлил въ сосѣдней комнатѣ листъ бумаги пополамъ, съ тѣмъ, чтобы желающіе курить записывались на одной сторонѣ, а не желающіе—на другой. На этомъ и согласились. Большинство оказалось за некуреніе, и я уступилъ. Говорю это, чтобы показать, что даже въ мелочахъ приходилось быть осторожнымъ.

По поводу этого же куренія помню голоса изъ сосѣдней комнаты: «Да и не для себя онъ это говорить, онъ не курить», слышался голосъ гласнаго Амбарцума Меликова (прошу не смѣшивать съ Гасанъ-бекомъ Меликовымъ). Амбарцумъ Сергѣевичъ съ самаго начала и до конца былъ моимъ сторонникомъ. Остальныхъ голосовъ я не слыхалъ хорошо. Слышалось бормотанье.— Да онъ не курить,—повторилъ Меликовъ. Очевидно, дѣло шло обо мнѣ, и гласные хотѣли себѣ объяснить, почему я такъ за куреніе. Я, дѣйствительно, мѣсяцевъ шесть передъ тѣмъ куренье бросилъ. Не знаю, убѣдилъ ли Меликовъ остальныхъ въ моемъ безпристрастіи.

VII.

Взявшись председательствовать въ думѣ чуть ли не къ концу разсмотрѣнія смѣты, я, очевидно, отвѣчать за нее не могъ. Мнѣ не могутъ быть приписаны ни хорошія, ни дурныя ея стороны. Тѣмъ не менѣе, я радъ былъ, что при мнѣ рѣшено было открыть прогимназію. Въ Баку до меня была лишь одна классическая гимназія, правда, съ тройнымъ комплектомъ учениковъ, число которыхъ доходило до тысячи двухсотъ. Но, несмотря на этотъ удивительный составъ, дѣлавшій бакинскую гимназію самою многочисленною въ Россіи, многіе оставались ежегодно за флагомъ. Управа хотѣла даже, чтобы за разъ открыли двѣ прогимназіи, но дума постановила открыть одну, ассигновавъ на это достаточную сумму денегъ. Повторяю—это заслуга не моя, но радость моя, тѣмъ не менѣе, была не маленькая, когда дѣло прошло благополучно.

Смѣта окончилась въ думѣ около 15 іюня и окончилась съ явной финансовой натяжкой. Дефицитъ былъ ясенъ. Членъ управы Бѣлявскій долго доказывалъ и въ управѣ, и въ думѣ, что дефицита не будетъ. Земельныя дѣла были для меня все время, пока я былъ головой, очень темны, тѣмъ болѣе они были темны, когда я вступилъ только-что въ должность.

Помню, что М. А. Бѣлявскій говорилъ о 250 десятинахъ городской земли, застроенной, но съ домовладѣльцами которыхъ городъ еще не вошелъ ни въ какія договорныя сдѣлки; помню цифру миллионъ рублей за аренду этой земли за послѣдніе годы; помню его слова: «Ну, пусть будетъ не миллионъ, а вдвое, вчетверо меньше, и то 250 тысячъ обезпечены». Помню и недовѣріе ко всѣмъ этимъ цифрамъ моихъ другихъ коллегъ. Я больше хлопалъ ушами и старался вникнуть въ дѣло. Чтобы получить эти миллионы или, „по крайней мѣрѣ“, сотни тысячъ, Михайлъ Агавовичъ предлагалъ разныя мѣры, обѣщалъ разныя сроки. Управа со всѣмъ соглашалась, отдѣльные члены кое-что про себя бормотали и больше ничего. Какъ М. А. дѣло понималъ, такъ оно и было представлено думѣ.

Въ думѣ было сказано нѣсколько общихъ фразъ о необходимости оформить отношенія къ домовладѣльцамъ-захватчикамъ, говорилось о томъ, что городъ рискуеть громаднымъ земельнымъ капиталомъ, слышалось, что городъ можетъ потерять кто говорилъ 10, 15, а кто, какъ не ошибаюсь, 30 милліоновъ, если пропустить срокъ. Г. Бѣлявскій на это возражалъ, объяснялъ, почему происходитъ задержка, и твердо установилъ сроки: къ 1 сентября должно быть все измѣрено; къ 1 ноября имѣють быть разосланы повѣстки; къ 1 декабря поданы иски и т. д. Въ теченіе года все должно было быть готово, т.-е. на каждый участокъ (а ихъ насчитывалось 2 — 3 тысячи) долженъ былъ появиться или добровольный арендный договоръ, или начато дѣло въ судѣ.

Эти обѣщанія земельного отдѣленія были настолько категоричны, что я къ нимъ всецѣло присоединился. Чѣмъ мы рисковали? Въ крайнемъ случаѣ нѣсколькими мѣсяцами, а то годомъ,—пустякъ въ сравненіи съ потерянными уже годами.

Такъ на это, вѣроятно, посмотрѣла и дума, внесши въ смѣту доходовъ обѣщанныя поступленія и вмѣстѣ съ тѣмъ одобрившая всѣ мѣропріятія управы при условіи, чтобы были соблюдены всѣ сроки для частичнаго исполненія громадной предстоявшей работы.

Не могу не упомянуть о гласномъ Гаджи-Зейналь-Абдинѣ Тагіевѣ, являвшемся въ думу не часто, но тогда, когда онъ былъ нуженъ. Чѣмъ больше я съ нимъ знакомился, тѣмъ болѣе привлекала меня эта умная фигура вышедшаго изъ народа богача-магометанина. Плохо говорящій по-русски, онъ мнѣ казался по своему уму и — не удивляйтесь, читатель — по возвышенности своихъ чувствъ на голову выше и образованныхъ своихъ коллегъ. Въ главныхъ вопросахъ города—водѣ и землѣ—онъ всегда шель прямо и правильно. Онъ до меня предлагалъ своими деньгами помочь въ дѣлѣ Линдлеевскихъ изысканій—дума отвергла его деньги. И теперь онъ громко, на плохомъ русскомъ языкѣ, говорилъ объ обязанностяхъ города сохранить свои земли, о томъ, что дума должна о городѣ заботиться, а не добиваться пользы

частныхъ лицъ. И странное дѣло — я ожидалъ большаго вліянія Тагіева на мусульманскую часть думы—гласные, въ нравственномъ отношеніи во сто разъ стоявшіе ниже его, не только возражали ему, но возражали грубо. Послѣ мнѣ придется упомянуть о случаѣ, гдѣ я по совѣсти долженъ былъ идти противъ Тагіева. Я думалъ: начнетъ онъ мнѣ мстить или нѣтъ? Оказалось, что въ своихъ отношеніяхъ ко мнѣ онъ ни на іоту не измѣнился. Я тѣмъ болѣе считаю себя обязаннымъ отмѣтить эту крупную фигуру, что онъ долгіе годы служить мишенью для бессмысленныхъ нападокъ «Новаго Времени». У Тагіева явилась мысль, хорошая ли, дурная ли, построить въ Баку большую бумажную фабрику. У него былъ арендный договоръ съ поселянами, жившими неподалеку отъ города, на большой участокъ земли. Тутъ онъ рѣшилъ поставить фабрику. Приговоры поселянъ были опротестованы, когда Тагіевъ уже строился. Началось длинное дѣло, раздѣлившее общество на два лагеря — за и противъ Тагіева. Съ этихъ поръ «Новое Время», а за нимъ и другіе органы начали противъ него недостойную травлю, доходя въ своихъ упрекахъ чуть не до обвиненія въ сокрытіи убійць. Спѣшу восстановить, насколько это въ моей власти, доброе имя этого крупнаго жертвователя и общественнаго дѣятеля.

И теперъ онъ громко говорилъ:—«Городъ долженъ сохранить всю свою землю. Эта наша обязанность».

Тагіевъ, очевидно, чувствовалъ, что городъ рискуетъ потерять ее, понималъ, что дѣло идетъ плохо.

Дума приняла докладъ управы, т.-е. Бѣлявскаго, безъ измѣненій, открывъ управѣ неограниченный кредитъ на усиленіе землемѣрныхъ и канцелярскихъ силъ. Обѣщанія управы о срокахъ тоже приняты и запротоколированы. Внесены въ смѣту и всѣ предложенныя нами цифры земельныхъ доходовъ, которыя г. Бѣлявскимъ считались сильно уменьшенными, а другими непомѣрно вздутыми.

Смѣтой кончалась думская сессія. Начались лѣтнія вакаціи. А лѣтнія вакаціи съ 15 іюня по 15 августа—въ Баку это время полной бездѣятельности, полной простраціи. Все умолкаетъ: и

правительственная, и общественная, и торговая дѣятельность. Всякій, кто имѣетъ мало-мальски возможность, бѣжитъ изъ Баку, кто за границу, кто въ Россію или Финляндію, кто въ Кисловодскъ или Боржомъ; не могущіе совсѣмъ оторваться отъ Баку— въ селенія близъ Баку съ чахоточной растительностью въ садахъ, песками и тѣми же почти тропическими жарами; бѣдняки — въ горы Кавказскія, гдѣ ни газетъ не увидишь, ни людей не найдешь, съ которыми бы можно было душу отвести. Словомъ, Баку пустѣетъ, газеты только что выходятъ, не претендуя на интересное содержаніе, переписка вездѣ уменьшается до предѣловъ крайней необходимости. Нигдѣ вакаціонное время такъ не нужно, какъ въ Баку. Пріѣхавши въ Баку, я всѣмъ сказала, что десять мѣсяцевъ въ году я принадлежу городу и днемъ и ночью, но два мѣсяца лѣтнихъ мнѣ нужны для здоровья. Я уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, будучи на государственной службѣ, отпусками не пользовался и имѣлъ полное право на продолжительный отпускъ.

Какъ только сессія кончилась, я объявилъ, что ѣду за границу и взялъ у губернатора двухмѣсячный отпускъ и паспортъ. Наканунѣ отъѣзда моего въ управу пріѣзжаетъ Амбарцумъ Меликовъ.

— Александръ Ивановичъ, мнѣ съ вами поговорить надо.

— Здѣсь нельзя. Видите — мы какъ сельди въ боченкѣ. Ни угла нѣтъ, гдѣ бы удалиться отъ людей. Хотите, лучше я къ вамъ заѣду.

— Хорошо, заѣзжайте.

Къ вечеру я сидѣлъ у Меликова.

— Послушайте, Александръ Ивановичъ. Говорятъ, вы уже въ отпускъ ѣдете?

— Да, а что?

— Да такъ, ничего... съ сохраненіемъ содержанія?

— Ну да, конечно, я ѣду лѣчиться... Да въ чемъ дѣло?

— Гм... ничего, я такъ. По-правдѣ сказать, объ этомъ поговариваютъ.

— О томъ, что ѣду лѣчиться?

— Да, о томъ, что вы только что пріѣхали, а уже уѣзжаете, и притомъ съ сохраненіемъ содержанія.

Я смутился и возмутился. Какъ? Съ первыхъ шаговъ недо-вѣріе, мелкіе счеты со мною, когда полуторамилліонный бюджетъ города расходуется непроизводительно по общему отзыву?

— Ну, а по вашему какъ, Амбарцумъ Сергѣевичъ, неужели уступить и не ѣхать или демонстративно отказаться на это время отъ содержанія?

Меликовъ промолчалъ.

Сомнѣніе мое продолжалось недолго. Я сообразилъ, что если всѣхъ слушать, то осла понесешь, вмѣсто того, чтобы самому на немъ ѣхать, какъ говорится въ древней сказкѣ. Мало ли кто что мнѣ говорить. Я вѣрилъ въ свою звѣзду, вѣрилъ въ боль-шинство. Я такъ и объявилъ Меликову.

— Какъ знаете; я хотѣлъ только васъ предупредить.

На другой день я ѣхалъ за границу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прежде чѣмъ ѣхать на воды, мнѣ предстояло посоветоваться съ берлинскими знаменитостями. Въ Берлинъ выѣхалъ для встрѣчи со мною и Линдлей. День я провелъ съ нимъ. Онъ меня ввелъ въ курсъ дѣла бакинскаго водоснабженія, и я прозрѣлъ. Я сравнилъ доводы его съ нападками, обвиненіями и опроверженіями его противниковъ, и мнѣ обидно стало за дѣло воды, все-цѣло зависѣвшее отъ этихъ противниковъ. Разрушить обвиненіе, поставить изысканія на правильный путь, возстановить довѣріе къ этому человѣку — вотъ что я поставилъ себѣ ближайшей и главной задачей.

Онъ мнѣ объяснилъ, что занятъ бесплодной работой — рѣчными проектами Куры и Самура, и что онъ отъ этой работы давно отказался бы, не будь у него надежды убѣдить бакинцевъ въ очевидности пользы родниковой воды. Я понялъ его доводы, и

они стали для меня ясными, какъ дважды-два четыре. Я увидѣлъ, чего стоятъ упреки въ корыстолюбіи этого безкорыстѣйшаго человѣка, поставившаго цѣлью своей жизни поить жаждущихъ; мнѣ стало стыдно передъ нимъ за его противниковъ. Остальное вытекало само собою изъ сказаннаго: надо было переубѣдить думу, силой доводовъ и убѣжденій заставить ее стать на правильный путь, дать городу хорошую и дешевую воду вмѣсто дорогой и дурной.

День, проведенный съ Линдлеемъ, кромѣ практической пользы, принесъ и эстетическое удовольствіе. Рѣдко приходится у насъ имѣть удовольствіе видѣть человѣка, одинаково сильнаго и физически, и умственно, и духовно. Въ Англійи это видишь сплошь да рядомъ, а у насъ сильный духъ почему-то всегда прячется въ нервно-чаоточную оболочку, и наоборотъ, крѣпкіе мускулы заранѣе предвѣщаютъ отсутствіе внутренняго содержанія. Этотъ результатъ величайшій укоръ всей нашей педагогикѣ.

Съ Линдлеемъ мы сговорились, что онъ пріѣдетъ въ Баку къ концу моего отпуска, т.-е. въ августѣ.

Но двухъ мѣсяцевъ я не проѣздилъ. Мнѣ писали за границу, что я нуженъ въ Баку. Сокративъ по возможности курсъ лѣченія, я былъ дома въ началѣ августа, заставъ еще тропическую бакинскую жару. Я понялъ, почему всякій, кто только можетъ, бѣжитъ изъ города, и почему жизнь какъ бы замираетъ. Тутъ не до работы.

Со дня пріѣзда я все свое время, всѣ свои силы отдалъ городу. Кромѣ земельныхъ дѣлъ, я вникъ въ положеніе всѣхъ отраслей хозяйства, и положила руку на сердце, я могу теперь сказать, что ошибокъ я надѣлалъ, можетъ быть, и много, но больше работать я по своимъ силамъ не могъ. Долженъ признаться, что до самой весны 1903 г. я получалъ полное удовлетвореніе. Большая доза моей маниловщины слетѣла. Я увидалъ, что единопущіе думы и управы немислимо, увидалъ въ каждомъ дѣлѣ противодѣйствіе то корыстное, то вызванное заднею мыслию, иногда тщательно скрываемою, то просто объясняемое непониманіемъ. Поэтому мнѣ все казалось, что вездѣ являются тормазы, что

можно бы сдѣлать больше за то же время, не будь этого противодѣйствія.

Противодѣйствіе было тѣмъ болѣе вредно и—скажу—безмысленно, что часто производилось людьми, мало культурными, считавшими себя хозяевами города, а не людьми, отвѣтственными передъ избирателями.

Охъ, ужъ эти хозяева! Какъ часто вспоминались слова моего управляющаго: «охота вамъ идти въ приказчики къ бакинскимъ купцамъ!» Это слово «хозяинъ», еще какъ-то особенно произносимое бакинцами, стало мнѣ въ особенности противно, потому что сплошь да рядомъ произносилось людьми, понятія не имѣвшими о своихъ обязанностяхъ, и противопоставлялось, главнымъ образомъ, мнѣ—наемнику. Знаешь, что этотъ «хозяинъ» для того только и пошелъ въ гласные, чтобы устроить для себя или пріятеля выгодное земельное дѣло или выгодную поставку. Знаешь, что онъ самъ себѣ не вѣритъ,—но отвѣтить ему нельзя; надо дѣлать видъ, что вѣришь въ его безпристрастіе, неподкупность, безкорыстіе.

Обсуждаютъ какую-нибудь смѣту на постройку. Знаешь, что и такъ урѣзано все, чтò можно. Такъ и говоришь, что смѣта уже и такъ недостаточна. Вопреки всякой очевидности какой-нибудь гласный найдетъ что-нибудь уменьшить рублей на 200—300. Дума съ нимъ соглашается: надо же поддержать своего гласнаго. А потомъ побѣдившій гласный надъ тобой же посмѣется.

— Вотъ видите, господинъ голова. А вы говорили, что смѣту не сократишь. Вотъ мы и сократили. Вѣдь хозяину каждая копейка городская дорога, не то что наемному технику.

Вспоминать непріятно. Про техника говорить гласный для благозвучія; но вся смѣющаяся фигура его говорить, что не технику противопоставляетъ онъ себя, хозяина, а мнѣ. Знаешь, что все это ложь, что копейка городская ему теперь дорога лишь потому, что этой показною бережливостію онъ старается заслужить права хозяина. А права хозяина нужны вовсе не для того, чтобы радѣть о городской казнѣ.. О нѣтъ, наоборотъ! Тѣ же

гласные, которые, дѣйствительно, идутъ въ гласные ради дѣла, не говорятъ о своихъ правахъ хозяйскихъ.

Не могу не привести случая, изъ котораго видно отношеніе къ головѣ—наемнику наиболѣе культурныхъ гласныхъ. По одному дѣлу управѣ надо было въ исполненіе думскаго постановленія посовѣтоваться съ однимъ изъ гласныхъ. Этотъ гласный по образованію, уму, таланту, силѣ—былъ краса собранія. Въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ собиралась управа, и вотъ я письмомъ (не повѣсткой) приглашаю гласнаго пожаловать въ управу по этому дѣлу для переговоровъ. Онъ отвѣчаетъ, что ему некогда; и что у него другое какое-то вечернее засѣданіе. Ну что же дѣлать? Я собираюсь другой разъ его пригласить. Вскорѣ встрѣчаюсь съ нимъ въ присутствіи членовъ управы и нѣкоторыхъ постороннихъ гласныхъ, и заводится разговоръ. Говоримъ о моихъ отношеніяхъ къ думѣ, тогда уже испортившихся.

— Вотъ вы, Александръ Ивановичъ,—говоритъ гласный,—какъ себѣ враговъ дѣлаете. Ну вотъ я, напримѣръ, принадлежу къ вашимъ сторонникамъ. И меня вы сумѣли задѣть.

— Васъ?... какъ?... когда?..

— Да вотъ, помните, вы хотѣли со мной посовѣтоваться по порученію думы?

— Помню... ну что-жъ?

— Вы вдругъ меня зовете въ управу. Вѣдь я не менѣе васъ занятой человѣкъ. Да, наконецъ, кто кому нуженъ былъ? я вамъ или вы мнѣ? Вѣдь я вамъ, неправда ли? Такъ управа могла ко мнѣ пріѣхать, а не меня вызывать...

— Какъ?... вся управа?..

— Ну хоть не вся управа. Вы одни могли пріѣхать. Или, наконецъ, прислать члена управы. Вѣдь такъ нельзя...

Что было тутъ отвѣтить? что дѣло нужно городу, а не мнѣ, не управѣ, не гласному; что въ управѣ бываютъ всякія засѣданія, совѣщанія; что ничего обиднаго въ моемъ приглашеніи не было... Не помню, что я отвѣтилъ и вообще отвѣтилъ ли что. Ясно было, что со мной говоритъ «хозяинъ».

А эти старанія нѣкоторыхъ гласныхъ (особенно часто это

повторялось Гасанъ-бекомъ Меликовымъ) отмѣтить, что мы, молъ, (читай «хозяева») служимъ безвозмездно,—развѣ не рассчитаны на то, что ихъ «приказчики» одного только ищутъ, изъ-за одного стараются—жалованія? Ясно, что я не могъ съ ними сжитья, ибо хотя и получалъ жалованіе, но не ради его пошелъ въ головы. Ясно также, что противопоставленіе бесплатныхъ «хозяевъ» наемному «приказчику» не могло содѣйствовать близости моей къ думѣ. Конечно, приходилось утѣшаться мыслью, что вѣдь служишь обществу, что надо готовиться слушать не только горькую правду, но и еще болѣе горькую неправду. Но какъ-никакъ слушать молча и переносить эти намеки было не легко.

Одно обстоятельство дѣлало мое положеніе еще болѣе тяжелымъ. Если бы я былъ бакинецъ, имѣлъ бы знакомыхъ между гласными, связанныхъ со мной чѣмъ-либо помимо думы—у меня была бы своя партія. Такія партіи я видалъ въ другихъ думахъ и земствахъ. Нападаетъ кто-либо на голову. Непремѣнно въ такихъ случаяхъ явятся защитники, которые укажутъ неосновательность, а если приходится—и неприличіе нападокъ. Въ Баку этого не было ни одного раза. Какъ бы ни были бессмысленны, а иногда и грубы нападки, защищаться предоставляли мнѣ самому. А какъ быть въ этихъ случаяхъ, когда я же и председательствую? Совсѣмъ превратиться въ статую, недоступную даже грубостямъ, всякіе такіе случаи пропускать мимо ушей—я, прямо говорю, былъ не въ силахъ. А это отражалось и на моемъ председательствѣ.

Начинаетъ, положимъ, гласный говорить вещи, не относящіяся вовсе къ темѣ, но при этомъ ругаетъ меня. Чтò мнѣ дѣлать? Остановить его? Неловко; и вѣдь онъ же меня ругаетъ; выходитъ, что я не даю людямъ высказаться противъ меня. Остается самому опровергать говорящаго и тѣмъ еще болѣе удаляться отъ предмета.

При невозможномъ совмѣстительствѣ председательства въ думѣ и въ управѣ—дѣло самой думы не давать въ этихъ случаяхъ отвлекаться отъ темы. Но въ Баку дума ни разу не исполняла этой своей обязанности. Больше того: ни одинъ гласный

не понимал ни разу, что, когда ругаютъ голову, тѣмъ самымъ оскорбляютъ и думу. Повидимому, наоборотъ. Всѣ чувствовали себя ховяевами и въ душѣ понимали, что пробираютъ приказчика.

Не могу не привести одного факта оскорбленія. Дѣло шло о приглашеніи главнаго инженера. По первому моему докладу, дума пожелала узнать мнѣніе финансовой и строительной комиссій. Финансовой комиссіи я дѣло объяснилъ и заручился ея согласіемъ. Затѣмъ начали объясняться съ строительной комиссіей. Членомъ ея состоялъ Гаджіевъ, несомнѣнно умнѣйшій изъ гласныхъ-татаръ, человѣкъ весьма интересный во многихъ отношеніяхъ. Мы съ нимъ уже встрѣчались, когда я рассказывалъ, какъ онъ посрамилъ архитекторовъ, и еще не разъ встрѣтимся. Строительная комиссія тоже единогласно приняла мое предложеніе, и Гаджіевъ, бывшій прежде противъ главнаго инженера, тоже согласился съ моими доводами.

— Ну, вотъ теперь я понимаю, Александръ Ивановичъ, пользу этой должности. А то первый разъ въ думѣ было неясно.

Протоколъ засѣданія комиссіи тутъ же былъ составленъ и подписанъ всѣми членами, въ томъ числѣ и Гаджіевымъ.

Вскорѣ затѣмъ засѣданіе думы. Каково мое удивленіе, когда г. Гаджіевъ яро нападаетъ на мой проектъ.

— Вѣдь вы же въ комиссіи съ моими доводами согласились, г. Гаджіевъ?—спрашиваю я.

— Нѣтъ, я никогда не былъ согласенъ.

— Вѣдь вы подписались? хотите видѣть?

— Мало ли что я подписалъ? Я малограмотный. Я думалъ, что подписываю протоколъ оцѣночной комиссіи, которой я состою членомъ. Вы меня ввели въ заблужденіе.

Итакъ, меня обвиняли въ подлогѣ. Я, признаться, опѣшилъ и ничего не нашелся отвѣтить. Что же вы думаете? что дума возмутилась, остановила г. Гаджіева? Ничуть не бывало. Только другой членъ строительной комиссіи, Шарабандовъ—спасибо ему—заявилъ, что это не такъ, что голова подробно изъяснялъ,

въ чемъ дѣло, и что Гаджіевъ подписывалъ сознательно. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Такого рода явленія можно переносить изрѣдка. Стиснешь зубы и все тутъ. Но что дѣлать, когда это дѣлается постоянно? По-неволѣ нервы разойдутся и спасуешь и передъ отдѣльными лицами.

Не помню, за что именно мнѣ тогда мстилъ гласный Гаджіевъ, за то ли, что я не принялъ на службу одну малограмотную дѣвицу, которую онъ рекомендовалъ, или за то, что я протестовалъ противъ незаконной сдачи ему подряда на поставку камня. Было и то, и другое.

Это было въ то время, когда я былъ въ силѣ, когда дума меня поддерживала. Что же стало потомъ?

Не такъ ко мнѣ относились гласные въ тѣхъ случаяхъ, когда я пытался оградить себя отъ чересчуръ безцеремонныхъ нападокъ.

Разъ тотъ же гласный Гаджіевъ на меня жестоко нападалъ и, какъ всегда, отвлекся отъ предмета обсужденія. Я его оставилъ разъ, два. Все не помогало. Нападки становились все сильнѣе, все грубѣе. Выведенный изъ терпѣнія, я громко сказалъ:

— Прошу васъ замолчать.

Какой шумъ поднялся, и какъ вскочилъ г. Топчибашевъ, тогда уже превратившійся въ лидера оппозиціи.

— Это оскорбленіе гласнаго, всей думы! Это неприлично! И, когда я ему не далъ говорить, онъ удовлетворенно сѣлъ и замѣтилъ:

— Мнѣ и не надо больше. Я сказалъ.

Такъ понимаютъ бакинскіе гласные свое хозяйское достоинство.

II.

Когда я пріѣхалъ въ Баку, тамъ издавалась всего одна газета «Каспій». Но, вернувшись изъ отпуска, я уже нашелъ вторую—«Бакинскія Извѣстія». Въ началѣ это былъ органъ либерально-приспособляющійся и въ средствахъ неразборчивый.

Онъ былъ уличенъ въ нѣсколькихъ плагіатахъ, изъ коихъ одинъ любопытный. Оказалось, что редакторъ не погнушался въ первомъ же номерѣ передовую статью съ своей profession de foi позаимствовать изъ перваго номера весьма чистой и весьма сдержанной тифлисской газеты «Новое Обозрѣніе». Въ этомъ плагіатѣ редакторъ очиститься не могъ и долженъ былъ уйти. Любопытенъ этотъ плагіатъ главнымъ образомъ тѣмъ, что «Новому Обозрѣнію», кажется, 15 лѣтъ. Оказывается, что на Кавказѣ можно взять и перепечатать безъ измѣненій 15-лѣтнюю статью, и все будетъ у мѣста: тѣ же принципы, тѣ же обѣщанія, тѣ же пожеланія. Не правда ли? это знаменательно и не утѣшительно для тѣхъ, кто пожелалъ бы до смерти видѣть хоть нѣкоторый прогрессъ въ жизни нашей окраины. Между тѣмъ, фактъ налицо. Статья сошла и даже многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, понравилась... Увы! потомъ плагіатъ былъ раскрытъ лицомъ, которому было поручено разыскать въ Тифлисѣ эту литературную окаменѣлость. За свой трудъ это лицо хотѣло получить, кажется, 5 рублей; ему дали лишь 3. На этой почвѣ и произошло разоблаченіе.

Редактору пришлось уйти. Все изданіе было куплено компаніей молодыхъ людей, которые задались цѣлью вести чистую газету.

Я позволю себѣ остановиться на моихъ личныхъ отношеніяхъ къ мѣстной прессѣ. Она два года удостоивала меня своимъ особымъ вниманіемъ, какъ голову. Надо же и мнѣ ей отплатить за это. «Каспій» былъ въ моихъ глазахъ газетой, какихъ много въ провинціи. Читалъ я въ ней только телеграммы, да, признаться, и тѣ слегка. Постройка мельницы въ Камышловѣ, раздача историческихъ листковъ Богдановича или другого лубочнаго изданія въ Тихвинѣ, открытіе кортесовъ въ Мадридѣ—вотъ обыкновенно чтó даетъ провинціи наше телеграфное агентство. Я говорю, конечно, про обыденное, мирное время. Такъ пробѣгаешь телеграммы больше для очищенія совѣсти. Можетъ, папа умеръ, или перемѣна министра случилась, или усиленіе произошло въ какомъ-нибудь парламентѣ одной партіи на счетъ другой.

Надо же это все знать. Вотъ на всякій случай и читаешь газету.

Сдѣлавшись головой, я объявилъ, что связи съ печатью не порву ни въ какомъ случаѣ. Не помню, имѣлъ ли я въ виду столичную прессу или мѣстный «Каспій». Поддерживавшій меня г. Топчибашевъ отмѣтилъ это общаніе.

— Значитъ, будете писать, Александръ Ивановичъ?

— Буду!—отвѣчалъ я.

И вотъ этимъ «буду» я какъ будто оказался связаннымъ съ «Каспиемъ». Къ тому же мѣстная пресса начала имѣть для меня еще особое значеніе. Грязь на Телефонной улицѣ, антисанитарное состояніе какого-нибудь дома, плохая мостовая,—все это не интересно для обывателя, но очень важно для головы. Насколько могъ, я всегда обращалъ свое вниманіе, а также и вниманіе соотвѣствующихъ городскихъ агентовъ на каждое такое заявленіе печати. Затѣмъ были статьи, посвященныя мнѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Приходилось газеты перечитывать отъ доски до доски. Читалъ я и «Каспій», и «Бакинскія извѣстія», и еще третью газету «Баку», которая при мнѣ началась, при мнѣ же, просуществовавъ больше года, и кончилась, перешедши въ собственность «Бакинскихъ Извѣстій».

Тогда мнѣ пришлось съ ними близко познакомиться. «Каспій», помимо личныхъ его отношеній ко мнѣ, весьма быстро испортившихся и ставшихъ злобно и недобросовѣстно враждебными, оказался органомъ, для меня неподходящимъ.

Въ статьяхъ общаго характера иногда попадались такія, которымъ мѣсто въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Но что было особенно отвратительно, это—ихъ магометанскій націонализмъ. Въ этой области отличался сотрудникъ «Каспія» — онъ же тоже и гласный думы и мой самый злобный противникъ Ахмедъ-бекъ Агаевъ. Многіе могли по нѣкоторымъ статьямъ думать, что редакція стремилась къ обновленію магометанства въ духѣ свободы и просвѣщенія. Кромѣ симпатіи это ничего бы не могло вызвать. Къ сожалѣнію, эта просвѣтительная тенденція была соединена съ такою нетерпимостью по отношенію къ другимъ,

что, ближе съ нею познакомившись, терялъ къ газетѣ не только симпатію, но и уваженіе. Это былъ тотъ же націонализмъ бющаго, который такъ противенъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Просвѣтительныя тенденціи оказывались маской.

Нѣкоторыя статьи «Каспія» были прямо возмутительны. Восхваленіе султана перемѣшивалось съ порицаніемъ, напримѣръ, македонскаго движенія. Иногда бывали статьи, объяснимыя лишь полнымъ пренебреженіемъ къ мнѣнію культурнаго читателя и расчетомъ на одобреніе невѣжественныхъ татаръ. Такъ помню статью, посвященную школьному дѣлу. Это было во времена Ванновскаго. Въ статьѣ говорилось, что не мѣшало бы намъ поучиться у Турціи, притомъ описывались реальныя училища Турціи, какъ примѣръ, достойный подражанія. Другая статья, позднѣйшая, восхваляла терпимость турокъ къ армянамъ. Чтобы рука поднялась написать такія статьи, надо, конечно, *jeter sa langue aux chiens*, какъ говорятъ французы.

Ясно, что въ такой газетѣ я особенно охотно помѣщать статьи не могъ. Тѣмъ не менѣе двѣ-три статьи о мѣстныхъ дѣлахъ я помѣстилъ. Но когда стало не втерпеть, я не только пересталъ писать въ «Каспіи» статьи, но даже и опроверженія. Опровергать можно и полезно, когда люди ошибаются, но когда нападки имѣютъ личный характеръ, когда нападающему дѣла нѣтъ до правды—стоитъ ли терять время и чернила?

Не могу не рассказать про одинъ случай въ моей бакинскій жизни. Въ Тамбовской губерніи я содержалъ школу. Въ этой школѣ, между прочими, содержался нѣсколько лѣтъ мальчикъ, котораго я считалъ очень способнымъ. Онъ кончилъ школу, вышелъ въ учителя, и я его потерялъ изъ виду. Въ Баку получаю отъ него письмо. Онъ пишетъ, что въ учителяхъ остаться ему не пришлось, и что онъ умоляетъ ему помочь. Присылаетъ какую-то беллетристическую рукопись. Выписалъ я его въ Баку. Отношенія мои съ Топчибашевымъ были еще хороши. И вотъ я мальчика, сдѣлавшагося молодымъ человѣкомъ, пристраиваю въ «Каспіи». Онъ началъ писать настолько удачно, что ему дали маленькіе злободневные фельетоны. И вотъ человѣкъ, принципы

котораго не позволили быть учителемъ, писалъ, между прочимъ, о безобразіи македонскаго и вообще всего славянскаго движенія, восхвалялъ турецкое владычество и, главное, предостерегалъ Россію отъ пролитія крови за какихъ-то братушекъ.

Любопытно его отношеніе ко мнѣ. По мѣрѣ того какъ «Каспій» началъ меня все болѣе и болѣе преслѣдовать, усиливалъ свои нападки на меня и этотъ человекъ. Стоило мнѣ что-либо сдѣлать, сказать, пожелать—сейчасъ являлся фельетонъ противъ моего проекта. Не было грязи, достойной меня. До чего можетъ дойти желаніе уколоть, видно изъ слѣдующаго факта.

Нападали на нашу больницу и въ думѣ и въ прессѣ. Много въ ней было недостатковъ, но главнымъ образомъ зависѣли они отъ урѣзыванія думой кредитовъ. Моимъ врагамъ надо было перенести центръ борьбы съ кредитовъ на дѣятельность больницы дирекціи и управы.

Разъ читаю фельетонъ моего бывшаго ученика и глазамъ не вѣрю. Подробно описывается, какъ больнымъ воды не даютъ. И вотъ какъ одинъ больной идетъ вонъ изъ больницы искать воды и по дорогѣ, въ саду, съ кружкой въ рукахъ умираетъ отъ жажды. Сообщалось это, какъ фактъ, и было разукрашено описаніемъ предсмертныхъ мукъ, оставившихъ отпечатокъ на лицѣ покойника.

Въ мѣстѣ полудикомъ, какъ Баку, населеніе надо приучать къ больницѣ, а тутъ радѣтели народа все дѣлаютъ, чтобы народъ въ больницу не шелъ. Фельетонъ этотъ я прочелъ въ управѣ и предложилъ ей начать противъ «Каспія» дѣло о клеветѣ. Дѣло это было больницей начато, но до сихъ поръ, полтора года спустя, все еще не рассмотрѣно. Послѣ этого, что бы «Каспій» про меня лично или про городское хозяйство ни писалъ, я вниманія не обращалъ никакого. Читать же я его читалъ отъ доски до доски все время, сначала съ удивленіемъ, послѣ съ нѣкоторымъ чувствомъ гадливости, а подъ конецъ съ простымъ любопытствомъ. Никогда не думалъ, что до такой беззастѣнчивости можетъ дойти ненависть.

Естественно, что чѣмъ больше на меня нападалъ «Каспій»,

тѣмъ горячѣе меня защищали двѣ другія газеты. Вѣроятно веди себя приличнѣе «Каспій», не понадобилось бы такое противодѣйствіе «Бакинскихъ Извѣстій» и «Баку». Какъ-никакъ, шумъ, который вокругъ меня стоялъ все время, пока я былъ головой, далеко не пропорціоналенъ моей дѣятельности, и если шумъ считать рекламой, то начало рекламѣ положилъ «Каспій».

Перечислить всѣ нелѣпо-недобросовѣстные обвиненія «Каспія» противъ меня—немыслимо и не нужно. Если не прямыя обвиненія, то намеки были на всякія гадости: мирволеніе своимъ, низкопоклонство передъ вліятельными гласными, сокрытіе преступленій, участіе въ «панамѣ», бросаніе городскихъ денегъ, сначала русскій націонализмъ противъ всякихъ кавказцевъ, потомъ специальное гоненіе противъ татаръ—все ставилось мнѣ въ вину иногда въ двухъ-трехъ статьяхъ въ одномъ номерѣ. Это былъ океанъ грязи.

Въ «Каспій» мнѣ пришлось познакомиться съ особыми приемами извѣстной прессы, чтобы ошелюмовать человѣка.

Появляется, напримѣръ, статья: «Г. Новиковъ и телефонныя барышни»¹⁾. Всякій, очевидно, подумаетъ: «Эге, и по женской части Новиковъ не безгрѣшенъ, повидимому». Оказывается, что ничуть не бывало. Заголовокъ этотъ скрываетъ собственно двѣ статьи. Въ первой ругаютъ Новикова за плохое веденіе городскихъ дѣлъ, а во второй телефонныхъ барышень за то, что и онѣ въ чемъ-то провинились передъ «Каспіемъ». Но эффектъ произведенъ, и связь между Новиковымъ и женскимъ поломъ уже установлена въ умѣ неосвѣдомленнаго читателя. Вѣнцомъ всѣхъ гадостей, на меня возведенныхъ, было обвиненіе въ «панамѣ», въ дѣлѣ Зугульбинскаго водопровода. Но объ этомъ впереди... Когда я окончательно убѣдился, что никакихъ дѣлъ съ «Каспіемъ» имѣть нельзя—а это случилось вскорѣ послѣ моего пріѣзда изъ отпуска—я сталъ писать статьи въ «Бакинскихъ Извѣстіяхъ». Статьи эти имѣли совѣтъ общій, отнюдь не бакинскій ха-

¹⁾ „Каспій“ 4 сентября 1902 г.

рактерь и вышли отдѣльнымъ изданіемъ подь особымъ заглавіемъ: «записокъ о городскомъ самоуправленіи».

Кромѣ этого, пришлось помѣстить въ «Бакинскихъ извѣстіяхъ» и въ «Баку» массу мелкихъ замѣтокъ, опроверженій; пришлось вести полемику по мѣстнымъ дѣламъ.

Кромѣ писательскихъ, я имѣлъ съ прессой отношенія, и при томъ двойкія, какъ голова. Первое, что я сдѣлалъ, вступивши въ должность, это—объявилъ, что секретовъ у насъ въ управѣ нѣтъ. Представители прессы имѣють доступъ не только во всѣ засѣданія думы, но и управы. Всѣ дѣлопроизводители обязаны имъ показывать всѣ дѣла, всѣ бумаги. Я считалъ такую гласность однимъ изъ основаній моихъ дѣйствій. Ясно было, что до насильственной внѣшней очистки, Авгіевы конюшни, благодаря гласности, должны будутъ самоочиститься.

Я могъ это сдѣлать, по-моему, властью предсѣдателя управы и начальника канцеляріи, но предпочелъ провести чрезъ управу. Я, признаться, боялся. Ну какъ не захотятъ? Сошло, слава Богу, благополучно. Всѣ мялись, возражали. Доводы были, конечно, слабые. Какъ признаться, что хочешь дѣйствовать въ потемкахъ, а свѣта боишься? Но всѣхъ это огорошило. Въ результатѣ двое голосовали противъ, двое—за. Наша взяла. Теперь я соображаю и прихожу къ заключенію, что голосовали за гласность именно тѣ два члена управы, у которыхъ стойла были нравственно чище. Я говорю «нравственно», ибо въ смыслѣ бумажномъ—это были худшія отдѣленія. Свѣта боится лишь нравственная нечистота; случайная же скорѣе желаетъ самоочиститься.

Съ тѣхъ поръ въ управѣ всегда возсѣдалъ одинъ, потомъ два, потомъ три корреспондента. Отношенія у насъ съ ними были всегда дружескія. Я заранѣе ихъ предупредилъ, что хотя доступъ имъ будетъ всюду, но что кое объ чемъ имъ писать не слѣдуетъ, напр., о дознаніяхъ неоконченныхъ. Вообразите, что человекъ въ подозрѣніи воровства. Производится дознание, пишутся бумаги. Нельзя же все это печатать. Вѣдь такъ много разъ придется шельмовать невиннаго.

Кромѣ того, бывали случаи, гдѣ почему-либо нельзя было раскрывать управскія карты. Иногда я обращался къ столу прессы и говорилъ корреспондентамъ, что этого, господа, прошу васъ не писать. Нельзя, напримѣръ, опубликовать основанія, по которымъ управа собирается вести судебное дѣло. Это была бы не откровенность, а глупость. Съ полнымъ удовлетвореніемъ долженъ сказать, что ни одного случая злоупотребленія довѣріемъ не было. Какъ скажешь, что это, моль, не для прессы, такъ это въ прессу и не попадало. Съ двумя-тремя корреспондентами отношенія у меня были прямо дружескія. Хроника во всѣхъ трехъ газетахъ была корректна. Подъ самый конецъ моего пребыванія въ Баку, когда «Каспій» хладнокровно обо мнѣ говоритъ уже не умѣлъ, то онъ и въ хроникѣ старался меня уколоть, по-моему, весьма невиннымъ образомъ.

Сдѣлалъ я, напримѣръ, что-либо хорошее—это приписывалось управѣ. Сдѣлала управа что-либо, по ихъ мнѣнію, дурное—это приписывалось единолично мнѣ. Умалчивали о моихъ выѣздахъ на официальные собранія. Всѣхъ перечислять, чуть ли не до квартального включительно, а меня пропускаютъ. Или переименовавъ разныхъ лицъ, въ концѣ скажутъ: «Были и представители купеческаго и общественнаго управленія». Огорчить этимъ меня не огорчили, тѣмъ не менѣе, намѣреніе уколоть было очевидно. Дѣлалось же это, конечно, самой редакціей. Корреспондентъ былъ тутъ ни при чемъ.

Надо, впрочемъ, упомянуть случай нескромности невольной. Въ поискахъ за свѣжими людьми я обратился къ одному господину, котораго мнѣ сильно рекомендовали. Онъ телеграфируетъ мнѣ откровенно, «что боится ѣхать», и высказываетъ въ телеграммѣ причину своей боязни, такую, разглашеніе которой ему да и мнѣ могло повредить. Вдругъ на другой день въ «Баку»—«Каспій» и «Бакинскія извѣстія» этого не сдѣлали—читаю и глазамъ не вѣрю: телеграмма моего корреспондента цѣликомъ напечатана.

Я въ редакцію. Редакція извинилась коллегіально недосмотрѣмъ... съ ея-то стороны это, конечно, былъ недосмотръ. Поми-

рились мы и съ корреспондентомъ, злого умысла у котораго, конечно, тоже не было.

Другого случая, хотя бы невольнаго, грѣха прессы въ хроникѣ не помню. Я, конечно, не говорю о томъ, что дѣлалось потомъ съ этой хроникой въ каждомъ номерѣ «Каспія», да иногда,—весьма рѣдко и безъ злого умысла—и въ другихъ газетахъ. Это уже дѣло редакцій, людей, считающихъ себя заслуженно или незаслуженно настоящими, мыслящими писателями. Я говорю лишь о скромной роли въ общественной жизни корреспондента. Пожаловаться ни на одного не могу, хотя перемѣнилось ихъ у насъ не мало.

Зато какую они принесли пользу! Какъ часто я на нихъ рассчитывалъ! Слышишь, что готовится что-либо недоброе и думаешь себѣ: не посмѣютъ при прессѣ. Глядь, и не смѣютъ... поговорятъ, поговорятъ... а сказать или сдѣлать не посмѣютъ.

А иногда кто и прямо пробурчить мнѣ въ лицо, полунедовольнымъ, полушутливымъ голосомъ: „надо бы, Александръ Ивановичъ, для политики съ вами не соглашаться, да завтра пресса разнесетъ. Будь ужъ по вашему“.

Корреспонденты наши все болѣе и болѣе входили въ роль, и кончилось тѣмъ, что я и члены управы узнавали всевозможныя касающіяся управы и города извѣстія изъ газетъ. Дѣлалось это такъ. Я почты не вскрывалъ, а вскрывалъ ее Е. П. Ростовскій, нашъ секретарь управы, человекъ, которому я довѣрялъ больше, чѣмъ самому себѣ. Приходила почта иногда поздненько, когда мы уже собирались расходиться изъ управы. Пока Евгеній Павловичъ почту вскрывалъ, корреспонденты были уже тамъ, и первые узнавали новости. Переходила ли почта въ регистратуру для записи во входящія журналы—единовременно съ регистратурой заносилось все интересное въ узенькіе листки хроникерами. Понятно, что послѣ этого иной разъ мы узнавали новости изъ газетъ. Понятно тоже, съ какимъ любопытствомъ читали мы всѣ три газеты отъ доски до доски.

Поднимался вопросъ о гласности и въ думѣ. Гласный Н. А. Айвазовъ сдѣлалъ запросъ, удобно ли будетъ имѣть публичныя

засѣданія управы, при чемъ замѣтилъ, что и въ думѣ тифлисской такой гласности нѣтъ. Я объяснилъ, что управа со мною согласилась, и что отъ этого не только не предвидится никакого вреда, но даже польза. Большихъ дебатовъ этотъ вопросъ, къ счастью, не вызвалъ. Это было время, когда я только входилъ въ силу, всё присматривались къ моимъ дѣйствіямъ, ждали отъ меня чего-то.

Въ этомъ вопросѣ гласный Н. А. Айвазовъ (прошу не смѣшивать съ его очень вліятельными однофамильцами А. Г. и С. Г.) сослался на Тифлисъ. На Тифлисъ часто ссылались, и притомъ культурные гласные. Въ тифлисской думѣ много, какъ нигдѣ, гласныхъ съ высшимъ образованіемъ. Въ вопросѣ о гласности тѣмъ не менѣе тифлисская дума оскандалилась. Вопросъ о публичности засѣданій управы и комиссій длинно ею обсуждался и къ стыду ея провалился. Вѣдь и высшее образованіе не всегда идетъ рука объ руку съ гласностью и свѣтомъ, въ особенности гдѣ замѣшаны деньги и личный интересъ.

У управы были еще сношенія съ газетами въ дѣлѣ публикацій. Городская управа представляетъ изъ себя хозяйственный органъ, вѣдающій самыя разнообразныя отрасли хозяйства. Какой, какой работы ни приходится управѣ исполнять? Большею частью все это дѣлается путемъ подрядовъ. Поэтому каждый день столбцы газетъ пестрятъ всевозможными объявленіями, вызовами, приглашеніями управы. Прежде все это шло въ „Каспій“, который бралъ за это, сколько хотѣлъ. Затѣмъ открылись еще двѣ газеты. Естественно было посылать и къ нимъ объявленія. Цѣну всё понизили. Можно было, конечно, вызвать между ними конкуренцію и сдать заявившимъ болѣе дешевую цѣну. Такъ я было и предложилъ. Мы кого-то вызывали. Но ничего изъ этого не вышло. Всѣ были противъ. Воображаю, какая буря поднялась бы, если такъ или иначе „Каспій“ пересталъ получать объявленія. Приписали бы это моимъ махинаціямъ вслѣдствіе личной непріязни. Всѣ это чувствовали и потому въ этой области никакихъ новыхъ порядковъ не заводили. Цѣлыхъ трое гласныхъ—руководители мусульманъ—были членами редакціи.

Тѣмъ не менѣе я долгомъ счелъ предложить думѣ, въ виду громадныхъ расходовъ на публикацію, ходатайствовать о разрѣшеніи намъ собственнаго органа. Выработали программу. Кое въ комъ чувствовалось неодобреніе проекту; тѣмъ не менѣе мое предложеніе прошло. Ходатайство я возбудилъ и лично поддержалъ въ Петербургѣ. Къ осени 1903 года вышло и разрѣшеніе на печатаніе „Извѣстій Бакинской Городской Думы“. Изъ программы вычеркнуть былъ отдѣлъ „статей по городскому хозяйству“. Оставлены были лишь официальные отдѣлы.

Но этому малоинтересному органу печати не суждено было увидѣть свѣтъ. Начать его издавать я собирался съ 1904 г. Но къ этому времени уже достаточно обрисовалось мое положеніе въ думѣ. Большинство враждующихъ, меньшинство нейтральное, ни одного союзника. Нервы мои были развинчены непосильной борьбой, сердце переставало работать. Я чувствовалъ, что долго въ Баку не останусь, чувствовалъ, что ничто мною заведенное не прочно, и что поэтому непроченъ былъ бы и жалкій нашъ думскій органъ, тѣмъ болѣе лично кое-кому неудобный... и я рѣшилъ дѣла не начинать. Тѣмъ менѣе, думаю я, могутъ разсчитывать увидѣть свѣтъ „Думскія Извѣстія“ послѣ меня.

III.

Гласности одной было, конечно, мало. Надо было очищать конюшни и вводить новые элементы. Разобраться въ бывшихъ до моего поступленія служащихъ было нетрудно. Я ясно видѣлъ, что никакихъ надеждъ на внутреннее измѣненіе порядковъ питать нельзя, если не измѣнить кореннымъ образомъ состава служащихъ. Онъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ. А образовался онъ слѣдующимъ образомъ.

Даже въ живомъ организмѣ есть самой природой устроенное свалочное мѣсто. Это почки. Туда идетъ всякая дрянь, которая мѣшаетъ другимъ органамъ.

Въ домахъ устраиваютъ выгребныя ямы, и т. д.

Выгребной ямой, свалочнымъ мѣстомъ города Баку являлась городская управа. У всякаго человѣка есть родственникъ-недоросль или пріятель, по старости не могущій имѣть частнаго мѣста, или, наконецъ, просто надоѣдливый знакомый, который пристаётъ, чтобы его пристроили. У бакинцевъ же есть еще больше такихъ людей. Каждый добрый бакинецъ такъ или иначе причастенъ къ какому-нибудь коммерческому предпріятію, нефтяному или иному. Въ такихъ дѣлахъ часто попадаются служащіе, которыхъ надо сбыть съ рукъ. Такъ всѣхъ такихъ родственниковъ, пріятелей, знакомыхъ, лишнихъ служащихъ— куда сбыть? Понятно, на службу городу.

Но почки очищаются самой природой, выгребныя ямы—ассенизаторами. Бакинская же управа не очищалась никогда.

Мнѣ совѣстно употреблять такое сравненіе. Но да не подумаетъ читатель, что я хочу кого-либо оскорбить изъ бывшихъ служащихъ или изъ оставшихся доселѣ. Боже меня сохрани! Я, наоборотъ, прямо пораженъ, какъ, при необычайной халатности веденія дѣла, при невозможной бухгалтеріи, какъ, все-таки, не было чаще хищеній.

Если злоупотребленія были на мѣстахъ, то во всякомъ случаѣ за длинный рядъ лѣтъ крупныхъ хищеній между самими служащими центрального управленія не было.

Сравнивая нашу управу съ свалочнымъ мѣстомъ, я просто хочу сказать, что люди были совсѣмъ неподходящіе. Дѣлопроизводители, служащіе по 25 лѣтъ, но отъ старости не могущіе ходить, нервно больные; бухгалтеры, не знающіе дробей; юрисконсульты изъ лѣсничихъ, а то просто пенсіонеры (не городскіе, а посторонніе), для которыхъ выдумывали дѣло... Вотъ съ кѣмъ приходилось работать.

А надъ ними члены управы тоже выбранные, двое случайно, а двое по родству съ самыми вліятельными гласными. Никто изъ нихъ ни практически, ни по спеціальному образованію, ни какимъ-нибудь другимъ образомъ не былъ подготовленъ къ общественной дѣятельности. Ясно, что дѣло при этихъ силахъ идти не могло. Распушенность на мѣстахъ была невозможная,

безконтрольность полная. Отсюда разваливаюціяся водохранилища, беспорядочныя постройки технических училищъ, гдѣ и виноватаго-то не найдешь, полное отсутствіе санитаріи, повальная слѣпота и морь дѣтей воспитательнаго дома и т. д. и т. д.

Ясно, что надо было: 1) отдѣлаться такъ или иначе отъ балласта въ управской канцеляріи, замѣнивъ его работоспособными людьми, и 2) въ помощь членамъ управы дать культурныхъ специалистовъ, которые были бы во главѣ каждой отдѣльной части, и которые нравственнымъ своимъ вліяніемъ заставили бы членовъ управы ихъ слушаться.

Дальнѣйшій ходъ дѣла долженъ былъ быть слѣдующій: эти специалисты, которые фактически завѣдывали бы отдѣльными отраслями хозяйства, подобрали бы себѣ опять культурныхъ же специалистовъ на мѣста врачей, инженеровъ и т. д. И тогда обновленные составы служащихъ уже на правахъ хотя бы коллегіальныхъ стали бы вводить, гдѣ непосредственно, гдѣ съ помощью положеній и инструкцій, думой утверждаемыхъ, новые порядки.

Другими словами, я хотѣлъ выдвинуть третій элементъ. Я надѣялся, что управа отчасти будетъ довольна, что будетъ избавлена отъ работы, отчасти примирится съ необходимостью подъ вліяніемъ думы.

Нѣкоторые гласные, и притомъ изъ лучшихъ, мнѣ на ушко шептали: „Ничего вы, Александръ Ивановичъ, съ управой не подѣлаете“. Такъ я и хотѣлъ сдѣлать управу трудоспособной введеніемъ хорошо подобраннаго третьяго элемента.

Таковъ былъ мой планъ. И другого я и не хотѣлъ имѣть, такъ какъ рассчитывать на новыхъ членовъ управы я никакъ не могъ. Вѣдь при мнѣ и при непоколебленномъ еще моемъ авторитетѣ выбрали предрѣшеннаго до моего избранія члена управы, Македонскаго, единственно изъ родственниковъ соображеній. Я былъ еще головой, когда г. Сафаралиевъ былъ переизбранъ всѣми шарами противъ одного... Итакъ, я занялся вѣдреніемъ въ бакинскую управу третьяго элемента. Я это слово понималъ нѣсколько въ узкомъ смыслѣ. Я не считалъ принад-

лежащимъ къ третьему элементу всякаго вольнонаемнаго культурнаго служащаго городского или земскаго самоуправленія, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которые выдѣлялись тѣмъ, что я называла общественной жилкой. Всякая должность, даже небольшая, ставитъ часто человѣка въ необходимость бороться съ общественнымъ зломъ. Я это видѣла на счетоводахъ, на простыхъ канцеляристахъ. Приходилось имъ осадить гласнаго, выразить протестъ противъ гадости, не подавать руку негодяю, хотя бы вышнему по службѣ. Человѣкъ на это способенъ, машина нѣтъ. А я хотѣла людей. Только тогда машина будетъ работать безукоризненно, когда она будетъ чиста до мельчайшей шестерни. Этой чистоты я прежде всего искалъ въ своихъ сослуживцахъ и нашелъ ее въ лицахъ, мною приглашенныхъ. Въ настоящую минуту мнѣ на умъ приходитъ лишь одно исключеніе, да и то случайное. Этому человѣку пришлось поручить громадное дѣло потому лишь, что онъ былъ подъ рукой.

Первый и мучительный вопросъ, что дѣлать со старыми служащими? Хорошо, если онъ прослужилъ двадцать съ лишнимъ лѣтъ. Ему можно дать пенсію: а если онъ служилъ всего 12—15 лѣтъ?

Я хоть и возмущался составомъ служащихъ, но, конечно, рѣшился никого не исключать со службы иначе, какъ если ему устроить дума сносную жизнь. И долженъ отдать справедливость думѣ: въ сессію 1902/1903 года она всѣ мои ходатайства удовлетворила съ достаточной щедростью. Я могъ отдѣлаться отъ старыхъ, больныхъ, неспособныхъ.

Параллельно съ этимъ съ усилившеюся интенсивностью управскаго работы отчасти по смѣтѣ, а отчасти даже и внѣ смѣты открывались новыя должности. Наконецъ, прибавивъ къ этимъ естественную убыль въ персоналѣ въ 200 человѣкъ (я говорю лишь о канцеляріи), мы получаемъ значительное число вакансій, которыя подлежали замѣщенію.

Тутъ представился слѣдующій вопросъ. Кто назначаетъ канцеляристовъ отъ дѣлопроизводителя до писца включительно? По закону голова. Съ другой стороны, вѣдь отвѣчаетъ за отдѣленіе

членъ управы. Трудно въ чужое отдѣленіе навязать человѣка, котораго тамъ не хотятъ. Практика бакинская выработала такой порядокъ: приглашала формально служащихъ управа по своимъ постановленіямъ, фактически же въ каждомъ отдѣленіи царствовалъ безгранично свой членъ.

Что мнѣ было дѣлать? Я считалъ необходимымъ, чтобы дѣлопроизводители да и низшіе служащіе были не простыя машины. Первый разъ какъ я заикнулся о моемъ правѣ назначенія въ управѣ, М. А. Бѣлявскій даже разсердился, говоря, что этого никогда не было.

Практически вопросъ рѣшился такъ: всюду проходили исключительно почти мои кандидаты. Я, конечно, говорю о томъ времени, когда у насъ не произошло въ управѣ конфликта, и когда мои акціи и въ думѣ стояли очень высоко. А это и было время назначеній.

Слѣдующій вопросъ: кого назначать? При первой же вакансіи, чуть не на другой день по вступленіи моемъ въ должность, ко мнѣ посыпались рекомендательныя записки гласныхъ. Я почувствовалъ себя, какъ, вѣроятно, чувствуетъ себя лошадь, когда ѣздокъ заноситъ ногу въ стремя, чтобы вскочить въ сѣдло. Лошади въ то время, вѣроятно, очень хочется не допустить его, тѣмъ болѣе, что позднѣе сбросить его уже трудно.

Такъ и я сразу хотѣлъ отдѣлаться отъ своихъ надоѣдливыхъ сѣдоковъ. Просителямъ я объявилъ, что рекомендаціи для меня значенія не имѣютъ и для большей убѣдительности вывѣсилъ объявленіе въ корридорѣ, что прошу ко мнѣ съ рекомендаціями не являться, такъ какъ съ ними проситель теряетъ шансы на полученіе мѣста, даже если бы таковыя у него и были.

Такъ вотъ какова сила привычки и вѣры въ это всеильное въ Баку (да и въ одномъ ли Баку?) средство. Только-что я вывѣсилъ это объявленіе, является дѣвица съ письмомъ.

— Вы что?

— Мѣста ищу.

— А это рекомендація?

— Да.

— Гласнаго?

— Да.

— А вы читали мое объявленіе на двери?

— Читала.

— Такъ что же?

— А вы все-таки прочтите.

Но вскорѣ гласные поняли, что я, не шутя, объявилъ, что рекомендацій не приму, и перестали таковыя ко мнѣ адресовать.

Просителей у меня бывало каждый день видимо-невидимо. Главныя категоріи ихъ были: ищущіе мѣста и просящіе о пособіи. Теперь дѣло идетъ о первыхъ. Кого брать? Въ началѣ я былъ въ большомъ затрудненіи. Служащихъ въ Баку найти труднѣе всего. Тамъ нефть. А нефть городу не указъ.

Инженеръ въ городѣ получаетъ отъ 1800 до 3000 руб., а на нефтяномъ промыслѣ 6—18 тысячъ, а то и больше. 6000 уже считается маленькимъ жалованіемъ. Кто къ намъ пойдетъ? Или куда негодный, или молодой—впредь до лучшаго мѣста.

Такъ же и бухгалтеръ, и счетоводъ, и простой писецъ, трудъ котораго въ нефтяной конторѣ оплачивается лучше. Ясно было, что, ограничъ я свой выборъ одними бакинцами, мнѣ опять бы пришлось имѣть дѣло съ отбросами. По крайней мѣрѣ, если и были въ Баку люди идейные, то я о нихъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. А люди были нужны.

Ясно, что приходилось ихъ выписывать изъ Россіи. Какъ ни стѣснено земство въ правѣ своемъ выбирать нужныхъ людей, все же тамъ можно кое-кого найти. Наконецъ много людей крупныхъ, выдающихся своей работой и талантомъ, которымъ нигдѣ не дано пристроиться... Въ бакинской управѣ условія работы для интеллигентнаго человѣка были весьма благоприятны. Я говорю про внѣшнія стѣсненія, которыя отсутствовали совершенно. Тамъ, гдѣ я ожидалъ встрѣтить борьбу—я ничего не нашелъ кромѣ предупредительности, любезности, помощи. Тамъ, гдѣ я ожидалъ помощи, я нашелъ тормазы, грубость...

Итакъ въ выборѣ себѣ помощниковъ я стѣсненъ не былъ. Я могъ пригласить лучшихъ людей Россіи, и они уже были бы

у насъ, если бы не начался внутренній разладъ въ управѣ и въ думѣ.

Впрочемъ, вначалѣ дѣло шло очень хорошо. Гдѣ и какъ оно свихнулось, я расскажу послѣ.

Просить мѣстъ являлась ко мнѣ масса людей. Каждому я могъ удѣлить въ управѣ минуты двѣ-три... не больше. Нѣкоторые приходили ко мнѣ на домъ, пользуясь тѣмъ, что я принималъ всегда всѣхъ. Но и на дому не влѣзешь въ душу человѣка, съ которымъ говоришь.

Пришлось обратиться къ системѣ рекомендацій.

— А кто можетъ васъ рекомендовать?

— Да гласный А., директоръ Б.

— Нѣтъ, нѣтъ... мнѣ такихъ не нужно рекомендацій. Вы мнѣ дайте рекомендацію... ну, какъ бы вамъ сказать, изъ вновь приглашенныхъ нашихъ служащихъ... Н. знаете?

— Нѣтъ.

— А Г.? А Р?..—называю нѣкоторыхъ знакомыхъ служащихъ и не служащихъ въ управѣ.

А то просто спрашиваешь его біографію, и если узнаешь, что онъ не весь ушелъ въ добываніе рублей—приглашаешь его. Само собою, что, привлеки въ управу двухъ-трехъ человѣкъ, глубоко порядочныхъ, я на ихъ рекомендацію могъ положиться вполне. Такъ рекомендовали они одинъ другого, и наконецъ много стало людей, которыхъ и хотѣлось привлечь, но мѣстъ не доставало. Образовалась партія такъ называемыхъ новиковцевъ, о которыхъ еще много придется говорить.

Разошелся слухъ, что я ищу людей идейныхъ, съ общественной жилкой.

И, конечно, стали этимъ злоупотреблять. Такъ что я раза два попался.

— Вы почему ко мнѣ пришли?

— Да зная васъ за человѣка просвѣщеннаго (лесть никогда не вредитъ), я думалъ, что вамъ нуженъ человѣкъ, который ищетъ мѣста не ради выгоды, а ради служенія обществу. Пошлость обыденная мнѣ претитъ и пр. и пр.

Возьмешь человѣка, а онъ оказывается хуже другихъ. Пришлось держаться системы рекомендацій людей, достойныхъ довѣрія.

На этой моей стрункѣ играли не только сами просители. Нѣкоторые гласные и одинъ изъ моихъ коллегъ по управѣ, наиболѣе занятый пристроичествомъ своихъ людюшекъ, не гнушались ловить меня на эту удочку.

— Вы ищете учительницу, Александръ Ивановичъ?

— Ищу.

— Ну, вотъ, возьмите такую-то. Она замѣчательный человѣкъ, идейный и та-та-та и та-та-та...

Глядь, самая обыденная дѣвица, идущая въ учительницы лишь за неимѣніемъ жениховъ, или думающая, что, будучи на мѣстѣ, скорѣе такого найдеть.

Разъ это мнѣ стало просто противно, и я въ рѣзкой формѣ замѣтилъ коллегѣ, что вѣдь напрасно онъ меня считаетъ такимъ круглымъ идиотомъ, что я пойду на такую приманку.

— Чтобы идейныхъ рекомендовать, надо самому быть знакомымъ съ идейностью,—прибавилъ я.

Очевидно, со всѣми своими идейными людьми не могъ я понравиться всей бакинской думской публикѣ, а въ особенности тѣмъ членамъ управы, которые только для того, кажется, и пошли въ управу, чтобы пристраивать различныхъ протеже своихъ родственниковъ и друзей изъ гласныхъ. Какъ новиковцы составляли кисть людей, связанныхъ между собою общими идеалами и взаимнымъ уваженіемъ, такъ и антиновиковцевъ, кромѣ общей ненависти ко мнѣ и всѣмъ новымъ служащимъ, соединяли общія дѣла, родство, старинныя связи. Мы были пришельцами безъ другого оружія, какъ вѣра въ дѣло свое, а тѣ на мѣстѣ пустили давно корень и только въ самомъ началѣ могли уступить моему натиску, пока не оглядѣлись и не возстали противъ общаго врага.

IV.

Намъ часто придется встрѣчаться съ именами главныхъ моихъ сослуживцевъ; а потому считаю нелишнимъ представить ихъ читателю.

Какъ только я рѣшилъ добиться назначенія во всѣ отдѣленія завѣдывающихъ отдѣльными частями, которые несли бы тяготы членовъ управы, я поспѣшилъ облечь мои предложенія въ удобно приемлемыя формы. Обыкновенно дума сначала отказывала, передавала мои проекты на обсужденіе то той, то другой комиссіи и всегда кончала тѣмъ, что ихъ принимала. Дѣлалось это въ первые мѣсяцы сессіи 1902—1903 года и затѣмъ было окончательно закрѣплено при составленіи смѣты на 1903 годъ.

Я уже говорилъ про открытіе должности секретаря управы. Тотоміанецъ, мною приглашенный, по предвидимымъ, но непреоборимымъ обстоятельствамъ пріѣхалъ лишь въ октябрѣ, но, какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ. Такъ и литераторы. Тотоміанецъ, прельстившись тѣмъ, что «Бакинскія Извѣстія» перешли въ другія руки, не прослуживши съ нами и одного мѣсяца, перемѣнилъ свое секретарское мѣсто на мѣсто редактора газеты (официально секретаря редакціи). Лишь въ мартѣ пріѣхалъ Е. П. Ростковскій, главною задачею котораго, согласно моимъ предположеніямъ, было составленіе обоснованнаго проекта большого городского займа.

Не касаясь совсѣмъ земельного дѣла, по которому надо было ожидать исполненія обѣщаній г. Бѣлявскаго, я, конечно, долженъ былъ подумать о такихъ должностяхъ, которыя еще не существовали. На живое мѣсто не такъ-то легко искать кандидатовъ, такъ какъ при этомъ надо прежде отдѣлаться отъ стараго служащаго.

Прежде всего надо было позаботиться о строительномъ дѣлѣ, поглощавшемъ ежегодно сотни тысячъ и изъ рукъ вонъ плохо поставленномъ. Архитекторы въ числѣ четырехъ, получая небольшое жалованье, большую часть своего досуга отдавали естественно

частнымъ работамъ. Служба городу была уже дѣломъ второстепеннымъ. Сопоставивъ это съ никуда негодной бухгалтеріей, всякій пойметъ, что нельзя было быть спокойнымъ за производительность строительныхъ расходовъ.

Но что было особенно возмутительно—это наше отношеніе ко всевозможнымъ техническимъ проектамъ. Поступаетъ проектъ какой-нибудь фирмы, или общества, или инженера, ну, хоть легкаго пароходства по бухтѣ, или городскихъ ледниковъ, или отопленія природными газами и т. д. и т. д. Проектъ получался. М. А. Бѣлявскій дѣлалъ надпись: «въ строительное отдѣленіе». А тамъ онъ лежалъ, пока не забывался самимъ подавшимъ. Бывали случаи, что проекты эти терялись.

Естественно, что это отбило охоту у предпринимателей разрабатывать проекты для Баку. Врядъ ли есть болѣе технически отсталый городъ въ Россіи, съ населеніемъ въ 150.000 жителей. Поступаю я. Заговорили объ обновленіи. Немедленно посыпались предприниматели... Кто просилъ дать ходъ давно поданному проекту, кто подавалъ новый. Всѣ думали, что я все сразу двину. Но по щучьему велѣнію ничего не дѣлается. Обѣщать-то я, пожалуй, грѣшнымъ дѣломъ и обѣщаль кое-кому двинуть дѣло, но слова не сдержалъ. Пришлось ограничиться надписью: «въ строительное отдѣленіе»... Вскорѣ я и обѣщать пересталъ.

Скажутъ, почему это такъ. Могъ же я каждое такое дѣло передать инженеру для рассмотрѣнія и составленія по немъ доклада, а затѣмъ наблюдать, чтобы къ назначенному сроку докладъ былъ готовъ. Что въ этомъ толку было бы, когда не было главнаго—увѣренности въ качествѣ работы? Вѣдь управа должна разработанный проектъ представить въ думу, и тогда она является отвѣтственной за представленное. Могъ ли я представить управѣ или думѣ проектъ, разработанный техниками, которымъ я не довѣряю?

Боюсь, что оскорбятся тѣ, про которыхъ я пишу. Спѣшу по этому оговориться. Довѣріе человѣкъ чувствуетъ къ другому или, наоборотъ, не чувствуетъ, совершенно невольно. Долженъ сказать, что недовѣріе мое къ лицамъ технического отдѣла раз-

дѣлялось громаднымъ большинствомъ бакинцевъ и думцевъ, въ томъ числѣ и противниковъ моихъ. Кто изъ техниковъ отсталъ отъ науки, кто не имѣетъ нужнаго для прожектора таланта, кто при талантѣ заваленъ личными дѣлами, кто не былъ на высотѣ положенія при прежнихъ работахъ...

Однимъ словомъ, довѣрія я не питалъ ни къ кому достаточнаго, чтобы обойтись своими средствами.

Говорили мнѣ и такъ: перемѣните техниковъ. Слова отъ насъ не услышите. Легко сказать! Чтобы смѣнить человѣка, надо указать большіе его грѣхи. Мало не довѣрять людямъ, тѣмъ болѣе уже нѣсколько лѣтъ служившимъ городу. А чтобы указать техническіе грѣхи, надо самому быть техникомъ. Я за два года и не поднялъ вопроса объ ихъ удаленіи, хотя все время мечталъ объ освѣженіи нашего технического надзора. Прибавимъ, что спеціалиста по электричеству у насъ не было ни одного.

И вотъ я предложилъ пригласить техника для разработки проектовъ. Всѣмъ извѣстно, какъ низка техническая этика. Постройка кіевскаго политехникума, узаконеніе для архитектора полученія процентовъ съ поставщиковъ, не составляющее ни для кого ни секрета, ни даже предмета, о которомъ неловко говорить—все дѣлаетъ выборъ очень труднымъ. Но въ людяхъ мнѣ везло. Мнѣ рекомендовали инженера Лаговскаго, какъ талантливаго, работающаго, честнаго инженера. Рекомендовали техники сами талантливые, сами честные. Сомнѣваться было нельзя. Пропшое говорило за человѣка. Онъ соглашался идти за 7200 руб.

Какъ ни будь идеенъ, вѣдь ѣхать въ Баку съ семьей на большую работу, не обезпечивъ себя, нельзя. Лаговскаго манила въ Баку громадная работа. Создать трамвай, освѣщеніе громаднаго города, разработать всевозможные проекты, а можетъ быть и выполнить ихъ—все это могло заманить человѣка.

Я въ управу: управа соглашается. Я въ думу: дума сперва передала въ комиссію, въ другую и согласилась на приглашеніе г. Лаговскаго, но въ измѣненномъ видѣ, не въ качествѣ инженера для составленія проектовъ, а въ качествѣ главнаго инженера. Проекты само собой, но, кромѣ того, ему долженъ былъ

быть порученъ надзоръ и за всѣми другими отраслями строительнаго хозяйства.

Я сначала боялся, что задача слишкомъ сложна, но затѣмъ успокоился. Тѣмъ лучше, думалъ я, онъ мнѣ поможетъ обновить весь техническій надзоръ. Выпишемъ мы съ нимъ, хорошенько поискавши, добрыхъ помощниковъ и горы сворочаемъ...

Словомъ, является къ новому году Александръ Федоровичъ Лаговскій. Время было самое благопріятное. Членъ управы Смоленскій уходилъ, г. Македонскій еще не приходилъ.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, г. Лаговскій былъ въ курсѣ всего, все зналъ, всѣмъ распоряжался. Быстрый умъ, блестящая всесторонняя эрудиція, громадная трудоспособность и безусловная чистота—это ли не кладъ? Я ли не ликоваль?.. Но увы! Восходило понемногу солнце г. Македонскаго... впрочемъ, объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Во всемъ я сторонникъ коллегіальности. Разсчитывать на прочность организаціи, основываясь на наличности хорошаго руководителя—очень неосновательно. Сегодня онъ здѣсь, а завтра на его мѣстѣ Богъ знаетъ кто. Тогда какъ, если дѣломъ руководить коллегія, то и плохой руководитель или сдѣлается невозможенъ и долженъ будетъ уйти, или волей-неволей долженъ будетъ подчиниться большинству. Пригласить г. Лаговскаго было мало. Кромѣ непосредственнаго использованія его знаній и его труда, намъ нужно было упрочить зданіе. Поэтому мы имѣли съ нимъ въ виду выработать для техническаго надзора особую инструкцію, положивъ въ основаніе ея коллегіальное начало. Но чтобы дать техническому совѣту изъ служащихъ управы коллегіальныя права, надо, чтобы онъ былъ на высотѣ положенія. Итакъ мы возвращаемся къ тому, что уже говорили. Мало было имѣть руководителя, надо было еще имѣть и хорошихъ техниковъ. Естественно, что г. Лаговскій, даже ознакомившись съ положеніемъ строительнаго дѣла въ Баку, не могъ приступить къ самостоятельной работѣ. Отвѣчая въ качествѣ главнаго инженера за все и не будучи въ состояніи довѣриться техникамъ, онъ естественно боялся, что повторится какой-нибудь скандалъ

въ родѣ резервуара для воды, лопнувшего вслѣдствіе ошибки въ вычисленіи (кажется, ведро смѣшали съ кубическимъ футомъ) или башни, которая тоже рисковала обвалиться, не замѣть г. Гаджіевъ, что балки тонки.

Поэтому г. Лаговскій изображалъ изъ себя контролера всѣхъ дѣйствій архитекторовъ и инженеровъ. Онъ да и я ждали обновленія состава, чтобы онъ спокойно могъ работать. Но обновленія этого дожидаться не пришлось.

V.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ врачебнымъ персоналомъ. И тутъ большинство врачей было далеко не на высотѣ положенія. Были люди, которымъ дали мѣсто въ городѣ вмѣсто пенсіи, были назначенія, какъ это всегда практикуется въ Баку: одного армянина на одного татарина. Прежде въ думѣ сильно настаивали гласные, и татары, и армяне, чтобы было обязательно поставлено условіемъ службы городу—знаніе одного изъ мѣстныхъ языковъ. Дѣлалось это, чтобы принимали лишь туземцевъ мѣстныхъ. Но такъ какъ врачей татаръ оказалось очень мало, а армянъ очень много, то когда всѣ татары были использованы и получили лучшія (въ смыслѣ вознагражденія) мѣста, то правило о языкахъ сдѣлалось выгоднымъ лишь для армянъ. И тогда татары стали противъ него, ибо соглашались имѣть русскихъ, евреевъ, поляковъ, лишь бы поменьше армянъ.

Двухъ врачей упомяну отдѣльно по разнымъ причинамъ. Не хочу обойти молчаніемъ доктора Гальперина, директора единственной бакинской городской больницы. Умный, необыкновенно тактичный, покладистый и хладнокровный человѣкъ, опортунистъ до мозга костей и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошій врачъ, онъ былъ многіе годы директоромъ больницы. Если больница чѣмъ и страдала, то неудовлетворительнымъ помѣщеніемъ, тѣснотой, малочисленностью врачебнаго персонала, все по недостатку отпускаемыхъ думой средствъ. Ясно, что Гальперинъ, ежегодно объ этомъ писавшій въ своихъ предсмѣтныхъ требованіяхъ—тутъ

повиненъ не былъ. Между тѣмъ, меня все время поражала та злобность, съ которой производились на больницу нападки и не только людьми, ругающимися изъ удовольствія ругаться, но какъ будто и принципиально правдивыми. Однимъ словомъ, нападали не «каспійцы» одни, но и такія личности, какъ гласный Сапаровъ, котораго можно какъ гласнаго не любить, но котораго ни въ какомъ преднамѣренно дурномъ дѣйствиіи упрекнуть никто не посмѣетъ. Всѣ газеты рады были раздуть малѣйшій инцидентъ больничныи, въ родѣ кражи сапогъ или пропажи бинтовъ, точно можетъ больница обойтись безъ инцидентовъ, когда въ ней лежитъ до 250 больныхъ стационарныхъ, да приходитъ ежедневно нѣсколько сотъ амбулаторныхъ больныхъ, да столько же родственниковъ и знакомыхъ—посѣтителей больныхъ.

Говорю объ этомъ, чтобы показать, что не всегда гласъ народа—гласъ Божій. Во всякомъ случаѣ бакинская больница—одно изъ свѣтлыхъ мѣстъ бакинскаго самоуправленія. И оно-то наиболѣе служило мишенью всякихъ нападокъ даже хорошихъ людей.

Другой докторъ, о которомъ я хотѣлъ упомянуть, это—докторъ Векиловъ. Магометанинъ, онъ въ большомъ почетѣ между татарами «Каспія» и не какъ врачъ, а какъ идейный человекъ. Я въ немъ дѣйствительно нашелъ націоналиста, притомъ такого направленія, которое мнѣ всегда было очень несимпатично.

Газеты сообщали о немъ послѣ шемахинскаго землетрясенія некрасивое проявленіе фанатически дикаго націонализма, направленнаго противъ армянъ. Заговорилъ я о немъ, чтобы указать на особое его положеніе въ управѣ. Врачъ, какъ и всѣ остальные, онъ весьма смѣло сталъ требовать себѣ прерогативъ, о которыхъ ни одинъ изъ его коллегъ и не помышлялъ. Шло, напримѣръ, въ комиссіяхъ обсужденіе врачебнаго дѣла и организаціи лѣчебницъ. Векиловъ подаетъ особое мнѣніе, требуетъ чтенія его подробно въ комиссіи, не обращаетъ вниманія на порядокъ записей предсѣдателемъ очереди говорящихъ, перебиваетъ всѣхъ.

Въ думѣ гласные-татары требуютъ знать подробно мнѣніе Векилова, и снова онъ входитъ на каеэдру и читаетъ свою за-

писку. Въ отпускъ г. Векиловъ уѣзжалъ, не спросясь управы, а лишь увѣдомивъ своего начальника, члена управы, Сафаралъева. Даже главнаго врача онъ не увѣдомилъ объ отъѣздѣ въ отпускъ.

Мы привыкли къ идейности земскихъ врачей. Я искалъ что-либо подобное у г. Векилова и, конечно, не нашель. Въ своихъ мнѣніяхъ и запискахъ онъ всегда отстаивалъ одно: чтобы врачъ лѣчебницы имѣлъ побольше правъ, поменьше обязанностей. Разъ онъ подробно доказывалъ, что амбулаторія лѣчебницы отнюдь не должна быть вмѣстѣ съ квартирой врача во избѣжаніе заразы. А я доказывалъ, что квартира и амбулаторія должны быть вмѣстѣ, чтобы врачъ всегда былъ къ услугамъ больныхъ. Его точку зрѣнія я назвалъ безвравственной. А онъ на меня обидѣлся.

Поддержка гласными служащаго въ ущербъ правдѣ, конечно, ничего, кромѣ вреда, принести не можетъ. А когда члены управы только объ одномъ и заботятся, чтобы угодить гласнымъ, тогда вовсе скверно. Потому и былъ у насъ г. Векиловъ въ особомъ почетѣ.

Закрываю скобку и возвращаюсь къ своему предмету. Чтобы упорядочить врачебное дѣло, каждая отрасль котораго, не имѣя другихъ управителей, кромѣ управы, катилась сама по себѣ—я предложилъ, а дума приняла должность главнаго врача. Мы ему подчинили все, и санитарію, и больницы, и школьную медицину. Условіемъ приглашенія было, чтобы кандидатъ составилъ себѣ имя въ общественной медицинѣ.

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ я остановился на бывшемъ земскомъ врачѣ, приватъ-доцентѣ казанскаго университета по гигиенѣ, Владимірѣ Андреевичѣ Арнольдovѣ. Собранныя о немъ свѣдѣнія были прекрасны. Управа со мною по тогдашнему ея обычаю согласилась. Когда г. Арнольдovъ приѣхалъ, мы нашли человѣка отзывчиваго на все хорошее, любящаго дѣло, добраго. Онъ приобрѣлъ всеобщее уваженіе. Немного кабинетный человѣкъ, онъ властью тяготился. Тѣмъ не менѣе, гдѣ надо было, онъ всегда ее проявлялъ, конечно, въ мягкой формѣ, единственно ему свойственной.

Сразу привявшись за дѣло, онъ исполнилъ большую работу:

онъ составилъ для различныхъ отраслей врачебнаго дѣла въ Баку, для больницы, для воспитательнаго дома, для родильнаго пріюта, для всѣхъ школъ всевозможныя инструкціи, какъ высшему, такъ и низшему персоналу.

Во главѣ всего дѣла былъ поставленъ медицинскій совѣтъ изъ управы, выборныхъ гласныхъ и всѣхъ врачей, служащихъ городу, которыхъ къ концу моей службы набралось до сорока. Взялъ я эту организацію изъ земствъ, гдѣ путемъ привлеченія къ коллегіальному обсужденію медицинскихъ вопросовъ всѣхъ ея служителей были достигнуты столь блистательные въ смыслѣ этики результаты.

Почему, казалось бы, и бакинскую городскую медицину не поднять до уровня земской?—думалъ я. Много можетъ духъ общественности. И вотъ я думѣ предложилъ медицинскій совѣтъ. Дума его приняла. Въ лицѣ Арнольдова привлекли мы опытнаго и высоко-этичнаго руководителя. Чего еще больше?

Долженъ признаться, что я ошибся. Видно, не такъ легко всходить сѣмена этики.

Такъ называемыя свободныя профессіи при настоящихъ условіяхъ не являютъ примѣровъ высокой общественной доблести. Г. г. юристы, доктора, техники далеко не даютъ обществу всего, что отъ нихъ мы были бы вправѣ требовать. Тѣмъ болѣе низка этика въ Баку—этой столицѣ Молоха. Я думалъ, что стоитъ собрать врачей, и они волей-неволей проникнутся идеей служить обществу. Увы, я сильно ошибся. Медицинскій нашъ совѣтъ явилъ, долженъ сказать, весьма грустную картину. Когда были выборы новаго врача, являлись всѣ безъ исключенія, даже такіе врачи, которыхъ я за два года моей службы ни разу не видалъ. Баллотировали не съ мыслью дать лучшаго человѣка, а чтобы удовлетворить личнымъ вкусамъ. Прежде всего стоялъ вопросъ національный. Опять констатирую это съ грустью: проваливали армянина за то, что онъ армянинъ. Баллотировался разъ полякъ и его пріятель, тоже полякъ, позволилъ себѣ серьезно доказывать, что знаніе врачемъ языка больного скорѣе вредить, чѣмъ помогаетъ, потому что больной часто, высказывая субъектив-

ныя, плохо понятыя ощущенія, сбиваетъ врача, который опываніемъ и оскультаціей правильнѣе можетъ добиться вѣрнаго діагноза. Только, чтобы провести пріятеля, можно говорить такую чепуху.

Какъ я ни старался ввести въ медицинскую среду чистые, въ смыслѣ общественномъ, элементы—мнѣ такъ это и не удалось.

Управа имѣла право veto при выборѣ врача. Но употребить это право рѣшила только одинъ разъ, когда выбранное лицо оказалось уже совсѣмъ невозможнымъ. Управа недовольна была моимъ медицинскимъ совѣтомъ, связывавшимъ ей руки. Не общественная чистота, конечно, заботила управу, а невозможность помѣстить своихъ кандидатишекъ.

Зато, когда въ программѣ помѣщалось нѣчто не интересное, напримѣръ, разсмотрѣніе инструкціи, то являлось не болѣе одной трети врачей. Но и тогда наблюдалось явленіе прямо отвратительное. Разсматривалась инструкція для ординаторовъ больницы; врачи лѣчебницъ всячески настаивали, чтобы имъ определено было больше часовъ работы, строже дежурства и т. п. Наоборотъ, врачи больницы старались отплатить врачамъ лѣчебницы той же монетой.

И это называется корпоративной этикой сословія, по своему существу состоящаго изъ людей съ высшимъ образованіемъ.

VI.

Болѣе труднымъ было приглашеніе новаго юрисконсульта. Главнаго инженера, главнаго доктора приглашали на вновь открытыя должности. А юрисконсультъ былъ. И притомъ былъ человѣкъ большой честности. За 20 лѣтъ своей службы онъ заслужилъ глубокое уваженіе всѣхъ его знавшихъ. Въ прошломъ онъ перенесъ на своихъ плечахъ громадную тяжесть межевыхъ дѣлъ.

Между тѣмъ, жизнь усложняется; становятся опытнѣе и хитрѣе противники города, съ которыми приходится судиться. То, что было хорошо 20 лѣтъ назадъ—не годится теперь.

Надо признаться, что дѣло юридическое стояло изъ рукъ вонъ плохо. Да оно и не могло стоять хорошо. Слишкомъ оно уже было велико. Весь штатъ, кромѣ юрисконсультъ, состоялъ изъ его помощника—не юриста и одного писца, разбитаго параличемъ.

Трудно описать состояніе дѣлъ. Когда нами приглашенный новый юрисконсультъ разобрался немного въ дѣлахъ—то ихъ оказалось неоконченныхъ отъ 3 до 4 тысячъ. Вѣдь не выговоришь. Большинство дѣлъ было земельныхъ, о разныхъ захватахъ, объ очисткѣ участковъ и т. п. Дѣла эти были во всевозможныхъ стадіяхъ, отъ начатыхъ и не видавшихъ продолженія, до оконченныхъ и не приведенныхъ въ исполненіе. Во всемъ этомъ разобраться одному человѣку невозможно. Много дѣлъ надо было прекратить и начать вновь, много подвинуть, еще больше закончить. А 800 дѣлъ (кажется такъ) нигдѣ не удалось разыскать, хотя и архивъ въ такомъ положеніи, что ручаться нельзя, что и эти дѣла могли бы частью быть найдены.

Затѣмъ шли нѣкоторыя выдающіяся, важныя дѣла, требующія особаго таланта, особыхъ знаній. Таковы дѣла съ обществомъ «Кавказъ и Меркурій», которое является большимъ мѣстомъ въ Баку. У общества пристань при собственномъ его участкѣ земли. Вотъ эта-то пристань и участокъ приносятъ громадный вредъ городу. Участокъ застроенъ и дѣлится на двѣ части лучшее мѣсто города—набережную. Снесите вы эти постройки и вы сдѣлаете для города величайшее благодѣяніе. Хорошіе юристы говорили, что заставить общество это сдѣлать—можно. При наличныхъ силахъ, начинать такое дѣло было прямо невымыслимо.

Но съ тѣмъ же «Кавказомъ и Меркуріемъ» были и другія дѣла. Какъ велось одно изъ нихъ—любопытно.

Общество возвело на морѣ площадку и постройки. Городъ утверждалъ, что оно права [на это не имѣло. Дѣло—сложное, мудреное. Велъ дѣло помощникъ юрисконсультъ, г. Меликъ-Мельконовъ, повторяю—не юристъ. Онъ его разъ проигралъ уже въ окружномъ судѣ, но судебная палата отмѣнила рѣшеніе и вернула дѣло въ окружный судъ.

Вдругъ читаю въ газетахъ—я былъ головой—что дѣло опять проиграно. Изъ Петербурга отъ общества пріѣзжалъ извѣстный адвокатъ, а отъ города выступалъ г. Меликъ-Мельконовъ и подъ хохотъ публики проигралъ дѣло.

Лечу въ управу.

— Попросите ко мнѣ г. Меликъ-Мельконова.

Является.

— Что вамъ угодно?

— Вывели дѣло съ «Кавказомъ и Меркуріемъ» и опять проиграли его?

— Да, но вѣдь это пустяки. Палата опять отмѣнить рѣшеніе. Я напишу апелляцію..

— Виноватъ, я переговорю съ г. Куклинымъ.. Попросите ко мнѣ г. Куклина.

Является.

— Помилуйте, Николай Константиновичъ. Ведется громадной важности дѣло съ «Кавказомъ и Меркуріемъ» и вы даже сами не выходите по этому дѣлу, а посылаете помощника вашего—не юриста.

— Да я и не зналъ, что это дѣло назначено къ слушанію.

— Какъ? вы не знали?

— Нѣтъ. У насъ такъ заведено. Кому управа дѣло поручила, тотъ его и ведетъ самостоятельно. М. А. Бѣлявскій это дѣло поручилъ Меликъ-Мельконову и онъ по немъ уже третій разъ выступалъ. А я и не зналъ. Это меня не касается.

Долженъ замѣтить еще одну особенность бакинской думы. Состоя изъ людей съ ультра-коммерческой жилкой, дума не можетъ не проявлять этихъ свойствъ. Впереди вопросовъ общественной пользы или удобства, впереди вопросовъ общественной этики, стоитъ одинъ главный вопросъ: кассовый. Надо сдѣлать то, что выгоднѣе, ибо не дай Богъ придется оцѣночный сборъ повысить съ $7\frac{1}{2}$ до 10% . Что выгоднѣе—то и нравственно,—то мы и дѣлаемъ. Вотъ бакинскій девизъ.

Когда платежъ очевидно обязательенъ, очевидно нужно заплатить,—а они не платятъ (и управа и дума). Пускай, молъ, идутъ

въ судъ. Присудятъ — ну и заплатимъ. А можетъ и выгорить наше дѣло; тогда не заплатимъ.

Такъ разсуждаетъ хорошій бакинскій хозяинъ. И вотъ дѣло чиновника, упавшаго въ колодець, поднятое его вдовой, идетъ въ судъ. Она бы взяла рублей 600 въ годъ. Было бы и хорошо для города, и великодушіе бы нѣкоторое показали. Вотъ мы заплатили ей безъ суда! Смотрите моль! Такъ нѣтъ же, по суду ей присудили 1200 рублей въ годъ. Городъ обжаловалъ, обжаловала и она. Въ палатѣ присудили 1400 рублей. И подѣломъ хорошимъ хозяевамъ! За вдову можно только порадоваться.

То же было и съ техническимъ училищемъ. Я было обѣщаль поставщикамъ разобратся въ дѣлѣ и заплатить безъ суда. Оказалось, я ихъ обманулъ. Разобрались мы съ помощью г. Лаговскаго. Вышло, что передержка (кажется, 5-я по счету) была въ 35 тысячъ. Нечего было и идти въ думу съ просьбой уплатить, ибо заранѣе мы знали отвѣтъ думы: пускай идутъ въ судъ. Вышло липній разъ такъ: людямъ задолжали, года три за носъ ихъ тянули, да заставили идти въ судъ. Чего добраго, перенесутъ дѣла эти въ палату, чтобы хоть затянуть платежи.

Не могу не привести еще маленькаго случая. По неисправности нашихъ городскихъ печей въ городскомъ помѣщеніи случился маленькій пожаръ, отъ котораго сгорѣло имущество двухъ помощниковъ провизора. У нихъ все сгорѣло, чтò было. И вотъ эти добрые люди предъявляютъ счетъ при прошеніи на ничтожную сумму. Одинъ рублей въ 100, другой рублей въ 200. Тутъ же опись. Болѣе чѣмъ скромныя цѣны ихъ скарба, отмѣтка, что брюки поношены, показывали, насколько добросовѣстно бѣдняки относились къ своей просьбѣ.

Дѣло дошло до думы. И посыпались рѣчи, что, моль, недостаточно доказано, что пожаръ произошелъ по винѣ города, и что во всякомъ случаѣ виновата не дума, а техники городскіе, и что не доказана сумма иска и т. д. и т. д. Противно было слушать. Въ концѣ концовъ отказали. И заставили бѣдняковъ идти въ судъ и ждать нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ получить удовлетвореніе.

Что мнѣ сказать? Что порядокъ нехорошъ и что нужно его переменить? Такъ я и сказалъ. Дѣло настолько разрослось, что г. Куклину, человѣку немолодому и привыкшему къ старымъ порядкамъ, оно уже было не по плечу. Дума со мной согласилась и назначила по моему ходатайству г. Куклину весьма хорошую пенсію. Наши пенсіи смущали нѣкоторыхъ старыхъ чиновниковъ, дотянувшихъ до генеральскихъ или полугенеральскихъ степеней и во снѣ никогда такихъ пенсій не выдавшихъ.

Предстояло замѣнить г. Куклина. Увы! При современномъ уровнѣ этики нелегко найдешь человѣка, который, будучи талантливъ (а вѣдь нужно талантливаго, и умѣлаго, и трудоспособнаго), пошелъ бы служить въ Баку за 5000 рублей безъ права личной практики. А что право личной практики юрисконсульту въ Баку дано быть не можетъ, видно уже изъ громаднаго количества дѣлъ. Какъ быть? А ну какъ вмѣсто честнаго г. Куклина попадетъ къ тому же нечестный?

Бѣду какъ-то разъ въ Тифлисъ по дѣламъ. Со мной въ вагонѣ одинъ изъ весьма немногихъ абсолютно честныхъ адвокатовъ города Баку. Разговорились.

— Есть у меня на примѣтѣ,—говоритъ онъ,—нѣкто Андрониковъ—вотъ былъ бы для васъ подходящъ. Не знаю только, пойдетъ ли онъ. Спутникъ рассказалъ мнѣ его примѣты. Грузинъ, молодой, помощникъ еще только такого-то присяжнаго повѣреннаго. Я запомнилъ. Вскорѣ по дѣламъ же ѣду въ Петербургъ и на вечеринкѣ вижу молодого человѣка, говорящаго рѣчь про «проблемы идеализма» и въ философскомъ лексиконѣ копающагося, какъ въ своемъ карманѣ. Оказывается, Андрониковъ. Я знакомлюсь.

— Пойдете къ намъ въ юрисконсульты?

— Не знаю. Поѣду на Кавказъ, заѣду къ вамъ.

Заѣзжаетъ и ставитъ условіемъ: частной практики не имѣть, за исключеніемъ права веденія каждый разъ съ разрѣшенія управы частныхъ уголовныхъ защитъ въ дѣлахъ, имѣющихъ общественное значеніе.

Что могло быть симпатичнѣе этого желанія? Условія Авдро-

никова были приняты управой, и онъ поступилъ. Вскорѣ онъ сдѣлался всеобщимъ любимцемъ. Во всѣхъ мною приглашенныхъ старались найти недостатки. Искали и въ немъ... но не нашли... кромѣ развѣ одного—столь обычныхъ въ нашихъ интеллигентахъ обидчивости и подозрительности.

VII.

Я уже говорилъ, что самое больное наше мѣсто была бухгалтерія. Если въ каждомъ маленькомъ хозяйствѣ нельзя обойтись безъ правильной записи, то подавно нужна хорошая бухгалтерія такому громадному хозяйству, какъ городъ съ двухмилліоннымъ бюджетомъ. Дѣло же стояло такъ: требуется справка о состояніи счета. Если обратиться къ отдѣленію, вѣдающему этой отраслю хозяйства, то получалась одна справка, если въ бухгалтерію, то справка выходила иной. Однимъ словомъ, вѣрить въ счетную часть было невозможно.

Еще хуже было дѣло съ заказами. Каждый заказывалъ, что хотѣлъ, а затѣмъ волей-неволей приходилось платить. Заказывали члены управы, техники, учителя, дѣлопроизводители, экзекutory, однимъ словомъ кто хотѣлъ и что считалъ нужнымъ.

Можно ли было говорить о перерасходахъ при такихъ порядкахъ? Вѣдь надо осторожно заказы дѣлать, а платить-то по нимъ вѣдь не миновать. Не отъ этого ли и произошло нежеланіе думы платить по счетамъ иначе какъ по суду?

Продолжаю: вещь куплена, или матеріаль купленъ: ни инвентаря нѣтъ, ни матеріальной книги, куда бы этотъ матеріаль или вещь записаны были. Осталось что-либо—хорошо, не хватало—покупали тѣмъ же порядкомъ еще.

Ни дать ни взять какъ у Коробочки. Но Коробочка сама доглядывала за всѣмъ, а тутъ кому было смотрѣть?

При такомъ положеніи, въ какомъ была бухгалтерія и матеріальная часть—надо просто поражаться, какъ мало было крупныхъ злоупотребленій. Все-таки много значить самая возмож-

ность гласности, много значить, что дѣло общественное, касающееся всѣхъ и доступное многимъ любопытнымъ и заинтересованнымъ наблюдателямъ. Общественное дѣло—живо само по себѣ, какъ мертво само по себѣ всякое дѣло, контролю общества недоступное.

Продолжать такое отсутствіе счетной и матеріальной части было, очевидно, нельзя.

Я доложилъ объ этомъ думѣ. Сначала сдѣлана была попытка нѣсколькими гласными пустить въ это дѣло бакинскихъ бухгалтеровъ. Люди, знающіе и заслуживающіе довѣрія, мнѣ говорили, что хотя оклады нефтяныхъ бухгалтеровъ и высоки, но они-то далеко не на высотѣ положенія и окладовъ. Поэтому я горячо протестовалъ противъ навязыванія управѣ кого бы то ни было и требовалъ единовременнаго ассигнованія на реорганизацію бухгалтеріи. Это ассигнованіе было сдѣлано. Оставалось приступить къ дѣлу.

Разъ ко мнѣ приходитъ человѣкъ, которому я довѣрялъ.

— Александръ Ивановичъ, вы ищете человѣка, который реорганизовалъ бы бухгалтерію?

— Да, да не легко такого найти. Нуженъ любитель; а то такого возьмешь, что не дай Богъ.

— Хотите, я вамъ рекомендую человѣка?

— Конечно, хочу.

— Есть въ Тифлисѣ, служить на желѣзной дорогѣ, крупное жалованіе получаетъ, Маркъ Андреевичъ Натансонъ, человѣкъ идеальной чистоты и геніальный бухгалтеръ. Не знаю, пойдеть ли. Онъ извѣстенъ хорошо въ своемъ министерствѣ.

Немедленно летѣла отъ меня телеграмма въ министерство путей сообщенія одному изъ крупныхъ чиновъ: «правда ли, что Натансонъ геніальный бухгалтеръ?» Отвѣтъ получился: «Натансонъ необыкновенно талантливый бухгалтеръ».

Этотъ обмѣнъ телеграммъ какъ и всякихъ другихъ попалъ въ газеты. Поднятое въ думѣ однимъ гласнымъ слово «геній» пошло гулять, употреблялось кстати и некстати и послужило матеріаломъ для остроумія легкихъ фельетонистовъ. Новиковъ

собираетъ «геніевъ». Собаки бѣгаютъ по городу—надо бы, чтобы Новиковъ выписалъ генія-собаколова и т. д.

Вскорѣ лексиконъ нашъ еще обогатился. Говорили о какой-то реорганизаціи въ думѣ (кажется земельного дѣла). Одинъ гласный и скажи:

— Ну хорошо, Александръ Ивановичъ, положимъ вы найдете такого земельного бога... И пошло и пошло... Новиковъ, молъ, собираетъ боговъ. Образуется Олимпъ...

Какъ удалось намъ имѣть Марка Андреевича въ числѣ своихъ—я не знаю. Признаюсь, я не ожидалъ, что онъ согласится, и побудительныхъ причинъ его согласія я до сихъ поръ не знаю.

Словомъ, Натансонъ согласился и взялся за реорганизацію бакинской бухгалтеріи. Должность была временная. Въ 4—5 мѣсяцевъ онъ сдѣлалъ такую работу, какой никто другой представить бы не могъ. Онъ раскрылъ главные недостатки бухгалтеріи и сказалъ, какъ надо поставить дѣло. Онъ взялъ счета капиталовъ со времени ихъ образованія и выяснилъ какъ эти капиталы образовались и расходовались.

Главный, запасный капиталъ тратился у насъ, какъ придется. Когда не знали, куда отнести расходъ, относили его подъ какимъ-нибудь предлогомъ на запасный капиталъ. Не было правильной отчетности и по благотворительнымъ капиталамъ. Онъ создалъ эти отчеты по разбросаннымъ даннымъ бухгалтеріи. Кромѣ того, онъ взялъ главные счета расходовъ и тоже привелъ ихъ въ порядокъ.

Всѣ знали, что строится городской домъ, знали и то, сколько на него ассигновано, но сколько по извѣстный день израсходовано, вышли ли мы изъ смѣты или предвидится остатокъ—на это отвѣтъ мы получить не могли иной, какъ выдуманный въ отдѣленіи. То же можно сказать о замощеніи города, о другихъ постройкахъ.

Все это разъяснилъ Натансонъ и составилъ докладъ для думы съ указаніемъ, какъ распредѣлить работу между служащими и какіе завести штаты бухгалтеріи. Докладъ былъ составленъ ма.

стерски. Обыкновенно всѣ такія реорганизаціи проходили черезъ многочисленныя комиссіи и доходили до думы по нѣскольку разъ, прежде чѣмъ получали ея одобреніе.

Ничего подобнаго съ натансоновскими докладами не случилось. Разосланный гласнымъ заранѣе, наканунѣ разсмотрѣнный и одобренный организаціонной комиссіей, онъ былъ единогласно принять думой, такъ онъ былъ сильно и убѣдительно составленъ. Гласные заявляли, что такихъ докладовъ имъ получать еще не приходилось. Авторитетъ Марка Андреевича былъ признанъ безусловно всѣми. Враги наши умалчивали про него, но ни одинъ не посмѣлъ сказать, что Натансонъ не на высотѣ положенія. Онъ же былъ приглашенъ мѣсяцевъ на шесть послѣ этого ввести новую организацію въ жизнь. Объ этомъ мнѣ еще придется говорить.

Теперь же не могу не остановиться нѣсколько дольше на фигурѣ Марка Андреевича: это былъ человекъ несомнѣнно большой величины и съ громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ на окружающихъ. И вотъ, когда набралось у насъ много третьяго элемента (въ специфическомъ, мною принятомъ значеніи этого слова) центральной фигурой явился онъ, а не я.

Отдавая всякому по его заслугамъ, я тѣмъ не менѣе не могъ себя не считать инициаторомъ культурной работы, которая началась въ нашей управѣ. Пускай про меня говорятъ, что хотятъ, но деспотомъ я никогда не былъ. Я любилъ, и желалъ, и настаивалъ на томъ, чтобы мое мнѣніе было принято, но давалъ имѣть мнѣніе всякому. Но о моемъ деспотизмѣ послѣ...

Я всегда любилъ совѣтоваться съ людьми, близкими мнѣ по общественнымъ идеаламъ. И когда въ Баку собралась близкая мнѣ по душѣ компанія, я ни одного дѣла, ни одного назначенія не производилъ, не посовѣтовавшись съ своими сослуживцами. И вотъ мнѣ часто приходилось слышать фразу: какъ скажетъ Маркъ Андреевичъ? подождемте Натансона. Мое мнѣніе всегда должно было уступать мнѣнію Натансона. Естественно возникло съ моей стороны чувство зависти. Думаю, что только нравствен-

ное превосходство другого человѣка можетъ считаться достаточнымъ поводомъ для зависти.

Какъ ни борешься съ чувствомъ, иногда оно всплываетъ наружу. И какъ ни стыдно въ этомъ признаться, долженъ сказать, что нѣсколько разъ—особенно памятенъ одинъ случай—просыпался во мнѣ не то старый баринъ, котораго я считалъ такъ хорошо похороненнымъ, не то чинъ такого-то класса, что уже вовсе недѣло. Когда окончивъ свою работу черезъ силу, онъ, больной, уѣхалъ за границу, мнѣ казалось, что уѣзжаетъ очень дорогой для меня человѣкъ. Тѣмъ не менѣе не могу не констатировать чувства зависти, которое заставило меня оскорбить этого человѣка. Правда, нѣкоторые слишкомъ горячіе поклонники Марка Андреевича поторопились мнѣ за него жестоко отомстить и тѣмъ и уменьшили чувство раскаянія и оттянули минуту примиренія. Привожу этотъ случай, ибо считаю, что лишь не утаивая своихъ грѣховъ, получаю право разоблачать чужіе.

Какъ я ни старался сблизиться съ третьимъ элементомъ, это не такъ-то легко мнѣ давалось. Трудно отдѣлаться отъ подозрѣнія интеллигента, что молъ это напускное и что какъ-никакъ, а живъ въ тебѣ земскій начальникъ. Въ мелочахъ, въ иномъ словѣ или взглядѣ я это подозрѣніе замѣчалъ въ людяхъ, которыхъ считалъ себѣ очень близкими.

Маркъ Андреевичъ, не занимая въ управѣ штатнаго мѣста, рекомендовалъ на должности бухгалтера и его помощника двухъ своихъ знакомыхъ, которые вскорѣ пріобрѣли всеобщее уваженіе. Гуковскій и Годлевскій оба были чистѣйшими представителями третьяго элемента и ни въ какіе компромиссы съ своей совѣстью никогда не входили. Съ ихъ помощью дѣло реорганизаціи бухгалтеріи было доведено до конца.

Говоря, что дѣло доведено до конца, я выразился невѣрно. Считать деньги, а не считать матеріаловъ показалось бы недѣльнымъ самому глупому помѣщику. Я уже сказалъ, что у насъ не было ни инвентаря, ни счета матеріаловъ. Я это завелъ въ маленькомъ размѣрѣ для школьнаго хозяйства и затѣмъ дѣятельность этого матеріальнаго склада хотѣлъ распространить и на

другія отрасли городского хозяйства, но увы, я встрѣтился съ непреодолимымъ сопротивленіемъ думы. Два раза я вносилъ этотъ проектъ, и оба раза онъ проваливался. Охотно вѣрю, что докладъ былъ мало убѣдителенъ. Вѣрю, что если бы я не торопился съ этимъ дѣломъ, и оно было предложено Натансономъ вмѣстѣ и параллельно съ реорганизаціей бухгалтеріи—оно бы прошло. Но этого не было.

Мы продолжали вести счетъ деньгамъ, а матеріаламъ нѣтъ; продолжали заказывать кто хотѣлъ и что хотѣлъ, не свѣряясь со средствами; продолжали хозяйничать, какъ не хозяйничаетъ ни одинъ помѣщикъ русскій, не считая матеріаловъ, а записывая лишь деньги.

Маркъ Андреевичъ сказалъ, что бухгалтерія безъ матеріальной части вышла однобокая; никому въ голову не придетъ ни меня, ни его сдѣлать за это нравственно отвѣтственнымъ.

VIII.

Къ числу новиковскихъ боговъ относили еще одного изъ главныхъ служащихъ, мною приглашенныхъ, г. Караваева. Подъ конецъ моего пребыванія въ Баку онъ самъ отказался отъ этого титула, и я всячески старался, чтобы наши имена не смѣшивались, хотя, конечно, вся отвѣтственность приглашенія его лежитъ на мнѣ.

Дѣло было въ самомъ началѣ моей службы по возвращеніи изъ отпуска. Мнѣ сказали, что предстоитъ двое выборовъ: заступающаго голову (изъ числа членовъ управы) и секретаря думы. Срокъ ихъ службы окончился уже нѣсколько времени назадъ, но выборы были отложены до новаго головы, такъ какъ головѣ говорили, имѣть съ ними дѣло. Такое вниманіе мнѣ сначала очень понравилось, но послѣ показалось мнѣ какой-то комедіей. Дѣйствительно: заступающій кто бы ни былъ изъ членовъ управы, почти безразлично. А секретаря мнѣ все равно дума навязала потомъ, не посоветовавшись. Еще смѣшнѣе покажется эта любезность думы, если сопоставить ее съ тѣмъ, напримѣръ, что вы

боры въ члены управы были обезпечены г. Македонскому. Въдъ членъ управы—ближайшій сослуживецъ головы. Казалось, слѣдовало бы съ головой посовѣтоваться.

Какъ-никакъ предстояли выборы. Чтобы покончить съ заступающимъ, скажемъ, что двухъ мнѣній не было. М. А. Бѣлявскій, давно служащій городу, былъ единственно возможный кандидатъ. Онъ и былъ выбранъ. Съ секретаремъ дѣло было гораздо труднѣе.

Мѣсто это уже четыре года занималъ присяжный повѣренный Г. изъ магометанъ. Онъ былъ не на высотѣ положенія. Гласные жаловались, что отчеты думскихъ засѣданій составлялись плохо. Докладывать же дѣла онъ тоже врядъ ли бы могъ. Всѣ дѣла я первый годъ докладывалъ самъ, хотя это не совсѣмъ выгодно. Всѣ стрѣлы направлялись на меня и мнѣ приходилось отвѣчать за всѣ промахи моихъ коллегъ. Подъ конецъ мнѣ это надоѣло и я просилъ ихъ докладывать самимъ.

Г. Г. приходилось замѣнить. Тутъ же магометане,—а они несомнѣнно имѣли въ думѣ перевѣсъ,—заявили, что г. Г. нельзя оставить безъ дѣла, и что его выберутъ опять. Для меня это было очень досадно. Свѣжихъ людей я тогда не имѣлъ и только ждалъ пріѣзда Тотоміанца.

Сию я разъ въ своемъ управскомъ кабинетѣ. Вдругъ мнѣ подають карточку: «В. Ф. Караваевъ, служащій комп. Надежда». Переговорилъ съ нимъ. Оказался бывший секретарь статистическаго отдѣла Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Я зналъ, что общество «Надежда» охотно приглашаетъ къ себѣ на службу людей интеллигентныхъ. Сильно подкупила меня прежняя дѣятельность г. Караваева въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Я ему предложилъ баллотироваться въ секретари думы. Онъ согласился.

Тогда мнѣ пришла въ голову комбинація, въ которой мнѣ послѣ долго приходилось раскаиваться. Надо было для г. Караваева освободить мѣсто секретаря, но оставить г. Г. безъ мѣста не согласилась дума. Тогда мнѣ пришла несчастная мысль создать съ помощью думы синекуру для г. Г. Я придумалъ открыть

вторую вакансію помощника юрисконсульты, на которую и назначить г. Г. Жалованіе я предложилъ въ 3.000 р., т.-е. столько, сколько онъ получалъ бы секретаремъ. Въ управѣ за это предложеніе былъ одинъ членъ Сафаралиевъ. Всѣ остальные были противъ. Я рѣшилъ заставить управу согласиться со мной.

Кое-когда приходится назначать частныя засѣданія гласныхъ. Иногда это дѣлается ради сохраненія секрета, напримѣръ, при обсужденіи судебныхъ дѣлъ, — дѣлъ, гдѣ приходится торговаться; но большею частью не ради секрета сходятся, а когда надо обсудить дѣло такъ, какъ этого нельзя сдѣлать публично. Это — когда дѣло идетъ о частныхъ лицахъ, передъ выборами членовъ управы или головы, когда обсуждается, какую дать пенсію человѣку, и въ другихъ случаяхъ, когда публично говорить не всякій рѣшится. Въ такое-то частное совѣщаніе я понесъ дѣло о выборѣ секретаря. Армяне молчали, татары одобрили мой проектъ. Управа уступила, такъ какъ никогда не рѣшилась бы идти противъ думы. Синекура была создана, Г. назначенъ на вновь открытую вакансію, Караваевъ избранъ въ секретари думы. Армяне протестовали противъ синекуры, они же потомъ требовали отложить выборы секретаря, не будучи, какъ говорили они, знакомы съ моимъ кандидатомъ. Они выставили кандидатомъ своего армянина, мнѣ незнакомаго. Ничто не помогло. Я добился своего.

Отмѣчу маленькую черточку татаръ. Когда создана была синекура, они не повѣрили слову нашему, что Г. будетъ туда назначенъ, и согласились выбрать Караваева, лишь убѣдившись, что назначеніе Г. записано въ журналъ и потому не можетъ быть взято назадъ.

Это дѣло было не только глупо съ моей стороны, но и противно самой элементарной общественной этикѣ.

Я употребилъ насиліе надъ управой, именно когда она была на совершенно правильномъ пути, а я на ложномъ. Къ тому же это насиліе было тѣмъ болѣе не этично, что я ихъ заставилъ сыграть некрасивую роль, подчинившись частному собранію, когда я зналъ, что не подчиниться они не могутъ. Я вывелъ

наружу скрытую націоналистическую ровнь. Я научил думу бросить три тысячи въ годъ въ видѣ подачки протезе большинства, этой подачки не заслуживавшему... Я допустилъ компромиссъ съ своею совѣстью во имя змѣиной мудрости и дипломатической тонкости, которыми я старался въ своихъ же глазахъ прикрыть свою далеко не этичную продѣлку.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось горько раскаиваться во всей этой исторіи. Г. Караваевъ остался очень недолго секретаремъ думы. Ему это дѣло протоколиста не понравилось, и онъ вернулся въ «Надежду». Замѣненъ онъ былъ г. Везиринымъ, магометаниномъ, котораго я и въ глаза не видалъ, и о выборахъ котораго большинство не нашло нужнымъ со мной совѣтоваться, хотя прежде они же доказывали армянамъ, что нельзя не выбрать въ секретари кандидата головы.

А г. Г. остался на своей синекурѣ, и когда вступилъ въ должность Андрониковъ и доказалъ намъ, что г. Г. не на мѣстѣ, управа правильно мнѣ возразила: «назначали его черезъ частное совѣщаніе, то теперь мы его не уволимъ; обратитесь опять въ частное совѣщаніе».

И они были сто разъ правы. Дѣло кое-какъ уладилось безъ гласныхъ тѣмъ, что г. Г. самъ ушелъ, получивъ большое денежное пособіе.

Но что хуже всего,—это нравственная сторона. Я далъ сильное орудіе противъ себя. И когда я упрекалъ Д. Д. Арутюнова въ слабой этикѣ, онъ мнѣ отвѣчалъ: А Г.? Это этично было?

Приходилось прикусить языкъ.

Вспоминаю кстати слово Андроникова о частныхъ совѣщаніяхъ:

— Помните, А. И., что вонь всегда изъ частныхъ квартиръ несетя, а не изъ общественныхъ зданій.

Вѣрно, тысячу разъ вѣрно!

Черезъ мѣсяць г. Караваевъ вернулся въ «Надежду». Въ это же время метеоромъ пронесся у насъ и В. Ѳ. Тотоміанецъ, чтобы снова уйти въ литературу. Тогда я снова предложилъ г. Караваеву мѣсто секретаря управы. Онъ видимо искалъ дѣло по вкусу,

и я его прельстилъ заманчивой перспективой разработать большой городской заемъ. Онъ вернулся.

Уходъ Тотоміанца и Караваева—первыхъ новиковцевъ—заставилъ недоброжелательную мнѣ прессу заговорить о бѣгствѣ боговъ. Вотъ онъ все ищетъ боговъ, писали они, а боги-то съ нимъ служить не хотятъ.

Но г. Караваеву предстояло еще разъ перемѣнить мѣсто.

IX.

Имя его тѣсно связано съ однимъ нововведеніемъ, которому суждено было явиться въ моемъ пассивѣ самымъ больнымъ мѣстомъ, по крайней мѣрѣ, мѣстомъ, куда мнѣ моими врагами, да и тѣми, кто долженъ былъ бы быть моими друзьями, наносились самые жестокіе и внѣшне обоснованные удары. Я говорю—внѣшне обоснованные, ибо внутренней вины за собою ни одной минуты не чувствовалъ. Правда—обстоятельства иногда складываются неблагопріятно, но обвинителю, если онъ не хочетъ быть пристрастнымъ, слѣдовало бы, прежде чѣмъ обвинять, ближе познакомиться съ дѣломъ.

Въ пріѣздъ Линдлея, когда я знакомился съ дѣломъ водопровода, я слышалъ отъ него, что проектъ водоснабженія былъ бы гораздо совершеннѣе, если бы дать ему кое-какія статистическія свѣдѣнія, касающіяся распредѣленія населенія по частямъ города, согласно бюджета этого населенія, и могущія приблизительно опредѣлить потребность той или иной части города въ водѣ для различныхъ надобностей: хозяйственнаго употребленія, бань, заводовъ и т. д.

Я хотѣлъ, чтобы проектъ водоснабженія былъ по возможности совершенный и не могъ не предложить похлопотать о собраніи этихъ статистическихъ данныхъ. Въ это время я просилъ у думы 170.000 рублей на изысканія. Сто семьдесятъ тысячъ или сто восемьдесятъ совершенно все равно. Поэтому естественно было мнѣ включить въ смѣту требованій 10.000 р. на водяную перепись городского населенія.

Меня спросятъ, почему 10, а не 20, не 30, не 5 тысячъ? На это я откровенно отвѣчу, что не знаю. Эта цифра была взята болѣе или менѣе наугадъ послѣ разговора съ Линдлеемъ. Обратиться къ кому-либо за совѣтомъ въ управѣ нечего было и думать. Многіе у насъ не видѣли ясно разницу между статистикомъ и статистомъ. Статистами, по крайней мѣрѣ, называли статистиковъ люди съ высшимъ образованіемъ, когда вопросъ о значеніи статистики могъ быть изученъ практически хоть бы изъ управскихъ разговоровъ.

Да, наконецъ, эти 10,000 рублей на водяную перепись населенія спрашивали въ числѣ 180,000 р. изъ запаснаго капитала. Можно было надѣяться въ предѣлахъ этой суммы справиться съ дѣломъ.

Каждая минута была дорога. Помощниковъ не было. Было не до детальныхъ смѣтъ.

При составленіи смѣты на 1904 годъ естественно мнѣ было предложить завести статистическое бюро. Безъ статистики крупнаго хозяйства быть не можетъ. Прежде чѣмъ работать для населенія, надо его знать. Составленіе смѣты на постоянное статистическое бюро при управѣ я поручилъ г. Караваеву. Онъ ее составилъ въ десять тысячъ. Дума приняла эту смѣту, послѣ преній не особенно продолжительныхъ, съ оговоркой, мною же предложенной. На первый годъ текущая статистика заведена не будетъ, а назначенныя 10 тысячъ съ 10-ю тысячами, назначенными для водяной переписи, нужной Линдлею, пойдутъ на производство въ Баку однодневной переписи. Долженъ заявить, что нѣкоторые гласные въ думѣ предупреждали, что двадцати тысячъ мало на такое дѣло. Подробной смѣты мы не представляли думѣ, да врядъ ли она была возможна. Единственнымъ же моимъ основаніемъ для доклада были цифры, полученныя отъ Караваева. Цифры эти обозначали расходъ на человѣка по переписи. Въ Москвѣ, Петербургѣ этотъ расходъ былъ въ 4—5 копеекъ; въ Одессѣ, кажется, 8 коп. Принимая, что въ Баку условія культурности менѣе благопріятны, перепись можетъ быть подороже: но двадцати тысячъ (что на 150-тысячное

населеніе составить 13 коп. на жителя) во всякомъ случаѣ до-вольно.

Приведу слова остроумнаго гласнаго Гаджіева. Говоря о статистикѣ, я на требованія гласныхъ дать болѣе подробную смѣту отвѣтилъ, что вѣдь у насъ спеціалистъ высказался, шутка ли сказать, секретарь статистичекаго отдѣла Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Вѣдь сравненіе съ другими городами показываетъ вамъ основанія расчета. Онъ спеціалистъ—ему и книги въ руки. Это все равно, что вы позовете музыканта и прежде, чѣмъ дать ему играть, потребуете, чтобы онъ вамъ далъ разсмотрѣть фортепіано, какъ оно устроено, да объяснилъ бы какъ на немъ надо играть.

— Хорошо, Александръ Ивановичъ,—возразилъ г. Гаджіевъ,—положимъ, мы вамъ купимъ фортепіано. А ну какъ вы на немъ сыграть не сумѣете?

Вышло почти что такъ. Я, впрочемъ, за музыканта-статистика себя и не выдавалъ. Но могъ ли я не считать за такового г. Караваева?

Получивъ 20.000 на перепись, началъ я искать статистика. Задача нелегкая. Изъ знаменитостей, которыхъ я зналъ, въ родѣ Пѣшехонова, Блеклова, не говоря уже про Анненскаго, никто не пошелъ. Просилъ рекомендаціи Анненскаго. Послѣ долгихъ переговоровъ и переписки, мы остановились на В. Ф. Арнольдѣ, бывшемъ завѣдующемъ въ харьковскомъ земствѣ и оставившемъ тамъ память какъ о прекрасномъ статистикѣ и идеальномъ человѣкѣ. Въ качествѣ ближайшихъ сотрудниковъ онъ принялъ трехъ дѣвицъ и одного молодого человѣка. Появленіе Арнольда на нашемъ горизонтѣ было свѣтлымъ лучемъ нашей тусклой еще картины.

Но увы! и мѣсяца не пришлось ему съ нами пробыть. Онъ только-что выработалъ инструкцію для переписи, притомъ въ оригинальной и по моему удобной формѣ словаря, какъ заболѣлъ и при томъ настолько серьезно, что никакой надежды на продолженіе имъ работы не могло остаться.

Опять приходилось искать замѣстителя. Не естественно ли

было обратить взоры на В. Ф. Караваева? Свою любовь къ статистикѣ онъ давно выказывалъ и, видимо, былъ обиженъ, что и первый разъ обратились не къ нему. Обратился для очищенія совѣсти къ Анненскому. Анненскій отвѣтилъ, что г. Караваевъ хорошій статистикъ. Этого отзыва, можетъ быть, и недостаточно для порученія человѣку такого огромнаго дѣла, какъ перепись, но зато отзывъ В. И. Покровскаго, къ которому я обратился по указанію самого Караваева, былъ восторженный, какъ о статистикѣ, такъ и человѣкѣ.

Словомъ, мы перепись поручили Караваеву. Управа въ статистику не вмѣшивалась. Спѣшу это оговорить, чтобы подчеркнуть мою отвѣтственность во всемъ этомъ дѣлѣ.

Если не техника статистики, то, по крайней мѣрѣ, отношенія управы къ завѣдывающимъ бюро и къ бюро мнѣ близко извѣстны по земствамъ. Я съ интересомъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось. Вѣдиль съ г. Караваевымъ въ Тифлисъ въ засѣданіе Кавказскаго статистическаго комитета, черезъ разсмотрѣніе котораго проходили наши проекты. По одобреніи программы и инструкціи, кстати очень сложныхъ и подробныхъ, бюро приступило къ предварительнымъ работамъ на мѣстахъ и составленію плановъ. Все шло своимъ чередомъ.

Доходили, впрочемъ, до меня слухи, что внутри бюро неладно. Прежде всего бюро не было, а былъ г. Караваевъ. Весь составъ, кромѣ пяти человѣкъ, приглашенныхъ Арнольдомъ, былъ приглашенъ (составъ многочисленный) единолично г. Караваевымъ. Ну это еще ничего. Далѣе слышу, что нѣкоторыхъ статистиковъ г. Караваевъ не долюбливаетъ, и вотъ, просматривая одинъ изъ счетовъ, я замѣчаю, что высшіе оклады онъ даетъ своимъ, а арнольдовскимъ уменьшаетъ оклады, предлагаетъ штатными сдѣлать новыхъ, а старыхъ сверхштатными. Дальше-больше, г. Кобецкій (арнольдовскій статистикъ) говоритъ, что служить невозможно... Приходится вмѣшаться въ дѣло.

Трудно разгадать чужую душу. Просто ли это было нападеніе на арнольдовскихъ или что другое скрывалось подъ этимъ? Замѣтна была ненависть къ женскому труду. Г. Караваевъ, на-

падая на женщинъ, приглашенныхъ Арнольдомъ, самъ ни одной не пригласилъ. Впрочемъ, двухъ временныхъ онъ приглашалъ съ жалованіемъ—стыдно сказать—въ 20 рублей, т.-е. двухъ женщинъ на должность одного писца. Могъ ли я, проповѣдующій равноправность половъ, считающій женскій трудъ болѣе добросовѣстнымъ, могъ ли я не возмущаться?

Замѣтенъ былъ—какъ будто—антисемитизмъ, ибо дѣвицы и г. Кобецкій, объекты его нападенія, были евреи. А объ этомъ я и мыслить не могу безъ омерзѣнія.

Наконецъ, это, можетъ быть, и догадки и несчастныя совпаденія. Но что не совпаденіе—это слово, сказанное г. Караваемъ про одного юношу, переставшаго быть студентомъ не по плохому ученю, не по позорящимъ дѣяніямъ, а по весьма часто нынѣ повторяющимся, неблагоприятно для него сложившимся обстоятельствамъ. Слово это—«какой-то выгнанный студентъ». Это презрѣніе къ выгнанному студенту характеризуетъ человѣка. Для меня этого было и теперь остается достаточнымъ.

Въ это время пришло извѣстіе, что центральный петербургскій статистическій комитетъ нашелъ программу неудобной и ее въ такомъ видѣ не утвердилъ. Это растягивало дѣло. Мы перепись хотѣли сдѣлать въ апрѣлѣ на Пасхѣ. Лѣтомъ ее произвести было невозможно, приходилось отложить до осени.

А какъ быть со служащими бюро? Распустить?—нельзя, они были приняты на срокъ. Оставить?—будетъ перерасходъ. Бюро волновалось. Сомнѣніе въ этихъ случаяхъ хуже всего. Многіе боялись быть выброшенными на улицу, потому что за спиной ихъ были семьи.

Прежде всего надо было рѣшить вопросъ лицъ. Я пригласилъ всѣхъ статистиковъ на частное засѣданіе, и мы разобрали права каждаго. Очевидно, кто на какой срокъ былъ приглашенъ, Арнольдомъ или Караваемъ, долженъ былъ этотъ срокъ остаться. Сдѣлали списки и постановили этихъ списковъ держаться. Г-ну Караваяву это, конечно, было не по душѣ. Сплавить ненавистныхъ ему арнольдовцевъ не удалось. Чтобы сдѣлать наше совѣща-

ніе авторитетнѣе, я пригласилъ изъ нашихъ знакомыхъ сослуживцевъ трехъ прежде работавшихъ по статистикѣ.

Это были гг. Натансонъ, Гуковскій и Ростковскій. Ихъ авторитетъ мнѣ былъ очень нуженъ. Тутъ же постановили пригласить въ Баку, если можно, Н. Ф. Анненскаго, если вѣтъ—то А. В. Пѣшехонова рѣшить вопросы: 1) какъ организовать перепись, 2) составить смѣту, 3) выработать внутреннюю организацію бюро.

Г. Кобецкій—натура чуткая—не выдержалъ до пріѣзда Пѣшехонова и уѣхалъ, находя службу съ г. Караваевымъ невозможною.

Такъ какъ Н. Ф. Анненскій отказался, то пріѣхалъ А. В. Пѣшехоновъ и исполнилъ возложенную на него задачу. Онъ составилъ длинную записку, гдѣ изложилъ основанія переписи. Затѣмъ составилъ смѣту, при чемъ перерасходъ вышелъ въ 4.000 рублей. Тутъ я, пожалуй, неправъ. Мнѣ слѣдовало объ этомъ перерасходѣ доложить управѣ официально. Неофициально управа про дрязги статистическаго бюро знала,—А. В. Пѣшехоновъ докладывалъ управѣ всѣ свои замѣчанія; говорилось, конечно, и о маленькомъ перерасходѣ. Нельзя же въ двадцатитысячномъ дѣлѣ считать четырехтысячный перерасходъ большимъ.

Коллегіальность г. Пѣшехоновъ призналъ необходимымъ условіемъ статистическаго бюро, но раздѣлилъ вопросы общаго характера, доступные всѣмъ служащимъ, и вопросы спеціальные, доступные лишь знатокамъ. Такихъ знатоковъ у насъ не было. Поэтому онъ предложилъ въ помощь г. Караваеву пригласить двухъ лицъ: г. Калышковича, бывшего уже въ Баку, и г. Д. изъ Астрахани. Онъ ихъ рекомендовалъ, какъ знающихъ и талантливыхъ статистиковъ. Первый былъ немедленно приглашенъ и поступилъ на службу, второй не могъ пріѣхать раньше іюня.

Г. Караваевъ на всѣхъ собраніяхъ соглашался со всѣми мѣрами, которыя шли въ разрѣзъ съ его предложеніями. Болѣе того, онъ соглашался и съ тѣмъ, что предлагалось для обузданія его единовластія.

И мудрено было ему иначе дѣйствовать. Авторитетность его

падала въ глазахъ знающихъ лицъ, и какъ спеціалиста, и какъ организатора. Заявляю, что, несмотря на всю легкость его денежной отчетности, я за все время не могъ получить счета, мало-мальски ясно составленнаго и безъ ошибокъ. Я поставилъ вопросъ прямо г. Пѣшехову: можно ли оставить завѣдующимъ г. Караваева и не лучше ли, пока дѣло далеко еще до переписи, пригласить новаго завѣдывающаго. Г. Пѣшеховъ отвѣтилъ, что разъ предварительный учетъ населенія сдѣланъ, разъ весьма своеобразныя условія города Баку изучены г. Караваевымъ, всякая перемѣна теперь можетъ быть гибельна.

Вотъ почему остался на перепись г. Караваевъ. Послѣ я изложу мой провалъ въ думѣ съ этимъ дѣломъ громадной важности.

Х.

Кромѣ общаго руководства дѣлами, которое на мнѣ лежало, какъ на головѣ, и кромѣ проведенія въ жизнь новыхъ началъ и реорганизацій, которыми я хотѣлъ поднять городское дѣло, на мнѣ лежали обязанности какъ на членѣ управы. Самое крупное изъ нихъ было дѣло о водоснабженіи. Крупнымъ оно было, какъ по тому состоянію неподвижности, въ которомъ оно пребывало до меня, и по той важности, какую оно имѣло для города, такъ и по массѣ потребованной имъ энергіи и труда.

Дѣлилась эта работа на двѣ части: изысканія будущаго большаго водоснабженія и удовлетвореніе временной нужды города въ водѣ. Первые вызвали страшную борьбу въ думѣ, второе требовало больше мелкой работы, хотя тоже подъ конецъ вызвало столкновеніе самое дикое съ гласнымъ Агаевымъ и ревизіонной комиссіей,—столкновеніе, къ сожалѣнію, не доведенное до конца.

Идея Линдлея весьма проста. Вы, говоритъ онъ думѣ, хотите рѣчной воды изъ Куры или изъ Самура. Ту и другую надо фильтровать и поднимать. Но если взять родниковую воду съ высотъ Шахъ-дага—вы получите воду абсолютно чистую и самотекомъ. Цѣна ведра такой воды будетъ приблизительно вдвое дешевле.

Фильтрованная и проведенная въ городъ Самурская вода будетъ стоить 20 копеекъ сто ведеръ, а вода подпочвенная съ Гильскихъ высотъ—10 копеекъ сто ведеръ. Дальше, говоритъ Линдлей, несмотря на мое убѣжденіе, что Гильская вода найдется, и что ея достаточно, вообразите, что Гильской воды почему-либо не будетъ. Ну потеряетъ городъ 100—150 тысячъ на изысканіе; вѣдь это капля въ морѣ 10—20 миллионѣвъ, которые будетъ стоить проведение воды откуда бы то ни было. Въ этомъ случаѣ—возможность ненахожденія Гильской воды Линдлей отрицаетъ—возьмите воду опять же не рѣчную, а родниковую—того же Шахъ-дага, выходящую на поверхность недалеко отъ береговъ моря и образующую источникъ Шолларъ и другіе. Вѣдь какая разница между Самуромъ и Шолларомъ? Самуръ течетъ съ Шахъ-дагскихъ высотъ по земной поверхности. Шолларъ это та же рѣка, текущая съ Шахъ-дага, но самимъ Богомъ профильтрованная черезъ неистощимый двадцативерстный подземный фильтръ.

Такъ если не удастся каптировать воду подпочвенную наверху, возьмите ее внизу. Ее нужно будетъ поднимать, но не фильтровать. Она будетъ стоить дороже Гильской, но дешевле Самурской воды: не 10 и не 20 копеекъ, а 15. Къ тому же Шолларъ по дорогѣ между Самуромъ и Баку, и изысканія, дополнительныя изъ него, будутъ стоить пустяки.

На всѣ эти убѣдительные, ясные, какъ дважды два—четыре, доводы отвѣтъ былъ одинъ: ничего не хотимъ, кромѣ Куры и Самура.

Такъ стояло дѣло, когда я пріѣхалъ, и пріѣхалъ Линдлей. Убѣдившись, гдѣ правда, я поставилъ вопросъ ребромъ. Нужно, не теряя времени, приступить къ Шолларскимъ и Гильскимъ изысканіямъ. Сдѣлали смѣту на изысканія: 125 тысячъ на изысканія Гильской подпочвенной воды, 15 тысячъ на изысканія Шолларской родниковой воды, 10 тысячъ, о которыхъ я уже говорилъ, на перепись, и 30 тысячъ на окончаніе самурскихъ и куринскихъ изысканій. Всего 180 тысячъ.

Чтобы никто не могъ упрекнуть насъ, что мы скомкали дѣло, я объявляю поѣздку въ мѣстности Шоллара и Гиля... Печатаю

воззваніе въ газетахъ, гдѣ приглашаю гласныхъ, прессу, наконецъ обывателей съѣздить съ нами, посмотрѣть, убѣдиться, что тамъ есть вода и притомъ хорошая. Убѣжденъ былъ, что многіе откликнутся, и въ своей наивности (маниловщина еще продолжалась) думалъ, что лошадей не хватить на станціи, а то и того гляди мѣста въ вагонахъ.

Увы! Я, Линдлей, 3—4 инженера по обязанности службы, два члена управы, два гласныхъ, репортеръ «Бакинскихъ Извѣстій» — вотъ и все. Хватило лошадей, хватило и мѣста въ вагонахъ. Таковъ-то интересъ къ водѣ у господъ бакинцевъ? Меня это очень огорчило. Такова-то сила общественности? Обидно даже было, лично обидно. Вѣдь писалъ воззваніе!

Видѣлъ Шолларскіе источники, которые образуютъ цѣлую рѣку, пилъ эту прекрасную воду, понялъ, что она могучимъ подземнымъ теченіемъ идетъ съ высотъ Шахъ-дага. Я почувствовалъ съ Линдлеемъ подземную воду Гильскихъ высотъ. Не знаю, какое впечатлѣніе выносили мои немногочисленные спутники, но я былъ побѣжденъ могучимъ умомъ англичанина.

Назначаю 20 августа экстренное засѣданіе думы. Собираемъ гласныхъ по дачамъ. Вопросъ жизненный. Время не терпитъ.

Наконецъ 19-го созываю засѣданіе водопроводной комиссіи. Гласныхъ много. Рядомъ со мной Линдлей, говорящій по-английски и по-французски. Я переводчикомъ. Противъ новыхъ изысканій трое: Гасанъ-бекъ Меликовъ, бывший голова Ирецкій и гласный нефтепромышленникъ Бенкендорфъ. Споры горячіе, доводы противниковъ, людей все культурныхъ, слабые. Выдѣляется крупная фигура малограмотнаго Тагіева, убѣжденнаго линдлеевца. Послѣ долгихъ споровъ, противники не уступаютъ. Линдлей горячо стоитъ за свое.

— Если бы я былъ Линдлеемъ,—говоритъ Тагіевъ,—я бы давно бросилъ Баку. Сами не хотятъ себѣ добра. Удивляюсь въ его настойчивости въ чужомъ дѣлѣ.

— А вы не знаете,—горячо возражаетъ Линдлей,—английскихъ бульдоговъ? Я англійскій бульдогъ. Когда онъ вцѣпится во что зубами, такъ рѣжь его, а онъ не выпуститъ схваченнаго изъ

зубовъ. Такъ и я взялся за Баку. И сказалъ: дамъ Баку воды и лучшей воды. Я не вамъ служу, не для васъ работаю, а хочу дать воды бѣднымъ бакинцамъ. И гг. Бенкендорфы не заставятъ меня бросить это дѣло, пока я его не доведу до конца. Они не сумѣютъ его погубить.

Чудная фигура англичанина, горячо защищавшаго Баку отъ бакинцевъ, меня поражала. Рѣдко мы видимъ въ Россіи такія картины. Я улыбался, говорятъ, и одобрительно покачивалъ головой.

Дорого мнѣ обошлась эта улыбка и знаки одобренія.

Г. Бенкендорфъ обидѣлся, заявилъ протестъ, что г. Линдлей его оскорбляетъ (гласнаго!), а что предсѣдатель, чѣмъ остановить его, улыбается и киваетъ головой.

На мой отвѣтъ, что никакого оскорбленія со стороны Линдлея, а тѣмъ болѣе моей не было, г. Бенкендорфъ вышелъ изъ комнаты.

Большинство комиссіи присоединилось ко мнѣ. А 20-го былъ данъ генеральный бой въ думѣ. Главными оппонентами были все тѣ же Гасанъ-бекъ Меликовъ, Ирецкій, Бенкендорфъ. Чего-чего они ни сказали, какими цвѣтами краснорѣчія ни украшали свою рѣчь? Вода нѣсколько жесткая дѣлалась никуда негодной для питья по своей жесткости, лихорадка называлась непременно желтой (на Кавказѣ); старались затемнить и такъ мало понимающихъ гласныхъ жупелами изъ геологіи и бактеріологіи.

Я отгрызался какъ могъ, разоблачалъ передержки, Линдлей произнесъ по-французски рѣчь, которую я перевелъ. Тагеевъ ради пользы города убѣждалъ гласныхъ согласиться, говорилъ по-татарски сильно, убѣжденно...

Наша взяла. Эта побѣда была для меня весьма отрадной. Я чувствовалъ, что двинулъ громадный водяной вопросъ на правильный путь. Я сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать 30 лѣтъ. Это былъ одинъ изъ счастливейшихъ вечеровъ моей жизни.

На другой день въ «Каспіи» была статья о походѣ городского головы противъ водопровода. Чего, чего ни предѣляли гг. «каспійцы»? Приведу два примѣра.

7-го сентября появилась слѣдующая статья въ «Каспій»: «Говорятъ, есть подземное теченіе. Пусть такъ. Оно идетъ по водонепроницаемому слою. Намъ предлагаютъ бурить. А ну какъ мы пробуриимъ этотъ водонепроницаемый слой и вода уйдетъ. Въѣдъ мы всю мѣстность лишимъ воды и Баку не хватитъ возмѣстить убытки».

Вотъ какіе остроумные доводы пускались въ ходъ! А вотъ на счетъ правдивости:

20 сентября губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе опредѣлило, что оно, вполне одобряя рѣшеніе думы по существу, не считаетъ себя вправѣ такую большую сумму расходовать изъ запаснаго капитала, а потому передаетъ дѣло главноначальствующему гражданской частью на Кавказѣ.

«Каспій» отъ 22 сентября изъ этого дѣлаетъ обратное. А именно, что губернское присутствіе опротестовало рѣшеніе думы.

Никакой ошибкой такая подтасовка фактовъ не можетъ быть объяснена!

Не буду длинно останавливаться на перипетіяхъ этого дѣла. Семь мѣсяцевъ потребовалось на полученіе разрѣшенія на изысканія. Потребовалось соглашеніе главноначальствующаго и министра земледѣлія. Я ѣздилъ въ Тифлисъ, въ Петербургъ. Наконецъ пришло разрѣшеніе, и мы приступили къ дѣлу.

Въ зиму же 1902—1903 года водопроводная комиссія оканчивала изысканія на Куру и Самуръ. Линдлею требовались новыя и новыя данныя. Противники его говорили, что надо работы прекратить, но намъ удалось, вопреки всего, не только кончить это дѣло, но и сдѣлать подъ шумокъ изысканія на Шолларъ. Не могу сказать, что я обманывалъ комиссію, но пользовался каждымъ случаемъ, чтобы подвинуть дѣло. Съ гордостью могу сказать, что изысканія на Шолларъ мы сдѣлали за счетъ Куры и Самура. Это былъ для большинства сюрпризъ.

Къ линдлеевской эпопееѣ относится пассажъ съ инженеромъ Поповичемъ (иностранецъ, приглашенный Линдлеемъ). На основаніи доноса какого-то прогнаннаго служащаго, г. Поповичъ попалъ подъ судъ за растрату городскихъ денегъ. Въ числѣ пунк-

товъ обвиненія было, на примѣръ, что онъ по счетамъ слишкомъ много ѣлъ. Конечно, мѣтили не въ него, а въ Линдлея, а онъ былъ козломъ отпущенія.

Постановила отдать его подъ судъ (конечно, до меня) водо-проводная коммиссія. Но фактическая отдача должна была быть произведена управой. Управа видимо считала это неправильнымъ и медлила. Можетъ быть, Поповичъ отдѣлался бы отъ суда, но новое напоминаніе коммиссіи заставило управу обратиться къ прокурору. Нельзя въ Баку бороться съ черной сотней, предводимой «Каспіемъ»!

Когда я пріѣхалъ, Поповичъ былъ отданъ подъ судъ, но продолжалъ служить городу и по отзыву всѣхъ его знавшихъ служилъ за двоихъ. Меня, какъ голову и какъ предсѣдателя коммиссіи, защита привлекла въ качествѣ свидѣтеля. Я показалъ въ пользу Поповича, рассказалъ суду, какъ у насъ дѣло дѣлается въ коммиссіи, въ управѣ. Поповичъ былъ оправданъ. А на меня посыпались громы «Каспія» и гласныхъ «каспійцевъ», упрекавшихъ меня чуть ли не въ измѣнѣ городскимъ интересамъ и продажѣ себя Линдлею.

Перехожу къ моей дѣятельности по постоянному водоснабженію.

У насъ былъ договоръ съ фирмой Артуръ Коппель по доставленію городу опрѣсненной воды. Договоръ подходилъ къ концу года черезъ два. Вода была неудовлетворительна. Слишкомъ тепла, не содержала газовъ, заключала въ себѣ мѣдь. Представители фирмы Коппель предлагали воду исправить, сдѣлать свѣжѣе, насытить газами, уничтожить малѣйшіе слѣды мѣди и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить производительность завода при условіи продленія срока контракта... Они уже пріѣзжали съ этимъ предложеніемъ, но ни до чего не договорились.

Между тѣмъ, городъ въ усиленіи водоснабженія нуждался очень. Сѣтъ городская была всего въ 10 верстѣ, а увеличивать ее при старомъ заводѣ нечего было и думать.

Но этого мало. Пріѣхавъ изъ отпуска, я, знакомясь съ исторіей водоснабженія Баку, узнаю, что велись переговоры о водо-

снабженіи изъ Зугульбинскаго источника, находящагося на Апшеронскомъ полуостровѣ, недалеко отъ Баку. Рѣчь шла о томъ, чтобы окончательно остановиться на Зугульбинской водѣ, какъ источникѣ водоснабженія. Отказались отъ этого проекта, потому что вода оказалась очень жесткою.

Подсказалъ ли мнѣ кто, или я самъ догадался,—не помню,—но мнѣ пришла мысль использовать этотъ источникъ для временнаго водоснабженія. Источникъ принадлежалъ гласному Амбарцуму Сергѣевичу Меликову. Я ему написалъ, съѣздивъ на мѣсто убѣдиться, что вода внѣшне хорошая. Химики мнѣ сказали, что она абсолютно стерильна (безъ бактерій и слѣдовъ органическихъ веществъ) и только очень жестка. Какъ постоянный источникъ его слѣдовало забраковать, но временно, взамѣнъ той бурды, въ высшей степени вредной, какую пьютъ бакинцы изъ колодцевъ—это былъ кладъ. Прибавимъ, что мѣстное татарское населеніе не пило опрѣсненной воды еще по религіознымъ причинамъ.

Словомъ, я началъ переговоры и съ Коппелемъ и съ Меликовымъ. Послѣ длиннаго ряда засѣданій комиссій, послѣ противо-дѣйствія тѣхъ членовъ, которые всегда были противъ меня, послѣ самаго тщательнаго разбора мельчайшихъ подробностей въ думѣ, мнѣ удалось въ разстояніи нѣсколькихъ дней заключить оба договора.

Недостатокъ этой одновременности заключался въ томъ, что въ самомъ началѣ, когда эти договоры вошли въ дѣйствіе, населеніе не потребляло минимальное количество воды, которую мы обязались брать. Весь убытокъ этотъ очевидно прекратился, какъ только сѣтъ была увеличена соотвѣтствующимъ образомъ. Это была капля въ морѣ въ сравненіи съ пользой, какую мы получили. Потребленіе возросло съ 50 тысячъ ведеръ до 80. Сѣтъ съ 10 верстъ возросла до 20. Вода стала во всѣхъ отношеніяхъ лучше.

Тѣмъ не менѣе и Зугульбинская вода была поставлена мнѣ не только въ вину, но и въ преступленіе.

XI.

Какъ бы я ни занялся водой, но школьнаго дѣла я, конечно, изъ вида упустить не могъ. Прежде всего поражало, что городъ Баку расходовалъ триста съ лишнимъ тысячъ на народное образованіе. Ему казна очень мало помогала. Гимназія всецѣло была на плечахъ города. Реальному училищу, среднему мореходному училищу городъ давалъ субсидію. Коммерческое училище содержалъ биржевой комитетъ. Женская гимназія—городская. Низшее образованіе—все городское. Казна почти не участвуетъ въ дѣлѣ образованія города Баку.

Вотъ чтò значить репутація богатства. Какъ ни заговори про деньги въ любомъ министерствѣ, всѣ тебѣ отвѣчаютъ: у васъ-то денегъ нѣтъ? въ Баку? Полноте. На Баку казна не тратится. Хотя отчасти говорящіе такъ и правы, потому что затруднительное финансовое положеніе города, главнымъ образомъ, зависитъ отъ безхозяйственности думы; но забываютъ одно, что Баку городъ молодой, что богатства въ видѣ зданій, учрежденій, капиталовъ въ старинныхъ городахъ накопились вѣками, а что Баку теперь все долженъ создавать вновь, начиная съ мостовыхъ. Какъ-никакъ казна денегъ не даетъ на бакинское народное образованіе.

Къ большей чести думы относится то, что она дѣлала школьное дѣло широко, денегъ не жалѣли. Къ общей безхозяйственности надо отнести тотъ печальный фактъ, что, несмотря на громадныя суммы, достигнутые результаты были далеко не блестящи.

Среднее образованіе было не въ рукахъ города. Городъ только давалъ субсидіи заведеніямъ. Низшее же образованіе всецѣло въ хозяйственномъ отношеніи было въ рукахъ города. И вотъ на 200.000 рублей воспитывалось 2.500 учениковъ. Въ среднемъ ученикъ стоилъ 80 рублей въ годъ. Земскій ученикъ стоитъ отъ 10 до 20 рублей.

Я быстро познакомился съ дѣломъ. Главной причиной доро-

говизны были русско-татарскія школы. Магометанъ въ городѣ больше, чѣмъ христіанъ. Поэтому думцы-мусульмане рѣшили такъ: будете тратить рубль на христіанъ—тратьте рубль на мусульманъ. Вышло такъ: на одну христіанскую школу ежегодно открывалась одна мусульманская. Это было бы превосходно. И не было человѣка, который бы болѣе желалъ образованія мусульманъ, чѣмъ я—я это доказалъ, чѣмъ могъ,—но горе-то въ томъ, что не о дѣтяхъ мусульманскихъ заботились гласные, а о томъ, чтобы на татарскія школы бросалось побольше денегъ. Ученики ломились въ христіанскія школы, татарскія были пустыя. Были классы съ учителемъ и пятью учениками. 15—20 учениковъ — норма. Предложите двѣ школы соединить въ одну: и вотъ вамъ готовое противъ васъ обвиненіе въ притѣсненіи бѣдныхъ татаръ. Нелѣпѣе этого ничего нельзя было себѣ предположить. Это первая несуразность.

Я уже говорилъ, что на все это дѣло была одна дѣлопроизводительница. Она вершила всѣ дѣла бакинскихъ школъ. Т.-е. дѣло дѣлалось самими старшими учительницами (учителя и учительницы получали по 75 рублей жалованія, а смотрительницы кромѣ того квартиры натурой). И вотъ въ каждой школѣ смотрительница дѣлала, что хотѣла, покупала, заказывала, выписывала, что ей нравилось, а управа платила. Несуразность вторая.

Квартиры въ Баку дороги и плохи. При этомъ школьныхъ зданій имѣлось городскихъ только два, а двадцать наемныхъ. Договоры неясные. Домовладѣлецъ дѣлалъ съ городомъ, что хотѣлъ. Были школы, гдѣ квартиры смотрительницъ не меньше, чѣмъ классныя помѣщенія.

Всѣ эти свѣдѣнія о роскоши, которую себѣ позволяли смотрительницы на городской счетъ (дорогіе ковры, умывальники въ 50 рублей, мебель), о безхозяйственности всего этого дѣла, о помѣщеніяхъ, о дороговизнѣ ученія—я собралъ въ одинъ докладъ, который разослалъ гласнымъ. Главнымъ образомъ напиралъ я на то, что учительскій персоналъ не на высотѣ призванія. Я привыкъ къ типу земскихъ учителей и учительницъ, забота-

щихся прежде всего о школѣ, довольныхъ, когда при школѣ конура, гдѣ они помѣщаются иногда съ семьей, жалкихъ, забытыхъ. Тутъ я нашель другой типъ учащихся, думающихъ о себѣ и своихъ удобствахъ, заносчивыхъ, заботящихся о модѣ, о цвѣтѣ обоевъ. Я говорю о типѣ, а не объ исключеніяхъ. Объ одномъ блестящемъ исключеніи я даже упомяну, конечно, его не называя. Сравните Баку и деревню, идеалы нефтяные и идеалы землепашца, примѣните мѣрку бакинскую и мѣрку черноземную къ учащему персоналу и получите ключъ къ вопросу.

Я замѣтилъ ужасное соревнованіе между учительницами, но увы! не въ томъ, чтобы лучше была поставлена школа, а въ томъ, чтобы скорѣе выйти въ смотрительницы, имѣть лучшую квартиру. Жалобы на квартиру и указанія на то, что у такой-то квартира лучше—слышались ежедневно.

Все это я изложилъ въ формѣ доклада гласнымъ и указаль мѣры къ исправленію дѣла, конечно, съ хозяйственной точки зрѣнія. Объ учебной части я и помышлять не могъ и только думаль, что бы сдѣлаль добрый черноземный инспекторъ, конечно изъ земскихъ? онъ бы съ ума сошелъ или сбѣжалъ.

Въ докладѣ я предлагаль всю хозяйственную часть объединить въ однѣ руки, устроить школьно-хозяйственное бюро. При немъ складъ вещей (учительницами всякая бездѣлица покупалась втридорога въ лавочкѣ), складъ учебныхъ пособій и книгъ, ибо раза два замѣчено было, что гг. учителя (не учительницы) покупали себѣ дорогія изданія за счетъ города, какъ будто для школы... и т. д. в т. д. и т. д.,—всего не перечислишь.

Докладъ мой вызваль бурю негодованія въ затронутомъ болотѣ. «Каспій» началъ трубить о походѣ головы противъ образованія. Что было переговорено обо мнѣ грѣшномъ въ учительскихъ кругахъ за все это время... читатель можетъ себѣ представить. Голова—обскурантъ, притѣснитель учительницъ. Я пробоваль печатно возражать въ газетахъ, что я не обскурантъ, ибо всю жизнь работаль для народной школы, избравъ девизомъ, что въ школѣ (между прочимъ) спасеніе Россіи. Пробоваль объяснить, что предприняль походъ не противъ учитель-

ницъ, а противъ плохихъ учительницъ. Но развѣ ихъ убѣдишь? развѣ убѣдишь тѣхъ тоже, которымъ, по особымъ соображеніямъ, нужно было себя выставить защитниками угнетенныхъ бѣдныхъ труженицъ?

Долженъ сказать, что громадное большинство гласныхъ было за меня—это еще было начало моей службы. Долженъ сказать и то, что училищная комиссія меня поддерживала въ моихъ школьныхъ начинаніяхъ до самаго конца. М. А. Бѣлявскій вслѣдъ за моимъ первымъ докладомъ сложилъ съ себя званіе председателя училищной комиссіи, и таковое я взялъ на себя. Я страшно вѣрилъ въ публичность. Дай, думаю, соберу я зрителей и смотрительницъ, поговоримъ сообща, какъ дѣлу помочь. Вѣдь публично-то неловко не выказать рвенія къ школѣ, хотя бы его и не было.

Не тутъ-то было. Кромѣ жалобъ на несправедливость моего доклада, посыпались еще заявленія, имѣвшія одну цѣль: поменьше дать, побольше получить...

Бросилъ эти собранія, признавъ, что мы до нихъ не доросли.

Оговариваюсь: я говорю лишь о христіанскихъ школахъ. Русско-татарскія стоятъ такъ низко съ ихъ магометанскимъ учительскимъ персоналомъ, про нихъ говорилось и писалось столько ужасовъ, что и повторить нельзя. При этомъ сдѣлать было ничего нельзя. Гдѣ взять персоналъ? Какъ задѣть національное самолюбіе? Были случаи, когда сами мусульмане внѣ себя жаловались на своихъ учителей. Чтò мнѣ было дѣлать, когда на мнѣ лежала лишь хозяйственная часть, о нравственности же должны были заботиться другіе? По отношенію къ русско-татарскимъ школамъ у меня была одна цѣль: нарушить равновѣсіе между ними и христіанскими. Этого, слава Богу, я добился блестяще.

Опять повторяю. Мусульманское населеніе весьма нуждается въ школахъ, и я поступленію одного мальчика мусульманина готовъ радоваться больше, чѣмъ приему двухъ христіанскихъ—но вѣдь у насъ не то было. У насъ открывались школы, чтобы онѣ

числились, хотя стоили невѣроятныхъ денегъ (школа съ тремя учителями и 46 учениками). Знаю, что и за эти строки люди недобросовѣстные станутъ меня упрекать въ клеветѣ противъ татаръ. Но развѣ я противъ татаръ пишу?

Не могу не рассказать анекдота, показывающаго, какъ возненавидѣлъ меня учительскій персоналъ за мой докладъ. Приѣзжаю въ одну школу съ архитекторомъ. Мнѣ нужно было осмотрѣть зданіе. Со смотрительницей—особой съ вѣсомъ—знакомъ не былъ, ибо на собраніи она не была. Подѣзжаемъ. Сторожъ отворяетъ дверь.

— Госпожа NN дома?

— Дома, пожалуйста.

Входимъ въ залу. Ждемъ, ждемъ... никого. Приходитъ сторожъ.

— Ну что же г-жа NN?

— Ихъ дома нѣтъ-съ.

— Какъ, вы сказали, что онѣ дома?

— Сейчасъ уѣхали-съ.

Такъ. Чтò было дѣлать? Посовѣтовался съ г. Скуревичемъ, архитекторомъ. Квартиру видѣть было необходимо. Мы зданіе хотѣли приспособить подъ среднее учебное заведеніе. Говорю это сторожу. Онъ сначала не хотѣлъ насъ пускать, потомъ пустилъ. Обходимъ двѣ, три комнаты. Вижу дверь. Берусь за ручку.

Вдругъ слышу сердитый женскій голосъ:

— Сюда нельзя.

Мы съ Скуревичемъ удрали. Спрашиваю сторожа:

— Это г-жа NN?

— Точно такъ-съ.

Говорятъ—не надо было входить въ квартиру безъ хозяйки. Господи! Да вѣдь нужно было! Вѣдь я въ то время не ѣлъ и не спалъ за городскимъ дѣломъ.

Такъ я съ г-жей NN за два года моей службы и не познакомился. Дѣло дѣлали лишь перепиской. Я ее въ глаза не видалъ.

Признаюсь, не легко было дѣло дѣлать. А оно все-таки дѣлалось насколько возможно... Прежде массѣ учениковъ отказывали въ приемѣ въ городскія училища. Я подѣ соусомъ, но не новыхъ школъ, а параллелей къ старымъ, уговорилъ комиссію удовлетворить потребности вполне. Въ 1903 году ни одному ребенку не отказали въ приемѣ. Этого одного довольно, чтобы мнѣ не раскаиваться въ томъ, что пошелъ въ головы. Съ 2500 число учениковъ возросло до 4100. А смѣта въ 1903 году не увеличилась противъ 1902 г. Это результатъ хозяйственной организаціи.

Конечно, въ послѣдующіе годы будетъ уже не 4, а 5 или 6 тысячъ учениковъ—вѣдь будутъ открываться новыя параллели все выше и выше—смѣта возрастетъ, конечно, но ученикъ 1903 года дешевле ученика 1902 на цѣлую четверть. И это первый годъ работы милаго нашего Степана Мартыновича Кардашева, противъ котораго пигмеи, стоящіе надъ нимъ, пытались вылить потоки помоевъ. А тамъ учительницы, съ нелѣпыми часто заявленіями въ родѣ того, что цвѣтъ красныхъ чернилъ не такъ красивъ, какъ прежде!

Малое мнѣ удалось сдѣлать въ улучшеніи состава. Тутъ были непреодолимыя затрудненія. Смотрительницъ опредѣляли изъ своихъ же учительницъ по старшинству службы. Тутъ время службы было все. Качество кандидата въ расчетъ не шло. Только заявленіе, что у меня, молъ, больше правъ, чѣмъ у такой-то, ибо, хотя бы въ одномъ году поступили, но опредѣлена я десятью днями раньше. А то вотъ анекдотъ: надо назначить смотрительницу. Были двѣ сестры учительницы, изъ коихъ старшая имѣла годомъ больше службы, чѣмъ младшая. Про старшую ничего не имѣю сказать дурного—Боже сохрани,—но про младшую имѣю сказать, что она выдающаяся была и не только по Баку. 10 лѣтъ она бесплатно, съ громадной энергіей, вела мужскую воскресную школу и довела число учениковъ до 200. Все даромъ, все съ ущербомъ для здоровья! Кого было назначить смотрительницей? Я хотѣлъ младшую. Боже, что началось! Членъ управы Арутюновъ первый вступился:

— Неужели вы хотите назначить младшую?

— Ну да, такъ что же?

— Помилуйте, это обидно для старшей.

То же говорила мнѣ члены комиссіи, не одобряя нарушенія заведеннаго порядка.

Наконецъ кто-то мнѣ говоритъ:

— Смотрите, Александръ Ивановичъ, говорятъ, что если въ смотрительницы попадетъ младшая, то старшая покончитъ съ собой...

Опредѣлили старшую. Тѣмъ болѣе, что я могъ нарваться на случай неутвержденія. Вѣдь мало цѣнится энергія, любовь къ дѣлу...

Хотѣлъ я улучшить составъ учительницъ, поднявъ требованія. Жалованье, думаю, хорошее сравнительно съ другими городами, не говоря уже о земствахъ. Постановимъ, что требуются лица съ высшимъ образованіемъ, обратимся къ корифеямъ нашей народной педагогики, Вахтерову, Бунакову, и незамѣтно обновимъ составъ и прежнихъ заставимъ быть лучше. Но тутъ я встрѣтился впервые съ такъ называемымъ бакинскимъ патриотизмомъ. Такъ прямо и назвали это чувство.

— Подумайте, Александръ Ивановичъ,—говорили мнѣ гласные—и при томъ всѣ безъ исключенія,—вѣдь у насъ своя женская гимназія. Какъ же мы будемъ брать со стороны учительницъ? А свой-то что? Посудите сами.

Я имъ отвѣчалъ, что это правильная была бы точка зрѣнія для начальницы гимназіи, заботящейся исключительно о своихъ воспитанницахъ, но мы имѣемъ дѣло со школами. Мы должны преимущественно заботиться объ ученикахъ. Я понимаю симпатію къ своимъ ученицамъ, но что же дѣлать, если бакинскій воздухъ не изъ тѣхъ, гдѣ выращивается идеальная учительница и т. д.,—развивалъ я эту тему.

Ничто не помогло. Остались при своемъ бакинскомъ патриотизмѣ. И въ этой впрочемъ области я сдѣлалъ что могъ. Главный ядъ и здѣсь былъ—протекція членовъ комиссіи. Съ этимъ я боролся, и изъ круга своихъ все-таки удалось пригласить луч-

шихъ. Вакансій было много благодаря открытію параллелей. Удалось провести и нѣсколько „не своихъ“.

Такъ же успѣшно было дѣло среднихъ учебныхъ заведеній. Прогимназія мужская открыта при мнѣ и не безъ моего содѣйствія, хотя ассигнованіе денегъ на нее было рѣшено до меня. Техническое училище преобразовано въ среднее изъ низшаго; возбуждено ходатайство о новой классической гимназіи съ ассигнованіемъ достаточнаго пособія; принято въ вѣдѣніе города частное училище Лаврова, къ чему мнѣ придется еще возвратиться. Все это дѣлалось не безъ труда, несмотря на организованное противодѣйствіе черной сотни и на неорганизованное противодѣйствіе добровольцевъ.

Въ концѣ моей службы составленъ школьнымъ отдѣленіемъ отчетъ за много лѣтъ. Думаю, что пользу онъ принесетъ не малую. А то прежде были, какъ въ лѣсу. Недостатки прежней отчетности конечно не могли не отразиться на отчетѣ. Съ 1902 же года школьная статистика велась правильно по карточной системѣ.

XII.

Кромѣ главныхъ двухъ отраслей хозяйства, бывшихъ въ моемъ личномъ завѣдываніи, водопроводнаго дѣла и училищнаго, я взялъ на себя еще одну сравнительно небольшую, но непріятную обязанность. Въ Черномъ Городѣ, сплошь состоящемъ изъ керосиновыхъ заводовъ, вслѣдствіе несовершенства устройства ихъ, теряется масса нефти. Эта нефть терялась въ землѣ, текла по улицамъ. Издавна эту потерянную нефть бѣдные обыватели собирали и, продавая ее, кормились. Затѣмъ взяли за нее владельцы и арендаторы земли и стали обращать въ свою пользу, копали колодцы, куда просачиваніемъ накоплялась нефть; собирали ее, проводя канавы и выкапывая большія ямы, въ которыя по канавамъ она собиралась. Наконецъ, городъ сталъ на улицахъ проводить свои канавы, собирать нефть въ свои ямы, копать свои колодцы. Городъ же сталъ собирать особыми ямами

прибойную морскую нефть. Такъ много ее въ этомъ нефтяномъ царствѣ, что когда вѣтеръ съ моря, то къ берегу прибываетъ тысячи пудовъ нефти и мазута, по каплямъ разливающимся при накачиваніи и перекачиваніи нефти въ наливныя суда. Бываютъ вдругъ большія утечки съ заводовъ, когда, на-примѣръ, лопнетъ труба. Называется это на бакинскомъ жаргонѣ «фонтаномъ» по аналогіи съ настоящими нефтяными фонтанами.

Бываютъ и морскіе фонтаны, когда судно разобьетъ, а нефть вытечетъ.

Всѣ набрасываются на эту добычу, городъ, владѣльцы, бѣдняки. Интересны эти послѣдніе. Это все женщины русскія. Съ ведромъ, украдкой, въ уличной канавѣ онѣ стараются начерпать драгоценной влаги. Ихъ бьютъ, таскаютъ въ полицію. А онѣ продолжаютъ свое ремесло. Это въ большинствѣ женщины безпаспортныя, живущія на этой каторгѣ, избѣгая худшей еще каторги дома съ извергомъ мужемъ. Я было тоже ихъ преслѣдовалъ, но потомъ, познакомившись съ ними ближе, не велѣлъ трогать. Ихъ тоже сосутъ піявки. Это мѣстные жители, скупающіе то, что онѣ собираютъ, и наживающіе 200 на 100.

Гораздо хуже этихъ несчастныхъ женщинъ, это состоятельные люди, ремесло которыхъ красть нефть изъ канавъ, только не ведрами какъ бабы, а отводя ее къ себѣ. Это часто домовладѣльцы; добыча нефти ихъ главный доходъ.

А то еще есть средства. Подкупить кого-нибудь на заводѣ устроить искусственный фонтанъ, т.-е. выпустить нефть, которая дѣлается добычей подкупившихъ. Говорятъ, что такіе фонтаны устраивались нашими городскими служащими. И городу выгодно, а имъ и прибыльно и отъ начальства благодарность бываетъ.

Учестъ городскихъ агентовъ невозможно. Сколько покажутъ собранной нефти, столько и бери. А поэтому нѣтъ должности, на которую бы сыпалось столько нареканій, какъ на завѣдующаго ловушками. Гласный, Гасанъ-бекъ Меликовъ, публично обвинилъ бывшаго завѣдующаго, г. Васильева, въ хищеніяхъ. Два года тянулось дѣло. Г. Васильевъ вышелъ чистъ, какъ кристалль;

дума это засвидѣтельствовала. Тѣмъ не менѣе гласный не наказанъ, а человѣка шельмовали два года публично..

Я съ этими ловушками попался. Недовольный прежнимъ веденіемъ дѣла, я обѣщалъ думѣ собрать въ 1903 году тридцать тысячъ вмѣсто двадцати двухъ. Мнѣ управа и поручила дѣло. Во главѣ дѣла былъ человѣкъ интеллигентный выше всякаго подозрѣнія (даже г. Меликова). Помощники его—тоже отборно чистый народъ—и тѣмъ не менѣе сборъ былъ плохой. Оттого ли, что они не пускали искусственныхъ фонтановъ, оттого ли, что полиція, будучи всегда на сторонѣ заводчиковъ, мѣшала дѣлу особенно старательно—но все-таки до 30 тысячъ я не дошелъ. Видно, въ царствѣ нефти одной честностью и добросовѣстностью служащихъ ничего не подѣлаешь.

Къ личнымъ обязанностямъ головы относилась еще раздача трехъ тысячъ ежегодно ассигнуемыхъ думой на бѣдныхъ. У меня вышелъ перерасходъ тысячи въ двѣ. Для нервовъ эта обязанность чуть ли не самая тяжелая.

Каждый день ко мнѣ являлись десятки хромыхъ, слѣпыхъ, нищихъ, жаждущихъ получить незначительное пособіе или бесплатный проѣздъ до одного изъ портовъ Каспійскаго моря. Боже мой, Боже мой, какихъ только типовъ ни пришлось здѣсь встрѣтить? И, дѣйствительно, тутъ были и навѣкъ несчастные вслѣдствіе физическаго недостатка, и рабочіе безъ работы, и горьковскіе типы, и просто мошенники.

Приходить партія рабочихъ.

— Явите Божескую милость—отправьте на родину. Работы искали, но найти не могли.

— Вы откуда?

— Изъ Могилева.

— Гм! Могу вамъ дать бесплатный проѣздъ до Астрахани.

— А дальше намъ какъ?

И знаешь, что вѣдь не помощь имъ оказываешь. Знаешь, что въ Астрахани они еще меньше найдутъ работы, чѣмъ въ Баку, и что выбраться оттуда также невозможно. Но отправляешь его, чтобы отдѣлаться отъ него, какъ доктора въ Ниццу

отправляютъ больныхъ, чтобы они не на ихъ рукахъ умирали. Лжешь ему и себѣ, а онъ тебя благодарить.

И на почвѣ этой созданъ особый промыселъ. Приходили люди, получали разрѣшеніе на бесплатный проѣздъ и полученные по этимъ разрѣшеніямъ билеты спокойно перепродавали. Пришлось отправлять на пароходъ своего человѣка. Многихъ переловили, и промыселъ посократился.

Цѣлую категорію несчастныхъ составляютъ дѣвушки, брошенныя любовниками съ ребенкомъ на рукахъ. Нѣтъ города въ Россіи болѣе развратнаго, чѣмъ Баку. Восточный взглядъ на женщину, какъ на низшее существо, созданное для наслажденія мужчинъ, вмѣстѣ съ громадными богатствами, которыя валяются съ неба, расплодилъ массу этихъ несчастныхъ.

У каждаго почти состоятельнаго татарина двѣ жены, мусульманка и русская. Русская по нашимъ и по мѣстнымъ законамъ безправная наложница. Надзоръ за ней самый строгій, и чуть что—она рискуетъ жизнью.

Но кромѣ этихъ женщинъ, которыхъ—мужья—все-таки называютъ женами, нѣтъ дѣвушки въ Баку, за которой бы не гонялись. Отъ насилія до обмана все разрѣшено, повидимому, бакинскимъ кодексомъ нравственности. И вотъ вамъ обыденный типъ дѣвушки-матери, брошенной съ ребенкомъ на рукахъ. Имъ я особенно покровительствовалъ и почти всегда старался отправить до родины.

А вотъ взглядъ на это образованнаго гласнаго. Въ думѣ дѣло идетъ о страшномъ наплывѣ дѣтей въ воспитательный домъ.

Громовую рѣчь противъ непосильныхъ на этотъ предметъ расходовъ говоритъ Гасанъ-бекъ Меликовъ, кончая тѣмъ, что несправедливо, наконецъ, платить за нихъ всѣмъ національностямъ, когда всѣ эти дѣти рождены христіанками.

И это говорилъ человѣкъ, прекрасно знающій, что отецъ этихъ дѣтей почти всегда татаринъ! Этотъ же гласный въ этой же самой рѣчи говорилъ, что воспитательный домъ поддерживаетъ безнравственныя сожигія, ибо подброшенныя дѣти все незаконныя.

И это говорилъ человекъ, котораго въ двухъ газетахъ въ нѣсколькихъ статьяхъ обвиняли въ безнравственномъ отношеніи къ женщинамъ, приходившимъ къ нему за помощью, какъ къ члену комитета въ Шемахѣ послѣ землетрясенія!

Мыслимо ли при такихъ рѣчахъ сохранить предсѣдательское хладнокровіе? Не знаю, какъ для кого, а мнѣ приходилось выходить изъ себя.

И вотъ идутъ къ тебѣ разные несчастные, рассказываютъ про безвыходность положенія. И радъ бы помочь, но знаешь, что меньше, чѣмъ 25—50 рублями горю не поможешь. А предлагаешь рубль или два. А то и вовсе отказываешь. Стараешься, конечно, по возможности позолотить пилюлю; объясняешь ему положеніе кассы... а онъ знай свое, просить.

Что сдѣлаешь съ рублемъ въ такомъ случаѣ? Является цѣлая семья. Двѣ татарки ведутъ человекъ 8 дѣтей и несутъ старуху, разбитую параличемъ, кладутъ ее посреди двери въ мой кабинетъ. Старуха стонетъ. Вся въ лохмотьяхъ. Онѣ пришли показать, изъ кого состоитъ семья, мужчины умерли. Имущества никакого. Случай выдающійся. Даю три рубля.

Татары рѣдко приходили и, кажется, только въ случаяхъ крайности. Поразительно, что у мусульманъ нѣтъ своего благотворительнаго общества, какъ у армянъ. Единственная форма помощи, которую богачи оказываютъ, это стипендіи учащимся. Но если человекъ, имѣющій милліона три, положилъ имѣть двухъ стипендіатовъ, то третій хоть умирай — не получить ничего. А о своихъ двухъ стипендіатахъ богачъ будетъ на каждомъ шагу говорить. Тайной благотворительности нѣтъ, или если есть, то слишкомъ мало. До нѣкоторыхъ бѣдняку добраться физически нельзя: такъ забаррикадировались они въ своихъ домахъ за желѣзными дверями и рѣшетками.

Бѣднаго татарина я люблю: онъ тихъ, добродушенъ, ласковъ. Богачъ татаринъ въ большинствѣ необычайно скупъ, почти всегда ростовщикъ. Всѣ, конечно, богачи «Гаджи», то есть побывали на богомольѣ въ Меккѣ. Но имѣя милліоны и десятки милліоновъ, считать гроши, довести сына до самоубійства, быть

ростовщикомъ—это ничего не значить. Если что и жертвуется, то изъ чванства. Знай весь міръ, каковы мы. Такъ растлѣваетъ богатство народъ, который самъ по себѣ добръ, несмотря на отсталость въ культурѣ.

Приведу случай ростовщичества изъ моей практики. Приходить женщина и объясняетъ, что ее крайность заставляетъ ѣхать въ Кубу. Просить три рубля на дорогу и плачетъ. Далъ ей три рубля. Черезъ нѣсколько дней вижу ее опять. Просить бесплатно билетъ до Красноводска. Я ее узнаю.

— Вы въ Кубу ѣздили недавно?

— Ыдила. Домъ продала. Назадъ ѣду (плачетъ).

— Какъ, домъ продали и просили на проѣздъ?

Я начинаю волноваться и возвышаю голосъ.

— Домъ былъ заложенъ Гаджи такому-то. Домъ остался на торгахъ за нимъ, мнѣ ничего и не осталось. Я два дня не ѣла.

— Неужели не могли вы у него хоть на дорогу выпросить? Онъ, небось, съ васъ долго проценты бралъ?

— 12 процентовъ двадцать лѣтъ. Я у него хоть на хлѣбъ рубль просила. Отказалъ. Сердился, что домъ дорого ему достался.

Повторяю: это черта не національная. Таковы богачи только. Объясняю я себѣ это явленіе вотъ чѣмъ. Татары—народъ, привыкшій кто подчиняться деспоту, кто быть деспотомъ. Теперь хановъ у насъ нѣтъ иначе, какъ по имени. Такъ вотъ власть захватываютъ, какъ могутъ: кто деньгами, кто образованіемъ. Если татаринъ чѣмъ-либо выдается, деньгами ли, образованіемъ ли, онъ лѣзетъ въ ханы. А народъ, привыкшій кланяться, кланяется богачу или ученому. Такъ я объясняю растлѣвающее дѣйствіе на татарина, по крайней мѣрѣ, въ первомъ поколѣніи не только богатства, но и (*horribile dictu*) образованія. Съ дальнѣйшей культурой все это, конечно, сгладится.

Возвращаюсь къ раздачѣ пособій. Много отдѣльныхъ случаевъ. Бьетъ по нервамъ турецкій армянинъ съ вырѣзаннымъ языкомъ и перерѣзанными мышцами; рабочій, выписанный наканунѣ изъ больницы, гдѣ ему отняли раздробленную на промыслѣ руку;

сумасшедшій, котораго вамъ приводятъ и котораго некуда отправить за неимѣніемъ специальной больницы и т. д. и т. д.

А тутъ человѣкъ, который по нахальству, а можетъ быть и съ голоду начинаетъ требовать помощи, а не просить. И при этомъ полное безсиліе помочь дѣйствительно и возможность лишь въ одномъ, двухъ случаяхъ изъ десяти бросить цѣлковый, чтобы отвязаться отъ надоѣдливаго нищаго...

Я думаю, что естественно при такихъ картинахъ нервамъ немного разойтись. Иногда голосъ возвысишь, а иногда развѣжишься. Конечно, это нехорошо. Надо быть справедливымъ, уравновѣшеннымъ, хладнокровнымъ, когда на тебѣ цѣпь и цѣпи городского головы. Но что дѣлать? Я человѣкъ и, признаюсь, чѣмъ дальше, тѣмъ больше нервы разстраивались. Видѣть горя на три милліона, а имѣть три тысячи, чтобы горю пособить.

И лицемѣры же, подумаешь, люди богатые. Бросяť такую помощь, да еще не изъ своихъ, а изъ городскихъ денегъ, и думаютъ, что исполнили обязанность по отношенію къ бѣдной части населенія. Нѣтъ, не такія мѣры нужны...

ХІІІ.

Одна изъ первыхъ моихъ заботъ по поступленіи была смѣта на 1903 годъ. Смѣта на 1902 годъ разсматривалась въ іюнѣ, когда шесть мѣсяцевъ уже расходы безъ нея производились. Утверждена она была въ августѣ. Когда я пріѣхалъ, я объявилъ, что при мнѣ такъ не будетъ. И по закону и по здравому смыслу, смѣту надо провести черезъ управу и финансовую комиссію съ тѣмъ, чтобы она была утверждена къ новому году.

Поэтому еще въ августѣ я рассылалъ отдѣленіямъ и отдѣльнымъ частямъ предложеніе поторопиться съ назначеніемъ сроковъ. Предложеніе пришлось неоднократно повторять особенно неаккуратному по обычаю техническому отдѣлу. Всѣ мнѣ помогли. Финансовая комиссія согласилась смѣту разсматривать вмѣстѣ съ управой, что ускорило и улучшило дѣло. Дума, наконецъ, тоже не задерживала дѣла, и въ декабрѣ смѣта была

окончена. Послѣ медленности работы предыдущихъ лѣтъ, это было пріятнымъ сюрпризомъ. Съ самаго новаго года мы дѣйствовали по утвержденной думой смѣтѣ. Всѣ были довольны, а я болѣе другихъ. Если удалось такъ переломить дурныя привычки въ первый же годъ, то очевидно еще лучше дѣло должно было идти въ послѣдующіе годы. Увы! Кто бы сказалъ, что времена такъ измѣнятся.

Большое вниманіе пришлось мнѣ обратить на положеніе служащихъ. Въ этомъ большинство управы мнѣ помогало. Мы издали положеніе, которому не грѣхъ было бы послѣдовать всякимъ другимъ общественнымъ, частнымъ да и казеннымъ учрежденіямъ. Всѣмъ извѣстно, что есть извѣстное число часовъ, когда люди могутъ работать головой плодотворно; максимумъ такой работы безъ отдыха—пять часовъ. Поэтому мы назначили пятичасовой рабочей день для канцелярій отъ 9 до 2. Лѣтомъ мы сдѣлали снисхожденіе для служащихъ, сокративъ работу до четырехъ часовъ. Вечерняя работа была совсѣмъ отмѣнена, исключая, конечно, экстренныхъ случаевъ. Платить человѣку 40 рублей въ мѣсяцъ, совершенно отрывая его отъ семьи—очевидная эксплуатація человѣческаго труда. Не успѣетъ человѣкъ, усталый отъ утренней работы, вернуться, пообѣдать, отдохнуть—бѣги опять на работу. Количество сдѣланной работы вовсе не уменьшилось по свидѣтельству дѣлопроизводителей. Кромѣ условій ежедневнаго труда, чрезвычайно еще важно для служащаго имѣть твердую надежду, что въ трудную минуту онъ получитъ помощь. Главное, конечно знать, что старость будетъ обеспечена, и что не будешь послѣ долгой службы выкинутъ на улицу съ семьей. Но могутъ случиться тяжелыя минуты и во время службы. Смерть, болѣзнь близкихъ, случай острой нужды—все это должно найти откликъ въ управѣ. Суммы, ассигновываемыя ежегодно бакинской думой на пособія служащимъ, недостаточны. Я лично въ управѣ подавалъ голосъ почти всегда за пособіе. Изъ членовъ управы всегда кто-нибудь имѣлъ личныя причины помочь человѣку, а третьяго кое-какъ уговаривали. И выходило большинство. Служащимъ въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ, больницахъ, школахъ,

при постройкахъ, мы относили этотъ расходъ за счетъ специальныхъ средствъ этихъ учреждений, а служащимъ собственно управы брали изъ специальныхъ суммъ на пособія. Но какъ-никакъ, перерасходъ вышелъ значительный, за что намъ (читай мнѣ) доставалось въ думѣ. Но главное зло, что и здѣсь главнымъ расчетомъ являлся фаворитизмъ. Я только что пріѣхалъ, какъ увидалъ, что служащимъ, получающимъ по 3000 рублей въ годъ, выдавались думой пособія въ 500—1000 рублей подъ предлогомъ болѣзни. Служащіе это были лично знакомы гласнымъ. А на другой день не могъ же я допустить, чтобы управа не выдала 50 рублей дѣйствительно больному писцу, еле концы съ концами сводящему въ подвальномъ углу.

Но что было хуже всего, это—неучастіе въ пособіяхъ рабочихъ. Мостовщики, метельщики и другіе рабочіе, живущіе на 15—20 рублѣхъ, никогда даже не обращались за пособіемъ. Моды такой не было. Они вѣроятно думали, что пособія для господъ, и себѣ ничего не просили, ни при увольненіи, ни при болѣзни. Меня это сначала удивляло.

Приходить рабочій, просить отпуска по болѣзни. Въ прошеніи ни слова о пособіи. Я его спрашиваю:

— Пособія вы не просите?

Какое же намъ пособіе?

— Просите, получите.

Если я этимъ сдѣлалъ убытокъ городу, то зато, можетъ быть, при мнѣ большая экономія произошла оттого, что крупные служащіе рѣже обращались за большими пособіями, не потому, что въ нихъ отказывали, а потому, что совѣстились. Можетъ быть, впрочемъ, это иллюзія съ моей стороны.

Но самое важное для служащаго, это вопросъ обезпеченія старости. Я уже говорилъ, что крупнымъ служащимъ, которыхъ я предлагалъ обезпечить, дума назначила крупныя пенсіи. Но скоро господа гласные выказали себя въ совсѣмъ другомъ свѣтѣ.

Все будетъ понятно изъ слѣдующей сцены. Многочисленное засѣданіе. Много публики. Предлагаю выдать человѣкамъ десяти,

уходящимъ со службы городу, кому пенсію, кому пособію. Тутъ человекъ, производившій нѣсколько лѣтъ микроскопическія изслѣдованія свинныхъ тушъ на бойнѣ. Все время на сквозномъ вѣтрѣ, онъ заболѣлъ чахоткой. Просить единовременное пособіе въ 500 рублей.

Тутъ жена и дѣти мостовщика умершаго, 12 лѣтъ прослуживъ городу. Просить единовременное пособіе въ 150 рублей.

Тутъ вдова пожарнаго, умершаго послѣ долгой службы. Ей 50 лѣтъ. Просить пенсію въ 120 рублей въ годъ и т. д.

Читаю этотъ списокъ. Гласные начинаютъ спрашивать о трудоспособности вдовъ, о заслугахъ ушедшихъ или умершихъ, объ условіяхъ службы. Я даю справки, какія могу.

Ставимъ десять ящиковъ для закрытой баллотировки.

Голосъ гласнаго Гасанъ аги Гасанова, поддержанный другими мусульманами.

— Ящики Предтеченскихъ поставьте отдѣльно!

Я боюсь понять, но тѣмъ не менѣе спрашиваю.

— Зачѣмъ?

— Мы его знали. Гласные его знали.

Ужасныя слова! Жестокія чувства, жестокія для всѣхъ служащихъ города!

Предтеченскіе были два юноши-реалиста 5-го и 1-го, кажется, классовъ. Отецъ ихъ годъ назадъ вышелъ на пенсію, по моей же просьбѣ, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ померъ. Онъ очень долго прослужилъ дѣлопроизводителемъ въ первомъ отдѣленіи, гдѣ постоянно чередовались члены управы мусульмане: Сафаралиевъ (отецъ теперешняго Кямиль-бека), Балабекъ Алимебековъ, теперешній Кямиль-бекъ Сафаралиевъ. Просили мы юношамъ пособіе по 300 р. каждому въ годъ до окончанія образованія и средняго и высшаго. Жили они у дяди, холостого чиновника банка.

Боже меня сохрани сказать хоть слово противъ этого пособія. Я его предлагалъ. Я имъ положилъ на право. Но какъ-никакъ ихъ положеніе не хуже, чѣмъ остальныхъ, а пожалуй и лучше.

Ящика ихъ мы отдѣльно не поставили. Но результатъ былъ

слѣдующій. Предгеченскимъ дали пособіе. Всѣмъ остальнымъ отказали, въ томъ числѣ и чахоточному, и вдовамъ.

Ихъ гласные не знали. Надо не только служить городу, но и прислуживать гласнымъ или, по крайней мѣрѣ, вести съ ними знакомство.

Объяснялась эта дикость реакціей противъ прежней щедрости, стѣсненнымъ финансовымъ положеніемъ, недовольствомъ думы мною. Но развѣ это все смягчаетъ безобразіе думскаго рѣшенія?

И, когда я, прочитавъ результатъ голосованія, громко сказалъ:

— Такъ награждаетъ бакинская дума своихъ вѣрныхъ, на службѣ умирающихъ служащихъ.

Господа гласные обидѣлись, нашли это неумѣстнымъ. Быть можетъ это и было неумѣстно...

Въ Баку и въ другихъ собраніяхъ, гдѣ господствуетъ черная сотня (не исключая и новой Петербургской думы), существуетъ ужасное слово «шаръ покажетъ». Чтѣ это значить?

Это значить, что вы можете говорить, сколько хотите, но мы уже все предрѣшили. Это значить, что никакіе доводы, никакая правда на насъ не повліяетъ, ибо мы не истины ищемъ, а выгоды своей или близкихъ. Это значить, что не нужно засѣданій, а нужны перешептыванія, наушничаніе. Это значить, что интересы городовъ нельзя ввѣрять нынѣшнимъ составамъ гласныхъ...

Ничего новаго въ этомъ нѣтъ. Только я не думалъ, что это можетъ дойти до такого цинизма.

Вопросомъ пенсій у насъ уже давно занимались въ Баку. Разрабатывали пенсіонный уставъ разные добровольцы. Понятно, что изъ этого ничего не вышло. Никто не зналъ, что вырабатывается пенсіонный уставъ согласно глубокимъ математическимъ вычисленіямъ и статистическимъ даннымъ. Много мнѣ стоило трудовъ уговорить думу обратиться къ специалисту. Таковымъ мы пригласили московскаго привать-доцента Преображенскаго, который при мнѣ разрабатывалъ пенсіонный уставъ Тамбовскаго земства. Всѣ затребованныя имъ свѣдѣнія мы ему дали, онъ пріѣзжалъ въ Баку, и основанія устава выработаны совмѣстно съ

нѣсколькими гласными. Я уѣхалъ. Вопросъ еще не былъ оконченъ.

Только, когда этотъ уставъ будетъ разработанъ и утвержденъ думой и правительствомъ, служащіе города могутъ надѣяться на непристрастную оцѣнку ихъ службы внѣ знакомствъ со своими «хозяевами».

XIV.

Не безъ неудачъ, конечно, протекло для меня и время побѣдъ. Главной неудачей надо считать то, что я ничего—такъ-таки ничего—не могъ сдѣлать въ земельномъ дѣлѣ. Основанія дѣла были таковы: вліятельные горожане уже запаслись заранѣе лучшими участками городской земли. Теперь явнаго хищенія крупными людьми не производится. Время прошло. Захватываетъ мелкота участки на окраинахъ и притомъ захватываетъ не явно, а тайно. Бываютъ случаи и крупныхъ захватовъ. Одинъ примѣръ лучше уяснить дѣло, чѣмъ разсужденія.

На окраинѣ татаринъ Абіевъ захватываетъ цѣлую десятину земли, обноситъ ее оградой, строитъ помѣщенія и конюшни и сдаетъ эти помѣщенія городу подъ казачью сотню, назначивъ большую аренду. Строительное отдѣленіе управы снимаетъ это помѣщеніе ежегодно, причемъ г. Абіевъ ежегодно поднимаетъ цѣну аренды (онъ давно окупилъ все израсходованное на большую, но дешевую постройку). Въ это время четвертое земельное отдѣленіе той же управы докладывало думѣ о захватѣ Абіева. Абіевъ, послѣ негодующихъ рѣчей нѣсколькихъ гласныхъ, былъ признанъ думой злостнымъ захватчикомъ. И вотъ земельное отдѣленіе съ нимъ много лѣтъ судится, а при мнѣ уже начинали говорить, что у Абіева есть какія-то права на эту землю, и что ее можно бы ему отчуждить. И я убѣжденъ, что участокъ не сегодня, такъ завтра будетъ легально Абіевскимъ.

Еще фактъ: дѣло было лѣтъ 7—8 назадъ. Городскимъ головой былъ г. Ирецкій, членомъ управы г. Бенкендорфъ. Городъ велъ дѣло земельное съ семьей Сафаралиевыхъ, чуть-ли не са-

мой вліятельной въ Баку. Измаиль-бекъ гласный—предводитель центра. Кямиль-бекъ, членъ управы и сынъ члена управы. Дѣло цѣнилось дешево—въ двѣсти, двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей. Подобныя ему дѣла городомъ выигрывались. Это же дѣло въ первой же инстанціи городъ проигралъ. Понятно, что надо было дѣло обжаловать. Юрисконсультъ пишетъ жалобу. Членъ управы Бенкендорфъ ее кладетъ въ свой столъ, запираетъ и... уѣзжаетъ за границу въ отпускъ. Срокъ обжалованія пропускается. Городъ потерялъ четверть милліона. Этотъ фактъ былъ приведенъ въ «Бак. Изв.» и опроверженія ни отъ кого не послѣдовало. На него же въ думѣ намекалъ гласный Унановъ.

Еще примѣръ изъ недавней исторіи. Выходитъ Андрониковъ судиться съ захватчикомъ, по порученію четвертаго отдѣленія. Повѣренный захватчика предъявляетъ въ судъ удостовѣреніе того же четвертаго отдѣленія, что земля его. Хорошо положеніе юрисконсульта?

Примѣровъ я могъ бы привести сколько угодно. Словомъ, три тысячи дѣлъ были въ производствѣ, или если не были, то по винѣ земельного отдѣленія.

Еще картинка, иллюстрирующая отношеніе думы къ земельнымъ дѣламъ.

Есть гласный Шамси Асадуллаевъ, мусульманинъ, которому судьба послала милліоны изъ земли въ видѣ громаднхъ нефтяныхъ фонтановъ. У него заводъ на арендованной въ Черномъ городѣ городской землѣ. Земля эта отчуждалась ему въ собственность. Оцѣнка была произведена оцѣночной комиссіей. Земли было 2000 кв. сажень, оцѣненныхъ комиссіей по 20 руб. за кв. саж. Гласный Шамси Асадуллаевъ въ думу ходитъ рѣдко. Въ день, назначенный для его дѣла, онъ явился.

Я предсѣдательствую и объявляю:

— Дѣло объ отчужденіи 2000 кв. саж. Шамси Асадуллаеву. Г. Асадуллаевъ выходитъ изъ залы въ курительную комнату. Я читаю докладъ управы.

Голосъ изъ татарь:

— Дорого 20 р.!

Голосъ поддерживается другими. Кто-то спрашиваетъ:

— А мнѣніе управы?

— Управа согласна съ оцѣночной комиссіей и находитъ цѣну 20 рублей справедливой. Я лично нахожу ее дешевой.

— А мнѣніе г. завѣдывающаго земельнымъ отдѣленіемъ?

Г. Бѣлявскій встаетъ, сконфуженно улыбаясь.

— Вамъ виднѣе. Вѣдь вы участокъ знаете?

— А мнѣніе предсѣдателя оцѣночной комиссіи?

Встаетъ г. Арутюновъ и, опустивъ глаза, говоритъ:

— Цѣна въ 20 р. высока. Мы ошиблись.

Дѣло передается обратно въ оцѣночную комиссію. Комиссіа переоцѣниваетъ и назначаетъ 16 руб., каковая цѣна и принимается въ одномъ изъ слѣдующихъ думскихъ засѣданій.

Г. Асадуллаевъ выгадалъ восемь тысячъ.

Хотѣлъ я было на этомъ кончить, но надо привести одно крылатое слово гласнаго Исафила Гаджіева.

Сселяютъ человѣка персидско-подданнаго, у котораго домъ посреди улицы. Спорять сколько дать. Кто говоритъ больше, кто меньше.

— Чего ему много давать?—говоритъ Гаджіевъ:—онъ не нашъ. Это слово «не нашъ» по-моему прелестно. Нашему оцѣниваютъ по другой мѣркѣ, не нашему по другой.

Братъ приступомъ непріятеля-хозяина было очевидно невысказано. Надо было его обойти. Положеніе затруднялось тѣмъ, что во главѣ дѣла былъ г. Бѣлявскій. Требовать реорганизаціи земельного отдѣленія, значило идти противъ него. Онъ горой стоялъ за своихъ подчиненныхъ, во главѣ которыхъ дѣлопроизводителемъ былъ его же родной сынъ, и если что говорили противъ нихъ, онъ принималъ за личное оскорбленіе. Въ этомъ смыслѣ походъ противъ земельного отдѣленія былъ походъ тяжелый. Тѣмъ не менѣе онъ былъ необходимъ.

Читатель, можетъ быть, не забылъ, что при составленіи смѣты на 1903 годъ г. Бѣлявскій надавалъ кучу обѣщаній относительно урегулированія отношеній города къ лицамъ, сидящимъ на городскихъ земляхъ. Къ такому-то сроку должны были измѣрить всѣ

участки, къ другому разослать повѣстки, къ третьему предъявить иски. Землю мы измѣрили, но всего остального не сдѣлали.

Таковъ былъ исходный пунктъ моего доклада думѣ.

Далѣе мой планъ былъ таковъ: надо уменьшить влияніе отдѣльныхъ лицъ и произвола хозяевъ. Какъ это сдѣлать? Я не находилъ другого средства, кромѣ слѣдующаго. Устроить въ земельномъ отдѣленіи бюро изъ юристовъ, землеѣровъ и статистиковъ. Эти господа должны были выработать общія нормы опѣнокъ не только домовъ, но и земель, составить инвентарь городскихъ земель и уяснить непреложно юридическія отношенія города къ владѣльцамъ построекъ.

Нуженъ по-моему былъ органъ высоко-авторитетный, который каждое дѣло обставлялъ бы такъ, что не только управа, но и дума не могла бы ничего противъ этого сказать. Я не знаю, удалось ли бы это сдѣлать, если бы дума приняла мой докладъ, но другого выхода я не видѣлъ.

Вѣдь теперь смотрѣть отвратительно на то, что творится въ думѣ. Когда назначены земельныя дѣла, за два часа сидятъ тѣ, чьи участки выкупаются или продаются, и при входѣ гласнаго, встаютъ, кланяются, просятъ пособить. Надо было, чтобы это уничтожилось. А какъ это сдѣлать, какъ не научно обоснованными нормами и не честнымъ освѣщеніемъ дѣла? Такъ я рассуждалъ. Въ своемъ докладѣ я просилъ устроить бюро. Расходы на него не могли не покрыться сторицею.

Одновременно Натансонъ предлагалъ завести особый отдѣлъ бухгалтеріи—земельный. И все это провалилось. И дѣло и теперь идетъ и повидимому еще долго пойдетъ по усмотрѣнію гг. гласныхъ. А это одно изъ величайшихъ несчастій нашего городского хозяйства.

Также печалень для городскихъ интересовъ былъ мой провалъ съ организаціей матеріальнаго отдѣла.

Наконецъ въ чемъ я совсѣмъ не успѣлъ—это внѣшнее благоустройство города. Я думалъ, что всякій понимаетъ, что грязь хуже чистоты, что болѣзнь хуже здоровья. Оказалось, что нѣтъ,

что тамъ, гдѣ одинъ богъ—золото и нефть, тамъ снисходительно, а иногда и благосклонно смотрятъ на грязь и на всякое другое неблагоустройство.

Первое столкновеніе такого рода было изъ-за постройки мельницы. Богатый мельникъ Скобелевъ просилъ разрѣшенія построить мельницу въ части города, которая, не пройдетъ десяти лѣтъ, будетъ лучшею въ городѣ. Мельница зданіе безобразное, шумомъ, а иногда копотью причиняетъ сосѣдямъ безпокойство. Такимъ учрежденіямъ мѣсто на окраинѣ. Я эту мысль и развивалъ. Но врядъ-ли кто былъ за меня. Скобелевъ хорошій человѣкъ; мельницѣ удобнѣе быть на берегу моря; хорошая мельница полезна для торговаго оборота Баку. А потому разрѣшить Скобелеву мельницу въ центрѣ города.

За отнятый у города попудный сборъ съ привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ, въ Баку предполагается одна громадная вдоль всей бухты пристань. Я просилъ думу возбудить ходатайство, чтобы середина противъ набережной была оставлена свободной для бульвара и гулянья съ видами на море. Кажется естественно такое пожеланіе для города, гдѣ негдѣ ни погулять, ни подышать хорошимъ воздухомъ.

Съ этимъ дума хотя и согласилась, но не иначе какъ послѣ долгихъ дебатовъ и сокративъ часть, которую я предлагалъ оставить свободной.

Самое почему-то больное мѣсто въ Баку—это вопросы, связанные съ мясоторговлей. Бакинцы страшно боятся, чтобы что-нибудь было урегулировано... Законъ, обязательныя постановленія, запрещеніе того или другого—они считаютъ излишнимъ стѣсненіемъ. Съ величайшимъ трудомъ удалось провести обязательныя постановленія торговли скотомъ и лошадьми на скотопригонномъ и конномъ дворахъ. Страшно развившіеся сапъ и чума могли только сдѣлать надъ нашими гласными такое чудо. Допущены разныя исключенія. Напримѣръ, въ день Курбанъ-Байрама разрѣшено водить и продавать барановъ по улицамъ. Въ эти дни сплошь да рядомъ по улицѣ нельзя проѣхать, потому что идетъ или лежитъ и отдыхаетъ стадо барановъ. Обыватели—

я лично видѣлъ управляющаго богатымъ промысломъ—стоять, торгуются, шупаютъ барана.

А затѣмъ ихъ ведутъ по два, по три по тротуару, а прохожіе волей-неволей должны уступать имъ дорогу. Запретить такое безобразіе гг. гласные ни за что не хотятъ, видя въ этомъ запрещеніи стѣсненіе «бѣдныхъ мясоторговцевъ».

Нигдѣ я не видалъ такого злоупотребленія словомъ «бѣдный», какъ въ Баку. Бѣдный домовладѣлецъ, бѣдный собственникъ стада и т. д. А рабочій?... Чего ему еще нужно? Сытъ, и слава Богу.

Тайный убой скота страшно распространенъ. И прослѣдить его весьма трудно вслѣдствіе плохого состава нашихъ санитарныхъ агентовъ. А поймаютъ кого, всегда начинается споръ, чья скотина, чья лавка, и часто виноватаго не оказывается. Злоба этихъ людей очень велика. Такъ въ одного базарнаго смотрителя, который позволялъ себѣ не скрывать тайный убой, ночью кто-то стрѣлялъ.

Заступникомъ за разныхъ лицъ, нарушавшихъ законъ, часто являлся гласный Гаджіевъ. Брался онъ защищать самыхъ безнадежныхъ дѣла. А разъ онъ попался.

На бойню къ доктору Рыхловскому привезли полторы бараны туши тайнаго убоя. Пока онъ ихъ изслѣдовалъ, завзвонилъ телефонъ.

— Кто говорить?

— Гласный Гаджіевъ.

— Что вамъ угодно?

— У васъ двѣ туши тайнаго убоя?

— У насъ. А что?

— Это мои туши.

Отбой. Черезъ часъ туши были возвращены г. Гаджіеву, а отъ него взята собственноручная расписка въ полученіи. Попала эта расписка ко мнѣ въ руки. Говорили объ этомъ. Писали въ газетахъ. Я хотѣлъ привлечь г. Гаджіева къ отвѣту. Но не привлекъ, потому что, очевидно, туши были не его, а онъ только старался своимъ именемъ прикрыть грязное дѣло; далѣе потому

что, будучи тогда съ г. Гаджіевымъ въ дурныхъ отношеніяхъ, боялся обвиненія въ пристрастіи и, наконецъ, потому что... одинъ въ полѣ не воинъ.

Еще характерный случай изъ моей практики, показывающій какъ трудно бороться въ Баку съ разными злоупотребленіями.

Доноситъ санитарный врачъ, что бани какія-то распространяютъ зловоніе. На другой день онъ же пишетъ, что зловоніе распространяется не отъ бань, а отъ камня, изъ котораго рядомъ съ банями строится домъ. Камень этотъ берется близъ боенъ и пропитанъ разлагающеюся кровью. Случай любопытный. Ёду на мѣсто съ членомъ управы, съ докторомъ.

Подъѣзжаемъ: каменщики кладутъ домъ, извозчики только что привезли камень. Камень немилосердно воняетъ падалью.

— Чей домъ строится?—спрашиваемъ каменщиковъ.

— Не знаемъ.

— Какъ не знаете? Кто васъ нанималъ?

— Не знаемъ. У насъ подрядчикъ есть.

Является подрядчикъ.

— Кто строить домъ? Какъ звать хозяина?

— Не знаю. Такъ я его въ лицо знаю, но ни имени, ни квартиры не знаемъ.

Спрашиваю извозчиковъ. Тотъ же отвѣтъ, что ничего не знаютъ.

Трудно при этихъ обстоятельствахъ работать и добиться чего-либо. Много надо этому народу поучиться, и не въ нашихъ русско-татарскихъ школахъ.

XV.

Первый годъ своей службы городу Баку я провелъ въ лихорадочной дѣятельности. Главныя основанія, которыхъ эта дѣятельность касалась, мною вкратцѣ изложены. Кромѣ крупной неудачи въ земельномъ дѣлѣ, все остальное съ измѣненіями противъ первоначальныхъ моихъ проектовъ, съ затрудненіями, за-

держками, вызванными борьбой—двигалось впередъ такъ, какъ я хотѣлъ, и двигалось довольно скоро.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію другой половины моей службы, нимале не похожей на первую, считаю полезнымъ рассказать подробно про одно дѣло, доставившее мнѣ много нравственнаго страданія.

Въ самомъ началѣ моей службы, еще до отъѣзда за границу я узналъ, что неладное творится въ родильномъ пріютѣ. До моей службы былъ назначенъ врачомъ въ пріютъ д-ръ К. Онъ началъ заводить новые порядки, какъ въ медицинскомъ, такъ и въ административномъ отношеніи. Служащія въ пріютѣ акушерки были недовольны новыми порядками. Между ними и К. возникъ рядъ недоразумѣній.

Лучшая безспорно акушерка, извѣстная всему городу г-жа Тумаева, первая не выдержала новыхъ порядковъ и ушла, изложивъ причины ухода управѣ.

За ней, уже при мнѣ, поступаетъ коллективная жалоба нѣсколькихъ акушеровъ со смотрительницей, г-жей Утиловой во главѣ. Мы передаемъ это заявленіе совѣту родильнаго пріюта, состоящему изъ докторовъ и гласныхъ. Совѣтъ высказывается противъ д-ра К., говоря, что его нововведенія разстроили жизнь пріюта, создавъ ненормальныя отношенія между служащими.

Собирается управа и постановляетъ въ виду серьезныхъ обвиненій, предъявленныхъ противъ г. К., произвести подробное дознаніе, которое поручить члену управы Смоленскому. Непосредственно завѣдывающему медицинскимъ дѣломъ г. Сафаралиеву нарочно не было поручено дознаніе, такъ какъ извѣстно было, что онъ сталъ на сторону акушеровъ. Мы хотѣли дознанія безпристрастнаго. На этомъ я уѣхалъ за границу.

Возвращаюсь. Дознаніе окончено, и получилось громадное дѣло. Несмотря на массу исписанной бумаги, на допросъ многочисленныхъ свидѣтелей чувствуются пробѣлы въ дознаніи.

Между тѣмъ, дѣло переходитъ въ публику, въ печать. Акушерки пишутъ противъ К. въ газетахъ. К. отвѣчаетъ. Обвиняютъ К. въ нарушеніи всякихъ этикъ: 1) этики начальника по

отношенію къ подчиненнымъ; 2) этики врача по отношенію къ пациентамъ; 3) этики человѣка въ отношеніи нравственности.

Для меня вопросъ сталъ совершенно яснымъ. Г. К. не только не былъ на высотѣ положенія, но былъ прямо нетерпимъ. Публика же думская, управская и всякая другая была за К. Съ самаго начала меня такое отношеніе публики ошеломило. Оно было противно очевидности. Гласные Тагіевъ и Тихоновъ въ клубѣ меня предостерегали, что я на ложномъ пути. Служащіе отъ есаула до моего личнаго секретаря утверждали, что К. хорошій человѣкъ, а акушерки кляузницы...

Въ управѣ голоса раздѣлились. Г. Бѣлявскій былъ въ отпуску. Я и Сафаралиевъ были за акушеровъ. Смоленскій и Арутюновъ за К. Никогда не понималъ и не пойму ихъ отношенія къ этому дѣлу. Выгоды стоять за К. не предполагаю, такъ какъ ни о какой выгодѣ рѣчи быть не могло. Люди они не глупые. Несостоятельность г. К. во всѣхъ отношеніяхъ была очевидна. Тѣмъ не менѣе оба до конца, а г. Арутюновъ и годъ спустя, ломали копья за г. К. Фатальная была для нашихъ отношеній рознь!

Такъ какъ страсти разыгрались, то я не хотѣлъ воспользоваться перевѣсомъ предсѣдательскаго голоса и рѣшилъ вести дѣло по всѣмъ правиламъ искусства. Я предложилъ сторонамъ третейскій судъ. И г. К. и акушерки согласились. Выбрали стороны по два судьи, предсѣдателя выбрала управа, при чемъ мы взяли кандидата, предложеннаго самымъ ярымъ противникомъ нашимъ, Арутюновымъ.

Оказалось, что обѣ стороны выбрали одного врача. Пришлось недостающаго замѣнить жребіемъ. Жребій палъ на Сафаралиевского кандидата. Я ему посовѣтовалъ отказаться отъ него и утвердить опять-таки Арутюновскаго.

Словомъ, я все сдѣлалъ, чтобы дать всякіе возможные шансы противъ себя.

Собрался третейскій судъ изъ пяти врачей и вынесъ единогласный отзывъ, что докторъ Калиновскій съ этической стороны не былъ на высотѣ положенія, не только, какъ директоръ заведенія, но и какъ простой врачъ. Кто знаетъ сдержанный

всегда языкъ третейскихъ судовъ, пойметъ значеніе такого вердикта.

Что было дѣлать? Дождаться возвращенія Бѣлявскаго было невысказано, ибо совмѣстная служба г. К. и акушера была невозможна. Единогласное рѣшеніе суда развязывало намъ руки. Мы вчетверомъ собрались и большинствомъ двухъ противъ двухъ постановили перевести г. К. въ лѣчебницу, а изъ лѣчебницы въ родильный пріютъ назначить г. Шахназарова.

Это была слабость съ моей стороны. Г. К., послѣ отзыва суда пяти товарищей, очевидно не былъ вовсе терпимъ на городской службѣ. Къ тому же пришли о немъ скверныя свѣдѣнія съ мѣста прежней службы тоже въ городскомъ самоуправленіи. Мы должны были его уволить совсѣмъ. Но дѣло зависѣло отъ моего свойства слишкомъ откровенно высказываться. Если я вижу зло, я это говорю открыто и публично, притомъ горячо, такъ что люди склонны видѣть личную неприязнь мою къ тому, кого я осуждаю. Я не дипломатъ. Также и въ дѣлѣ К. Не высказывайся я, не открывай я свои карты заранѣе, я бы смѣло подалъ голосъ за его окончательное увольненіе. Теперь я боялся, что это будетъ публикой приписано личной неприязни, хотя никакихъ личныхъ съ г. К. у меня дѣлъ никогда не было.

Слабость мою по отношенію къ г. К. мнѣ многіе поставили въ укоръ.

Перемѣщеніе г. К. обжаловалъ въ думу. Помню, какъ я ждалъ этого дня 18-го сентября. Загорѣлась битва. Г. Смоленскій произнесъ противъ меня обвинительную рѣчь.

Долженъ еще сказать, что пріѣхавшій къ этому времени г. Бѣлявскій сталъ на сторону г. К. Такъ что я съ Сафаралиевымъ уже оказался въ меньшинствѣ. Я счелъ долгомъ объ этомъ доложить думѣ.

Противъ меня выступилъ г. Ирецкій. Вообще я замѣтилъ, что въ дѣлахъ серьезныхъ, гдѣ можно было надѣяться меня оставить въ меньшинствѣ, онъ всегда дѣлалъ попытку этого добиться. Пока ему это не удавалось. Не удалось и въ дѣлѣ К.

Я въ длинной рѣчи объяснилъ думѣ все дѣло; показалъ,

какъ мы дѣйствовали не только осмотрительно, но и свисходительно и какъ мы каждый разъ, какъ могли, давали оружіе противъ себя.

Видно было, что дума тяготеетъ этимъ дѣломъ. Громаднымъ большинствомъ она признала наши дѣйствія правильными.

Гласные очевидно шли въ этомъ дѣлѣ за общимъ теченіемъ. Я объяснилъ симпатіи публики къ г. К. восточнымъ взглядомъ на женщину. Мужчина всегда правъ на востокѣ. Преступленіе противъ нравственности столь обыденное явленіе, что о немъ и говорить не стоитъ, не то что беспокоить человѣка. Оказалось, я ошибся. Послѣ товарищескаго суда, послѣ того, какъ дѣло разъяснилось, число сторонниковъ г. К. все убывало и думское рѣшеніе было встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ.

Помню, какъ я торжествовалъ въ этотъ день. Я называлъ это дѣло Дрейфусовскимъ (конечно наоборотъ), такъ оно волновало общество, такъ защитники г. К., какъ и обвинители Дрейфуса, дѣйствовали вопреки всякой логики.

Что касается публики, мое торжество было умѣстно. По отношенію же къ думѣ, я теперь отнесся бы къ ея одобренію болѣе хладнокровно. Я понялъ теперь, что цѣна думскаго рѣшенія не такъ уже высока.

Не истина, не убѣдительность моихъ рѣчей заставили, я думаю, гласныхъ высказаться за меня, а такое разсужденіе: голова и докторъ! Кого изъ двухъ? Конечно, доктора... И стали на сторону головы.

Думаю, что если не всё, то многіе такъ разсуждали. Это называется бакинскою практичностью и дѣловитостью.

Не суждено было и дѣлу съ г. К. на этомъ остановиться. Я по тѣмъ же соображеніямъ, т.-е. изъ желанія избѣгнуть обвиненія въ личномъ нерасположеніи по отношенію къ г. К., допустилъ неправильность на извѣстное время. Эту неправильность онъ не исправилъ въ срокъ. На мое письменное заявленіе, что остается въ силѣ мое прежнее рѣшеніе, получаю письмо отъ него: письмо начиналось слѣдующими словами: М. Г. Александръ Ивановичъ, вы по отношенію ко мнѣ совершили новую подлость и т. д.

Допустить долѣе подобное отношеніе я не могъ не изъ личнаго, конечно, чувства обиды.

Вообще обида—чувство для меня непонятное. Есть оскорбленіе—это дѣло другое. Но можетъ ли оскорбить г. К? Не изъ этого мелкаго чувства нельзя было бросить письмо К., а изъ-за того, что дѣло страдало отъ его присутствія на службѣ городу. Онъ положительно былъ нетерпимъ. Сообщаю письмо управѣ. Управа большинствомъ 3 противъ 2, меня и г. Сафаралиева, постановила: письмо К., какъ частное, оставить безъ послѣдствій.

Это меня окончательно возмутило. Теперь я, можетъ быть, поступилъ бы иначе, но тогда взглядъ на неэтичность частнаго совѣщанія у меня не былъ установленъ, и я собралъ гласныхъ въ такое частное собраніе. Изъ трехъ членовъ управы, бывшихъ противъ меня, на совѣщаніе прибылъ одинъ Арутюновъ. Вызывали г. К. Дѣло было ясно, какъ день. Гласные еще болѣе возмутились поведеніемъ управы, чѣмъ д-ра К., и постановили какую-то довольно грозную резолюцію.

На другой день члены управы подписали увольненіе г. К. отъ службы.

Теперь мнѣ стыдно вспомнить про это. Если члены управы выказали недостатокъ гражданскаго мужества, согласившись сегодня написать то, чего не написали вчера, то вѣдь я въ этомъ болѣе виновенъ, чѣмъ они. Созывая частное совѣщаніе, я вѣдь рассчитывалъ на это. Заставляя ихъ мѣнять убѣжденіе, я поступалъ не лучше, чѣмъ они. Это одна сторона дѣла.

Другая сторона—это послѣ мною признанная неэтичность какого бы то ни было рѣшающаго акта частнаго собранія. Можетъ еще частное собраніе совѣщаться между собою, чтобы лучше освѣтить дѣло и принять резолюцію, обязательную для самого собранія. Но воздѣйствіе частнаго собранія на подчиненный органъ теперь мнѣ кажется безнравственнымъ. Признавая частное совѣщаніе въ этомъ смыслѣ, я часть этихъ правъ предоставлялъ тѣмъ самымъ каждому отдѣльному гласному. Это мнѣ же потомъ затруднило борьбу съ личностями, затруднило возможность признавать лишь думу, не желая знать отдѣльныхъ гласныхъ.

Все это мнѣ кажется яснымъ, но тогда все это не приходило мнѣ въ голову и не было кругомъ меня людей, которые меня бы надумили. Какъ дорого мѣткое слово. Теперь вѣдь мысль о частномъ совѣщаніи не можетъ придти въ голову, не напомнивъ великолѣпнаго сравненія Андроникова о вони, выносящейся изъ частной квартиры.

Чтобы дополнить характеристику г. К., долженъ еще указать, что долго онъ не далъ окончательнаго покоя своимъ невольнымъ сослуживцамъ.

На управу и думу онъ жаловался въ губернское присутствіе, которое оставило его жалобу безъ послѣдствій. Были и другія поданныя имъ жалобы административнымъ лицамъ.

Затѣмъ онъ началъ два длинныхъ процесса противъ акушеровъ, оба за клевету. Одинъ въ мировыхъ учрежденіяхъ за клевету на словахъ, другой въ окружномъ судѣ за клевету въ печати. Оба процесса прошли всѣ три инстанціи. Акушерки доказали, что онѣ не клеветали... Дѣла г. К. окончательно проигралъ.

Вообще надо сказать, что это типъ интересный не только для психолога, но и для психіатра.

Такая бесполезная борьба принесла мнѣ много вреда. Положимъ, мнѣ удалось доказать свою правоту и непристрастность. Я говорю, конечно, не про думу, а про ту часть общества, которую я считаю болѣе компетентнымъ судьей. Но дѣло не въ моемъ самолюбіи.

Дѣло это отняло массу времени, а главное, потребовало большой энергіи на совершенно ненужную борьбу. Но и это не главное.

Теперь острота дѣла прошла и въ немъ можно разбираться совершенно хладнокровно.

Оно испортило мои отношенія къ членамъ управы. Г. Смоленскій вскорѣ ушелъ. Офиціальныя отношенія съ г. Бѣлявскимъ особенно не пострадали.

Остается Д. Д. Арутюновъ. Если бы могло быть еще подозрѣніе, что члены управы дѣйствовали не по совѣсти—то это

было бы еще понятно. А то пріѣхаль бѣдный врачъ и уѣхаль такимъ же. Ни вопросъ національный, ни личныя отношенія не играли и не могли повидимому играть никакой роли. Наконецъ выгоднѣе для членовъ управы было бы стать на мою сторону. До сихъ поръ не могу понять психологическихъ мотивовъ, заставившихъ его дѣйствовать вопреки логики, его, человѣка несомнѣнно умнаго.

Можетъ быть не будь дѣла К. и Г. Арутюновъ не сыгралъ бы въ моей дѣятельности такую неблагоприятную для него роль. Потому что какъ-никакъ онъ создалъ то управское большинство, которое воздѣйствовало и на думу и вызвало рядъ моихъ поражений, а что еще хуже, остановку начатой работы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ январѣ 1903 года я поѣхаль въ Петербургъ по городскимъ дѣламъ. Много дѣлъ лежало у насъ громадной важности, такихъ, которымъ давно бы слѣдовало быть оконченными. Железная дорога много разъ расширяла свою станцію и свои пути и для этого отчуждала городскія земли. Дѣло это было страшно запутано и тянулось лѣтъ болѣе двадцати. Давно бы оно было окончено, будь у города агенты, способные работать иначе, какъ канцелярскимъ путемъ.

Любопытный примѣръ: какую-то важную бумагу пишетъ наша управа въ министерство путей сообщенія. По ошибкѣ дѣлопроизводителя или регистратора, бумага идетъ не въ Петербургъ, а въ Тифлисъ, въ управленіе закавказскихъ дорогъ. Долго удивлялись, что нѣтъ отвѣта и только черезъ два года узнали, въ чемъ дѣло. Подвинуть такое громадное полумилліонное дѣло было необходимо.

Предстояло еще возбудить нѣсколько ходатайствъ о злополучномъ органѣ печати, о сложеніи части расходовъ на полицію и другія.

Надо было подать жалобу въ сенатъ на одно распоряженіе о возвышеніи платы за ученіе въ гимназіи и реальномъ училищѣ и такъ далѣе. Но всѣ эти дѣла пустяки въ сравненіи съ главнымъ. Время шло, а разрѣшенія производить изысканія водъ въ Гильскихъ высотахъ еще не было. Впереди еще были переговоры главноначальствующаго, бывшаго тогда въ столицѣ, съ министромъ земледѣлія. Дѣло было страшно спѣшно, и я, доложившись думѣ, поѣхалъ. Наваливъ на меня кучу ходатайствъ, она меня отпустила охотно, хотя раздавались уже тогда голоса «каспійцевъ», что голова, кажется, хочетъ кататься.

Ходатайства я возбудилъ, представившись министрамъ и подавъ нужныя бумаги, жалобы въ сенатъ подалъ, съ положеніемъ дѣлъ сколько могъ ознакомился. Но все мое вниманіе въ Петербургѣ было, конечно, направлено на воду, и разрѣшеніе наконецъ если и не было еще официально получено, то, по крайней мѣрѣ, было обѣщано.

Считаю нужнымъ упомянуть про незначительный, повидимому, инцидентъ, происшедшій въ Петербургѣ. Читая газеты бакинскія, я въ одной реляціи думскаго засѣданія встрѣтился со слѣдующей фразой гласнаго Г. Г. Кянджунцева. Дѣло шло о желѣзныхъ рынкахъ, которые я предлагалъ купить по случаю у общества «Надежды», и которые очень нужны Баку. Два раза мы объ этомъ уже говорили. Окончательное рѣшеніе должно было быть безъ меня. Такъ вотъ гласный Кянджунцевъ и скажи:

— Теперь мы можемъ спокойно обсудить это дѣло. Не виситъ надъ нами кошмаръ головы.

Это слово въ устахъ Кянджунцева меня поразило. Надо его знать. Человѣкъ культурный, умный, говорящій логично, красиво—это гласный, котораго слушаютъ. Правда, онъ иногда кажется не такимъ, какимъ казался вчера, то онъ съ орлиной быстротой и смѣлостью поднимается на высоты, на которыя трудно за нимъ слѣдовать, то вдругъ останавливается передъ незначительнымъ пригоркомъ, который, казалось бы, по силамъ перейти мальчику. Слышать изъ его устъ про кошмаръ городского головы было для меня неожиданностью. Не кошмаръ

ли вся моя служба для господъ гласныхъ? Признаюсь, не ожидалъ.

Этотъ «кошмаръ» былъ точкой перелома для меня и для моихъ предназначеній. Ни думы, ни управы, я не узналъ. Точно дѣйствительно все предыдущее было кошмаромъ. Часто вспоминалъ я это пророческое слово гласнаго.

Въ первое же засѣданіе меня спросили, что я сдѣлалъ въ Петербургѣ; я рассказалъ, назвавъ поѣздку удачной, такъ какъ разрѣшеніе изысканій воды теперь обезпечено. Рассказалъ и про поданныя ходатайства. Часть гласныхъ находили или дѣлали видъ, что находятъ поѣздку совершенно неудавшеюся; они думали, вѣроятно, что стоить ходатайство возбудить въ Петербургѣ, чтобы оно было исполнено.

Но первая гроза разразилась въ засѣданіи 4-го марта. Я уже говорилъ, что хотѣлъ, если не сумѣю довести до конца изысканій воды Гильскихъ высотъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать изысканія на Шолларъ, стоящія пустяковъ. И я этого добился, протянувъ подъ разными предлогами изысканія Линдлеевскаго бюро. Всѣ это знали, но признаваться въ этомъ публично, по нѣкоторымъ причинамъ, я не могъ. Словомъ, не могу, конечно, сказать, что я дѣйствовалъ совсѣмъ правильно, но что значитъ эта неправильность въ сравненіи съ полученнымъ результатомъ? Ничего. Изысканія на Шолларъ какъ-никакъ сдѣланы. Я застраховалъ городъ Баку отъ скверной рѣчной воды.

Одной изъ неправильностей, мною примѣненныхъ, было удержаніе мѣсяцъ, другой, на службѣ служащихъ, которыхъ водопроводная комиссія постановила уволить. Я это долженъ былъ сдѣлать черезъ думу, а сдѣлалъ черезъ управу.

Такъ вотъ, 4 мая, этотъ вопросъ и подняли. Самый принципиальный изъ нашихъ гласныхъ Антоновъ его изложилъ. Вѣроятно, хотя вопросъ о взаимоотношеніи комиссій и управы въ законѣ темный, я бы, во избѣжаніе болтовни, призналъ бы свою ошибку, но не того хотѣла дума. Она за мою поѣздку въ Петербургъ накопила противъ меня столько зла, что ей хотѣлось

меня пробрать, и вотъ мнѣ начинаютъ читать правоученія, не идущія къ дѣлу вовсе.

Какъ приходится часто повторять, что совмѣщеніе должностей головы и предсѣдателя думы прямо невозможно! Два засѣданія гласные говорили вещи, къ дѣлу не идущія, два дорогихъ засѣданія пропали, а я ихъ остановить не могъ лишь потому, что меня ругали.

Нападали (говорю теперь перечитывая журналы и совершенно объективно) совсѣмъ несправедливо. Видно хотѣли что-то выкопать, но не умѣли или просто не могли. Нѣкоторые умные гласные, какъ Ирецкій, знали, что ихъ доводы слабы, но говорили сознательно, желая произвести впечатлѣніе на мало понимающихъ. Другіе, неумные гласные, думали дѣйствительно, что говорятъ золотыя слова и меня поучаютъ.

Передать все, чтѣ говорилось, нѣтъ физической возможности. Укажу на два главныхъ пункта обвиненій, которыя потомъ повторялись въ разныхъ тонахъ гаммы. Первое—обвиненіе меня въ деспотизмѣ. Будто я упразднилъ думу и управу и дѣйствую единолично, какъ диктаторъ. Напрасно я требовалъ фактовъ,— фактовъ я не получилъ. Началъ этотъ походъ г. Ирецкій, а развивалъ весьма длинно г. Бенкендорфъ (вообще, когда г. Бенкендорфъ бывалъ въ думѣ, онъ всегда говорилъ въ одномъ духѣ съ г. Ирецкимъ). Даже гласные, отъ которыхъ я вправѣ былъ бы ожидать и правдиваго и свѣтлаго взгляда на вещи, и тѣ толковали про деспотизмъ. Какъ примѣръ деспотизма, приводили факты нетерпимости, субъективизма, добровольнаго навязыванія своего мнѣнія,—но ни одного факта деспотизма. Между тѣмъ, упраздненіе думы, упраздненіе управы, ставилось мнѣ въ вину, хотя безъ той, или другой, я ни одного сторожа не уволилъ, а въ расходахъ позволялъ себѣ гораздо меньше, чѣмъ любой членъ управы. Видно было, что господа гласные очень единодушны. Не имѣя въ чемъ обвинять, они обвиняли въ выдуманномъ преступленіи.

Другой пунктъ обвиненія еще болѣе открылъ ихъ карты. Разговоры коснулись юрисконсульта Андроникова и мало-по-

малу перешли на тему новыхъ служащихъ. Меня начали упрекать, что я не беру мѣстныхъ. Долго, убѣдительно я имъ доказывалъ преимущества новыхъ людей, идейныхъ, передъ мѣстнымъ болотомъ, увы! Ясно было, чего имъ надо...

Наконецъ я понялъ, что такъ продолжать нельзя. Я рѣшилъ уяснить положеніе и по вопросу о юрисконсультѣ поставилъ вопросъ о довѣрїи. Начались крики, что я опять произвожу давленіе на думу. Тогда я вопросъ о довѣрїи отдѣлилъ отъ вопроса о юрисконсультѣ. Поставили ящикъ. Всѣ шары оказались бѣлыми...

И этого удовлетворенія мнѣ дать не хотѣли! Вѣдь клали шары и личные мои враги, явные и тайные. А между тѣмъ, всѣ шары были бѣлые...

А! ты новости заводишь? Такъ на тебѣ полное довѣрїе, а ты плясать будешь подъ нашу дудку...

Въ засѣданїяхъ, гдѣ приходится одному отгрызаться отъ всѣхъ, нервы бываютъ напряжены до послѣдней степени. Многіе невольно тебя раздражаютъ несправедливостью, нелогичностью. Другіе—враги, какіе похитрѣ тебя, нарочно выводятъ изъ себя. А тутъ совмѣстительство злосчастное, несдержанный характеръ. Прочитавъ отчеты засѣданія и памятью дополнивъ все, что происходило, я не могъ не признаться, что часто выходилъ изъ себя, а иногда не сознавался немедленно въ своей винѣ (конечно не въ деспотизмѣ). Я не люблю хранить на совѣсти свой грѣхъ, не покаявшись. Поэтому въ ближайшее засѣданіе я признался думѣ, что не былъ на высотѣ положенія, объяснилъ это совмѣстительствомъ въ одномъ лицѣ головы и предсѣдателя думы и предложилъ думѣ возбудить соотвѣтственное ходатайство, что и было исполнено. Какъ голова много разъ погрѣшившій, какъ предсѣдатель собранія повторяю, что никакой законъ такъ не нуждается въ измѣненіи во всемъ городскомъ положеніи, какъ законъ о совмѣстительствѣ.

II.

Одно изъ свойствъ нашей управы, свойство печальное—это рѣдко расходиться во мнѣніяхъ съ думой. Въ то засѣданіе, когда меня пробирали, М. А. Бѣлявскій по вопросу о моемъ деспотизмѣ, уже сдѣлалъ заявленіе, которое меня поразило. Его спрашивали гласные, почему онъ не ходитъ часто въ управу—мнѣ онъ говорилъ, что у него дѣла много—онъ отвѣтилъ:

— Да, мнѣ непріятно часто бывать въ управѣ.

Не ожидалъ такой выходки отъ человѣка, уравновѣшаннаго какъ М. А. Этихъ вещей не говорятъ, а если сказали, то поясняютъ. Некрасиво набросить тѣнь и не привести фактовъ.

Но не то еще меня ожидало въ управѣ.

Когда коллегія вѣдаетъ громадное хозяйство съ двухмилліоннымъ доходомъ и такимъ же расходомъ, естественно на счетахъ давать свою подпись, довѣряя тому отдѣленію, которое вѣдаетъ извѣстною отраслю. Словомъ, скажу читателю по секрету, мы часто счета подмахивали другъ другу, не читая. Извиненіемъ служить физическая невозможность все перечитать. Такъ вотъ теперь нѣкоторые члены управы, продолжая систему довѣрія между собой, къ моимъ счетамъ стали относиться съ крайнимъ недоувѣріемъ и отказывались подписывать счета моихъ дѣлопроизводителей иначе какъ по докладѣ ихъ мною устно въ коллегіи. Я подчинился, скрѣпя сердце. Во время устнаго доклада разспрашивали подробности, кто какъ производилъ дознаніе, докладъ, чѣмъ мотивированъ расходъ, законенъ ли и т. д., тогда подписывали. Разъ только отказались подписать какой-то пустой расходъ, притомъ законный и необходимый.

Въ это время было, кромѣ меня, всего три члена управы. Г. Сафаралиевъ считалъ, повидимому, себя принципиально обязаннымъ быть противъ меня, разъ дума противъ М. А. Бѣлявскій, кажется, не сознавалъ, что это придирки, и въ этомъ приливѣ внимательности видѣлъ нѣкое добро. Это внимательное отношеніе онъ лично отнюдь не думалъ и не хотѣлъ относить исклю-

чительно ко мнѣ. Д. Д. Арутюновъ посмѣивался и, что называется, по-русски „чванился“. Можетъ видаль читатель, какъ у насъ въ простонародьѣ „мудрятъ“ надъ молодыми „новобрачными“? Такъ вотъ онъ мудрилъ надо мною. И это ему доставляло очевидное удовольствіе. Думаю, что этимъ не стоило оскорбляться. Вѣдь не мнѣ должно было быть стыдно, какъ не стыдно теперь, а г. Арутюнову, который, очевидно, былъ бы радъ, чтобы всего этого не было. Мнѣ же надо было тогда отвѣтить на это полнѣйшимъ презрѣніемъ.

Тѣмъ не менѣе, меня это мучило и я не разъ подумывалъ бросить имъ мою цѣпь и уйти изъ этой коллегіи. Къ счастью, я удержался и заставилъ себя не только дѣлать видъ, что не замѣчаешь ихъ насмѣшки, но и выказывать готовность удовлетворить ихъ якобы законному любопытству.

Послѣ я спрашивалъ г. Арутюнова, зачѣмъ онъ это дѣлалъ. Онъ, улыбаясь и краснѣя, заявилъ, что надо было меня проучить и отучить отъ деспотизма.

Разъ онъ употребилъ по отношенію ко мнѣ одинъ весьма некрасивый педагогическій приѣмъ. Это было вслѣдъ за думскимъ засѣданіемъ, когда меня «высѣкли». Сидѣли мы въ управѣ при всѣхъ, при служащихъ, при корреспондентахъ. Завязался обычный тогда разговоръ о моемъ деспотизмѣ. Я требую фактовъ. Таковой приводитъ мнѣ г. Арутюновъ и при томъ самый неожиданный. Дѣло вотъ въ чемъ:

Нѣсколько дней передъ тѣмъ я ѣздилъ по городскимъ дѣламъ въ Тифлисъ. Полагается намъ за такія поѣздки по 25 рублей въ сутки, включая и прогоны. Я пробылъ въ дорогѣ четыре дня. Передъ отъѣздомъ, я взялъ авансомъ сто рублей. Возвращаюсь. Подходить ко мнѣ Легошинъ, временный бухгалтеръ, и спрашиваетъ: «Александръ Ивановичъ, какъ быть съ авансомъ?» Я былъ занятъ и отвѣчаю: «Спишите его весь на меня. Я ѣздилъ четыре дня». За каждымъ моимъ шагомъ, за каждымъ словомъ слѣдили. Г. Легошинъ, помощникъ бухгалтера, не новичокъ, старинный служащій, усмотрѣлъ или сдѣлалъ видъ, что усматриваетъ въ этомъ нарушеніе коллегіи и сообщилъ г. Ару-

тюнову. Ясно, что никакой коллегіи я нарушать не хотѣлъ. «Спишите авансъ» значило: «напишите постановленіе, дайте его на подпись членамъ, однимъ словомъ исполните требуемыя формальности». Ясно, очевидно, для всякаго было это и тогда, ясно и теперь.

Такъ нѣтъ же,—г. Арутюновъ, не имѣя другихъ примѣровъ деспотизма, указалъ на это. Выходило, что я что-то безъ управы велѣлъ списать, да еще себѣ. Сказано это было при прессѣ и при служащихъ.

Все это дѣлалось съ цѣлью меня смирить, уколоть, унижить.

И вотъ незамѣтно мы стали переходить на этотъ скользкій путь пререканій, подлавливанія другъ друга. Дѣло стояло часто изъ-за личныхъ споровъ, а то и рѣшалось противъ здраваго смысла, чтобы насолить мнѣ.

Я, конечно, могъ бы хуже имъ сдѣлать. Какъ предсѣдатель управы, я еще больше могъ копать въ ихъ дѣлахъ съ большей надеждой найти зло, котораго они хотѣли нѣсколько найти у меня. Но къ счастью, до такого оружія я ни разу не унизился, хотя имѣлъ на это кое-когда поползновеніе.

Къ сожалѣнію я не воздержался отъ другого. Я горячился. Доказывать, какъ это во всѣхъ отношеніяхъ вредно, не стоить. Чѣмъ больше я горячился, тѣмъ больше это удовлетворяло моихъ противниковъ. Значить, удары ихъ достигали цѣли. Они ихъ повторяли чаще и чаще. А я все больше горячился. Зло росло.

Какъ трудно было работать съ управой и вмѣстѣ съ тѣмъ какую невѣроятную силу имѣли гласные на членовъ управы, показываетъ слѣдующій анекдотъ. Разъ управа со мной согласилась относительно какого-то распоряженія по водопроводному дѣлу. Съ этимъ заключеніемъ управы, я это дѣло докладываю комиссіи. За мое предложеніе въ управѣ былъ Кямилъ-бекъ Сафараліевъ. Вечеромъ онъ сидитъ въ комиссіи. Большинство комиссіи противъ моего предложенія. Г. Сафараліевъ голосуетъ тоже противъ. Я его потомъ спрашиваю: «Какъ же вы утромъ голосовали за меня, а вечеромъ противъ?»

— Да, видите ли, гласные были противъ; не могу же я...

Это «не могу же я», по-моему, классически типично. Вотъ и убѣждай людей силой доводовъ и логики! Понятно поэтому, что, потерявъ думу, я потерялъ и управу. Когда я въ дѣлѣ Гусейнбекова и доктора К. два раза заставилъ управу подчиниться, обратившись къ частнымъ совѣщаніямъ гласныхъ, управа мнѣ подчинилась. Тогда-то я понялъ, насколько въ дѣлѣ Гусейнбекова я поступалъ дурно. Даже въ дѣлѣ К., хотя я безусловно былъ правъ, мнѣ не слѣдовало насиловать управу, а надо было добиться своего другимъ путемъ. Это очевидно. Я же обезличивалъ управу, заставлялъ ее смириться передъ частно выраженнымъ мнѣніемъ господъ гласныхъ. А потомъ удивляйся, что она, обезличенная, смирившаяся передъ ними, обернулась противъ меня, когда это сдѣлалось угодно гласнымъ. Что посѣялъ, то и пожнешь.

Это лучшее для членовъ управы объясненіе, какое я могу дать ихъ отношенію къ дѣлу.

III.

На почвѣ проучиванія меня управой, чтобы я не былъ деспотомъ, произошло такое уродливое явленіе, что ни объясненія, ни извиненія ему дать нельзя. Много крови оно мнѣ испортило, да и Богъ съ ней съ моей кровью, много зла сдѣлало само себѣ, много зла повлекло за собой...

Въ то время, когда составилось обо мнѣ думско-общественное мнѣніе, какъ о деспотѣ, преслѣдуемомъ бакинцевъ, когда въ думѣ произошло на этой почвѣ соединеніе всѣхъ партій и національностей,—естественно было объединиться противъ меня и управѣ. Одинъ Вѣлявскій, хотя тоже въ думѣ воспріавшій представленіе о моемъ деспотизмѣ, ни съ кѣмъ не объединился и всегда, повидимому, оставался болѣе или менѣе независимъ во мнѣніяхъ. Произошло же объединеніе господъ Сафаралиева и Арутюнова. Въ это время былъ выбранъ и утвержденъ г. Македонскій. Была ли малѣйшая надежда, что онъ тоже не «объеди-

нится»? Конечно не было. И вотъ это управское большинство— г. Сафаралиевъ, Македонскій и Арутюновъ вершили дѣла. Но дѣйствовали они дипломатично. Не очень раскрывая карты, они готовились нанести сильный эффектный ударъ. И нанесли.

Я уже говорилъ, что планъ нашъ съ г. Лаговскимъ былъ таковъ: пока онъ ознакомляется съ дѣломъ, подыскивать людей на должности участковыхъ архитекторовъ. Сначала на вновь открытыя думой двѣ новыя вакансіи, а затѣмъ на мѣсто старыхъ; набрался длинный списокъ мѣстныхъ кандидатовъ, предложившихъ свои услуги. Мы же съ г. Лаговскимъ остановились на двухъ кандидатахъ: одномъ—ему извѣстномъ честномъ, идейномъ земскомъ технологѣ, вынужденномъ перемѣнить мѣсто земское на другое, и на другомъ—инженерѣ путей сообщеній, много лѣтъ работавшемъ въ Сибири и имѣвшемъ лучшія рекомендаціи. Завѣдываль отдѣленіемъ новый членъ управы, Македонскій, во всемъ пока предоставлявшій полную волю г. Лаговскому. Въ дѣлѣ назначенія архитекторовъ обойти члена управы строительнаго отдѣленія, не посовѣтовавшись съ нимъ предварительно, очевидно, нельзя. Я какъ-то и говорю г. Македонскому:

— А пора, Борисъ Александровичъ, назначать на двѣ вакансіи архитекторовъ.

— Да, конечно! Я доложу завтра управѣ. А къ тому времени надо собрать весь списокъ желающихъ поступить къ намъ.

— Мы уже имѣемъ съ А. Ф. кандидатовъ подходящихъ.

— Да, но знаете, неловко. Будутъ говорить, что не всѣхъ имѣли въ виду. Это нужно для гласныхъ. Вѣдь вы знаете сами. Съ ними надо быть всегда аккуратнымъ съ внѣшней стороны.

Я привелъ разговоръ почти буквально. Впечатлѣніе получилось такое, что противъ нашихъ кандидатовъ членъ управы ничего имѣть не будетъ, но что долженъ быть сохраненъ внѣшній декорумъ.

Между тѣмъ, носились въ воздухѣ два имени. Когда магометанинъ кончалъ или кончаетъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, право его на мѣсто въ нашей управѣ считается тѣмъ самымъ непреложнымъ. И ко мнѣ, и къ Лаговскому являлся г.

Г. и рассказалъ, что онъ только-что кончилъ технологическій институтъ по химическому отдѣленію. Я было сказалъ ему, что химики намъ не нужны, и такъ какъ онъ просилъ какой-нибудь работы, то мы на этомъ и разошлись. Видно было, что всѣ татары хотятъ пристроить Г.

Но чтобы мнѣ въ голову пришла когда-либо мысль, что г. Г. будетъ добиваться мѣста участковаго архитектора или что возможность такого явленія будетъ допущена человѣкомъ, которому дѣло городское должно быть близко, какъ члену управы, этого не было и быть не могло. Подумайте: химикъ и при томъ безъ практики, прямо съ ученической скамьи—и участковый архитекторъ (они же составляютъ проекты) большого города съ особо тяжелой архитектурской работой. Вѣдь ничего въ этомъ нѣтъ общаго.

Другое имя носилось въ воздухѣ. Это имя г. Т. К. Молодой архитекторъ, онъ года два служилъ въ городѣ на архитектурской должности. Всѣ—и товарищи его, и управа, и гласные признавали, что онъ не на высотѣ положенія. Г-нъ Лаговскій, чтобы его не оскорблять, предложилъ закрыть эту временную должность. И вотъ г. Т. К. больше въ управѣ не служилъ. Но такъ какъ онъ лично считалъ, очевидно, себя на высотѣ положенія, то онъ и подалъ прошеніе о зачисленіи его на мѣсто участковаго архитектора.

Назвалъ ли кто этихъ двухъ господъ кандидатами на новую должность, или мы сами про нихъ говорили съ А. Ф. Лаговскимъ, какъ о самыхъ немислимыхъ кандидатахъ, но почему-то я именно ихъ и опасался.

Собралась управа въ полномъ составѣ. Былъ Лаговскій. Подавшихъ заявленія было 14 человѣкъ. Я прочелъ ихъ списокъ и назвалъ кандидатовъ главнаго инженера. Я и прежде, когда предвидѣлось разногласіе въ управѣ при назначеніи, предлагалъ разсматривать списокъ по системѣ исключенія, т.-е. вычеркивать тѣхъ, за кого никто не выскажется.

Начинаю читать списокъ. Я нарочно пропускаю своихъ кандидатовъ и гг. Г. и Т. К. Были между остальными люди, на ко-

торыхъ бы можно à la rigueur остановиться. Но всѣ единодушно вотировали противъ нихъ. Осталось четыре человѣка. Что нѣкоторые выскажутся за Г. и Т. К., въ этомъ я былъ увѣренъ, но никакъ не ожидалъ того, что случилось.

Пока говорилъ противъ меня одинъ г. Македонскій. Кямилъ-бекъ Сафаралиевъ молчалъ, Арутюновъ тоже молчалъ, не поднимая глазъ.

Еще разъ повторивъ про заслуги нашихъ кандидатовъ, называю одного изъ нихъ. М. А. Бѣлявскій за; тѣ трое—противъ. Мы вдвоемъ остаемся въ меньшинствѣ. По отношенію къ гг. Г. и Т. К. происходитъ обратное: мы двое противъ, тѣ—за.

Съ той минуты гг. Г. и Т. К. считались приглашенными на службу города.

Я посмотрѣлъ на Лаговскаго.

— Видно, намъ съ вами тутъ не мѣсто, Александръ Федоровичъ?

— Да, послѣ этого какая же работа?

И, тѣмъ не менѣе, мы остались оба. И до сихъ поръ не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ, что остался. Несостоятельность коллегіи выразилась въ этомъ назначеніи такъ ярко, что никакой дальнѣйшей надежды на плодотворную работу я сохранить не могъ. Наконецъ, долженъ признаться, работа просто дѣлалась непріятной.

Сошлись мы вечеромъ съ г. Лаговскимъ у меня. Еще пришелъ кое-кто изъ нашихъ. Порѣшили еще бороться.

Да не подумаетъ читатель, что я держался мѣста по какимъ-либо личнымъ соображеніямъ. Наоборотъ. Лично я былъ бы счастливъ уйти. Пріятно бороться съ открытымъ врагомъ, пріятно бороться за идею, а бороться, какъ выяснилось за послѣднее время, съ людьми, способными погубить дѣло своего города, какъ погубили строительное дѣло три члена управы, право же не интересно, а только утомительно дѣйствуетъ на нервную систему. Притомъ, борьба-то шла для нихъ не о дѣлѣ, а тѣмъ болѣе не объ идеѣ, а о мѣстахъ для своихъ.

Говорили о другихъ дѣлахъ, которыя я еще могу вынести

на своихъ плечахъ, напримѣръ, о водѣ. Неужели правда бросить воду, когда только что удалось убѣдить думу начать правильное изслѣдованіе, когда только-что получено на это изслѣдованіе разрѣшеніе властей?

Говорили о людяхъ, мною привлеченныхъ на службу городу. Послѣ меня, предполагалось, начнется на нихъ гоненіе. Многимъ придется уйти. Говорилось, наконецъ, что недостойно уходить вслѣдствіе дѣйствія отдѣльныхъ трехъ лицъ, хотя бы они составляли большинство нашей коллегіи.

Рѣшили, во всякомъ случаѣ, бороться и бороться до конца. Въ думу я долженъ былъ внести наше пререканіе съ управой. Хотя приглашеніе служащихъ дѣло управы, но я долженъ былъ просить думу постановить, что архитекторы приглашаются не иначе, какъ по представленію главнаго инженера.

Естественно, что нужно было сдѣлать большое усиліе надъ собой, чтобы заставить себя послѣ этого работать. Руки опускались. Строительному отдѣленію былъ поставленъ крестъ. Всякій интересъ къ тому, что въ немъ дѣлается, умеръ.

Остался до рѣшенія вопроса думой и А. Ф. Лаговскій.

IV.

Вопросъ этотъ страшно шумѣлъ и въ прессѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ. Надо было уяснить себѣ его какъ можно яснѣе, и за нѣсколько дней до думскаго засѣданія я собралъ соединенное засѣданіе нѣсколькихъ комиссій, почти столь же многочисленныхъ, какъ думское засѣданіе. Это засѣданіе отличалось рѣдкимъ единодушіемъ господъ гласныхъ. Гласный Антоновъ сказалъ, что худшаго выбора изъ 14 кандидатовъ нельзя было сдѣлать, но... все же управа дѣйствовала правильно. И засѣданіе комиссій, и думское все время отличалось тою же логичностью. Выбраны худшіе, говорилъ въ думѣ и гласный Тагіаносовъ, но это право управы. Говорили, что положеніе главнаго инженера съ навязанными ему помощниками невозможно; говорили, что и головѣ нельзя навязывать людей, отъ которыхъ онъ

только-что съ трудомъ отдѣлался. Но все же симпатіи всѣхъ были на сторонѣ большинства управы.

Всѣ ясно высказывали, что хотятъ бакинцевъ, а не пришельцевъ. Все ушло на задній планъ: и трудность имѣть хорошихъ людей въ Баку за маленькое жалованье и польза дѣла, все... давай намъ бакинцевъ да и только.

Больно и обидно было видѣть, какъ эти люди, которымъ ввѣрено городское хозяйство, сопротивлялись людямъ, со стороны къ нимъ пришедшимъ, заботиться объ ихъ же городѣ. Имъ слѣдовало бы слѣдить за нами, чтобы мы не увлекались кумовствомъ, а они же губили городское хозяйство, лишь бы имѣть при случаѣ возможность помѣстить своего человѣчка.

Въ комиссіи произошло два инцидента. Говоря о томъ, что изъ 14 кандидатовъ управа выбрала худшихъ, гласный Антоновъ кончилъ тѣмъ, что нельзя согласиться и съ приглашеніемъ двухъ «козловцевъ».

Меня это взорвало. Эти-то господа, пристраивающіе родственниковъ, знакомыхъ, выгнанныхъ своихъ служащихъ, къ городскому дѣлу, смѣютъ еще меня упрекать, что я назначаю «козловцевъ»... Фактически я опровергъ инсинуацію гласнаго, сказавъ, что во всей управѣ два-три писца есть мнѣ знакомыхъ изъ Козлова и только. Всѣхъ остальныхъ я никогда до Баку въ лицо не видалъ. Я назвалъ подлыми сплетниками и недобряками тѣхъ, кто позволяетъ себѣ распускать про меня такіе слухи.

Эти грубыя выраженія (направленныя, конечно, не въ присутствующихъ лицъ, а въ неизвѣстныхъ) строго порицались въ прессѣ. На это могу сказать лишь одно. Ступайте-ка, садитесь на мое мѣсто и проповѣдуйте англійское хладнокровіе, да не въ Англии, а въ Баку.

Другой инцидентъ еще любопытнѣе. Г. Хатисовъ, человѣкъ, пользующійся въ Баку большой популярностью, председатель Бакинскаго Отдѣленія Императорскаго Техническаго Общества, между прочимъ сказалъ, что если мы и пригласимъ хорошихъ техникувъ со стороны, то ихъ въ Баку живо переманятъ, давъ

лучшее вознагражденіе. Вѣдь и мы съ вами, прибавилъ онъ, уйдемъ, если дадутъ намъ нѣсколько лишнихъ тысячъ.

Я его остановилъ и просилъ говорить лишь за себя и позволилъ себѣ увѣрить его, что и за большія суммы не продамъ себя и не брошу дѣла, которому служу. Есть, говорилъ я, и другіе непродажные люди, которыхъ я и старался привлечь въ Баку.

Тогда послѣдовала знаменитая хатисовская фраза:

— Извините! (я: извиняю) я не лично васъ имѣлъ въ виду. Я сужу по себѣ. Можетъ быть изъ милліона и найдется одинъ, который не уйдетъ на лучшія матеріальныя условія. И тотъ будетъ болванъ.

Великолѣпное, чудное слово... Чтѣ я могъ отвѣтить, какъ не то, что просилъ его присоединить и меня, грѣшнаго, къ его болванамъ, отнюдь не дѣлая меня умнымъ по-хатисовски.

Человѣкъ, говорятъ, талантливый, популярный, говорить публично, что продаваться чуть ли не съ аукціона, дѣло всякаго умнаго человѣка... и всѣ молчатъ, всѣ симпатіи, хотя бы и скрытыя, на его сторонѣ—вотъ вамъ Баку и бакинцы. Даже фиговый листъ упраздненъ.

Формула, пропешдая черезъ комиссію, была предложена тѣмъ же г. Хатисовымъ и состояла въ слѣдующемъ: порядокъ назначенія архитекторовъ признать законнымъ, правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ, но на будущее время рекомендовать управѣ при назначеніи техниковъ соображаться съ мнѣніемъ главнаго инженера.

Я спросилъ Лаговскаго, удовлетворить ли его такая формула. Онъ отвѣтилъ отрицательно. Тогда и я сказалъ, что не удовлетворенъ. Чувствовалось, что въ думѣ будетъ то же.

Но къ думскому засѣданію положеніе для меня еще осложнилось. Наканунѣ пришло разрѣшеніе главноначальствующаго на гильскія изысканія. Понятно, что ни минуты нельзя было терять и на другой день надо было провести и это дѣло черезъ думу.

Въ тотъ же день собираю водопроводную комиссію и заявляю,

что надо имѣть особый исполнительный органъ для производства этихъ изысканій, что водопроводная комиссія слишкомъ многочисленна, и что поэтому она недостаточно подвижна.

Комиссія со мною соглашается единогласно, но поднимаетъ вопросъ о томъ, кто будетъ во главѣ этой маленькой исполнительной комиссіи. Начинаютъ говорить, что я обремененъ занятіями, что нужно особое лицо, которое всецѣло бы посвятило себя этому крупному дѣлу и т. д., словомъ, большинство высказывается за устраненіе меня отъ дѣла изысканій и за приглашеніе особаго платнаго или бесплатнаго предсѣдателя будущей трехчленной исполнительной комиссіи.

Итакъ, къ архитектурскому вопросу присоединился еще одинъ—водяной. Меня хотѣли отстранить отъ водяныхъ изысканій, мною же начатыхъ, отъ изысканій, отъ которыхъ дума долго отказывалась, и одно разрѣшеніе которыхъ стоило мнѣ столько хлопотъ.

Идя на думское засѣданіе, я былъ увѣренъ, что оно для меня послѣднее, и приготовилъ соответствующую рѣчь. Пресса тоже предвидѣла кризисъ. «Каспій» злорадствовалъ, сочувствовавшіе мнѣ два органа печати взывали къ гражданской доблести и уговаривали, чтобы не покидать поля сраженія.

Охъ, ужъ эта гражданская доблесть! Изъ-за нея я еще долго мучился въ бакинскомъ болотѣ до потери здоровья включительно и долго давалъ своимъ врагамъ пріятное удовольствіе намекать, что держусь грошей, получаемыхъ на службѣ. Болѣе тяжелой внутренней борьбы я не зналъ, какъ когда внутреннее достоинство подсказываетъ тебѣ, что пора уйти, а это самое гражданское мужество заставляетъ оставаться. Тяжела эта борьба, потому что нѣтъ объективнаго критерія, нѣтъ измѣрителя этихъ чувствъ, а субъективныя ощущенія—охъ! какъ растяжимы и въ ту и въ другую сторону.

Думская зала задолго до засѣданія была биткомъ набита народомъ; толпились въ сосѣднихъ комнатахъ, карабкались на окна.

Не безъ волненія я надѣлъ цѣпь.

Впередъ я пустилъ дѣло воды. Начался рядъ рѣчей. Кто касался лишь поставленнаго вопроса, какъ дѣло организовать, кто по обыкновенію уклонялся въ сторону. Повелъ главную атаку г. Ирецкій, всегда выступавшій противъ меня лишь въ важные моменты, когда была надежда меня свергнуть. Онъ началъ разговоръ о бесполезности изысканій, хотя началъ рѣчь съ того, что разъ дума постановила дѣлать гильскія изысканія, возвращаться къ этому нечего. Все это говорилось красиво, но бездоказательно, все говорилось для черной сотни.

Затѣмъ, при одобреніи многихъ, г. Ирецкій опять началъ говорить о моемъ деспотизмѣ, о томъ, что я «заставилъ» думу принять изысканія.

Когда я его спросилъ, чѣмъ же, наконецъ, я «заставилъ» думу дѣлать то, чего она не хотѣла, онъ отвѣтилъ:

— Гипнозомъ.

— Гипнозомъ,—повторили гласные Унановъ и Вачьянцъ.

Это слово должно бы быть величайшимъ моимъ торжествомъ. Когда несогласившіеся со мной жалуются на то, что я загипнотизировалъ думу, и когда этотъ гипнозъ продолжался и въ дѣлѣ воды и теперь,—значить, я еще не совсѣмъ бесполезенъ, значить я не деспотъ.

И про деспотизмъ и про гипнозъ говорили какъ будто серьезные люди.

Посыпались рѣчи о новомъ предсѣдателѣ. За новое лицо были самые интеллигентные гласные изъ армянъ. Причиной выставлялась трудность работы и то, что я заваленъ дѣлами.

Что могъ я говорить про себя? Я сказалъ, что если мнѣ укажутъ подходящее лицо, лучше чѣмъ я, то я преклонюсь передъ нимъ и передамъ ему дѣло съ восторгомъ. Пока же я такого лица не вижу, а среди гласныхъ его нѣтъ. Это можетъ быть было не совсѣмъ дипломатично, но вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь. Чувствовалась правда мною сказаннаго и самими гласными. Послѣ долгихъ преній, большинствомъ 25 противъ 8, предсѣдателемъ новой комиссіи остался я.

Чтобы я не зазнавался въ комиссіи, членами въ нее, кромѣ

гласнаго Гаджинскаго, котораго я просилъ назначить, выбрали все людей, несочувствующихъ моимъ водянымъ предначертаніямъ, даже Гасанъ-бека Меликова, открыто сознавагоса, что онъ будетъ мѣшать работѣ. Но все-таки это была побѣда въ главномъ бакинскомъ дѣлѣ.

И я снова увѣровалъ въ свои силы, не взирая на составъ комиссіи.

Побѣда была не маленькая. Протестовали открыто враги явные. Но чувствовалось, что изъ говорившихъ за меня многіе, если не всѣ, въ думѣ были противъ меня.

Тѣмъ не менѣе, я побѣдилъ. Во время перерыва мнѣ Лаговскій заявляетъ, что онъ съ г. Македонскимъ напелъ *modus vivendi*. Несостоятельность двухъ вновь назначенныхъ архитекторовъ должна была въ два-три мѣсяца проявиться настолько, что имъ, все равно, не пришлось бы долго служить. На будущее же время г. Македонскій обѣщался предлагать кандидатовъ управѣ лишь по соглашенію съ г. Лаговскимъ. Эта формула была принята и этимъ послѣднимъ. Разъ онъ былъ удовлетворенъ, чего же мнѣ-то было ломать копьѣ?

Водяная побѣда меня отуманила, и вдали мнѣ мерещилось, что и въ строительномъ отдѣленіи послѣднее слово можетъ быть будетъ за нами. Увы! въ этомъ я ошибся. Но архитекторскій конфликтъ былъ улаженъ.

Впрочемъ не совсѣмъ пока. Гг. Г. и Т. К. долго не утверждались въ должности губернаторомъ и, наконецъ, уже лѣтомъ, будучи на Волгѣ для отдыха, я прочелъ въ газетахъ, что они не утверждены. Очевидно губернаторъ, убѣдившись въ ихъ полной непригодности, хотѣлъ мнѣ помочь въ моей борьбѣ съ управой.

Но согласиться съ этимъ я никакъ не могъ. Во-первыхъ, такой путь всегда скользкій. Сегодня не утверждены дѣйствительно не подходящіе служащіе, завтра губернаторъ, можетъ быть, другой, не утвердитъ хорошихъ. Во-вторыхъ, я боялся упрека, хотя бы не заслуженнаго, что я губернатора объ этомъ просилъ. Хлопотало и большинство управы за своихъ ставленниковъ. Къ гу-

бернатору просить объ отмѣнѣ его рѣшенія ѣздилъ г. Сафараліевъ. Вернувшись изъ отпуска, просилъ о томъ же и я. Какъ-никакъ, губернаторъ свое veto сваялъ поздно осенью, и нашъ составъ усилился численно, если не иначе.

Такъ кончился союзный походъ трехъ членовъ управы противъ меня. Онъ убилъ строительное дѣло въ Бакинскомъ самоуправленіи. Больно и обидно за русскіе города, отданные на произволь кучекъ людей, способныхъ убить отрасль хозяйства, чтобы насолить товарищу.

Интересна психологія каждаго изъ этихъ господъ въ отдѣльности.

Думаю, что самый искренній изъ нихъ былъ г. Сафараліевъ. И я не удивлюсь, если бы оказалось, что онъ и теперь убѣжденъ, что не только исполнилъ свой долгъ, но даже проявилъ должное гражданское мужество.

Затѣялъ дѣло г. Арутюновъ (это я думаю). Но думаю тоже, что теперь онъ предпочелъ бы, чтобы эта страница изъ его дѣятельности была вычеркнута. Позже я «по душамъ» съ нимъ говорилъ. Онъ признавался, что изъ 14 кандидатовъ худшіе выбраны сознательно, и что это дѣлалось исключительно, чтобы меня «проучить». Потому я и назвалъ это педагогическимъ приемомъ.

Что касается г. Македонскаго, то онъ тоже и мнѣ и другимъ весьма охотно сознавался въ этой ошибкѣ и на словахъ собирался ее исправить, но на дѣлѣ ея не исправилъ.

V.

Прежде чѣмъ перейти къ слѣдующей сессіи 1903—1904 годовъ, надо упомянуть еще о двухъ думскихъ дѣлахъ. Выбрали ревизионную комиссію. Врядъ ли есть еще города въ Россіи, кромѣ Баку, гдѣ года три не было ревизіи. Когда-то была ревизионная комиссія, но свѣта Божьяго ея протоколы не увидали. Такъ и остались они въ дѣлахъ управы. Ревизоръ отъ рожденія, Гасанъ-бекъ Меликовъ винилъ управу въ преднамѣренномъ

сокрытіи этихъ драгоценныхъ документовъ... Одинъ изъ нихъ мнѣ попался въ руки. Чего-либо болѣе безцвѣтнаго, скучнаго, чѣмъ эти протоколы, нельзя было себѣ представить. Это скорѣе придирки къ опискамъ, чѣмъ ревизія. А сколько матеріаловъ для ревизіи могли бы найти эти господа въ управѣ, если бы умѣли искать. Обвинять же бывшую управу въ преднамѣренномъ сокрытіи ревизіонныхъ протоколовъ могъ только г. Меликовъ. Дума должна ей спасибо сказать, что пожалѣла думу и сберегла время.

Я давно говорилъ въ думѣ, что желательно для самой управы имѣть ревизіонную комиссію. Поговорили, выбрали цѣлыхъ 12 человекъ. Упрашивали долго. Кое-кого упростили. Хлопоталъ скрытый лидеръ оппозиціи Ирецкій. Говорилъ онъ хорошія рѣчи о томъ, что не сыскомъ должна заниматься ревизіонная комиссія, а должна помогать управѣ. Слова были прекрасныя, но чувствовалось другое: ну, братъ теперь держись!

Оказался выбраннымъ составъ разнообразный: три-четыре интеллигентныхъ гласныхъ съ г. Ирецкимъ во главѣ, неизбежныя гг. Меликовъ и Гаджіевъ, остальные больше для усиленія того, что скажутъ эти послѣдніе.

Сразу явилось въ засѣданіе семь человекъ. Остальные пять вовсе и не ходили, въ томъ числѣ интеллигенты. Начали горячо съ предсѣдателемъ г. Ирецкимъ во главѣ, окружили себя большой тайной, сдѣлали похода два на больницу и лѣчебницы, и кончилось тѣмъ, что г. Ирецкій подалъ заявленіе объ отставкѣ. Видно ничего добраго онъ отъ этой работы не ожидалъ.

Затѣмъ еще выбрали нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ въ помощь г. Меликову его товарища по «Каспію» Ахмедь-бека Агаева, а въ предсѣдатели попалъ русскій гласный г. Райченко, старый отставной чиновникъ губернскаго правленія. Попалъ онъ весьма неожиданно для кого бы то ни было, вѣроятно и для него самого. Избраніе его доказало только силу «каспійцевъ».

Съ этой минуты вся ревизія стала заключаться въ одномъ: изловить управу, а еще лучше меня въ какой-нибудь оплошности, а еще лучше, если можно, то и пустить обвиненіе въ

злоупотребленіи. Было, какъ мы увидѣли послѣ, и такое обвиненіе.

Въ маѣ 1903 года были празднества 200-лѣтія Петербурга. Съѣхались всѣ головы Россіи, но врядъ ли кого отпускали съ такими разговорами, какъ въ нашей бакинской думѣ.

Если земцевъ, писателей, адвокатовъ объединяютъ кое-какія организаціи, которыя даютъ имъ собираться и дѣлиться мыслями, то ничего подобнаго нѣтъ у городскихъ дѣятелей. Каждый городъ живетъ своей замкнутой жизнью, пользуется лишь своимъ опытомъ. Для нашего брата нѣтъ никакого обмѣна мыслей, ни въ литературѣ, ни въ устномъ общеніи между собой. Вдругъ судьба посылаетъ петербургскія торжества! Нужно быть лишеннымъ всякаго общественнаго чутья, чтобы не радоваться такому случаю. Собраться съ людьми, дѣлающими одно дѣло съ тобою, всегда даетъ надежду, что изъ этого можно извлечь пользу и для себя, и для дѣла. Бывшій земскій гласный, я понималъ значеніе съѣздовъ. Понятно, что я стремился въ Петербургъ.

Мнѣ въ голову не приходило, что могутъ быть препятствія.

О поѣздкѣ пришлось говорить въ думѣ по поводу адреса и подношеній. Составленный мною адресъ былъ принятъ большинствомъ, вмѣсто подарка рѣшено было установить бакинскую стипендію въ одномъ изъ столичныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Адресъ былъ самый обыкновенный. Ходили слухи довольно тревожные о судьбѣ самоуправления въ Петербургѣ, такъ какъ выработывался новый уставъ. Въ адресѣ бакинская дума желала петербургской думѣ восторжествовать надъ теченіями, обратными тѣмъ, которыя легли въ основаніе городского самоуправления.

Говоря объ адресѣ и подношеніи, я поднималъ вопросъ и о депутаціи, не сомнѣваясь, что депутатомъ назначать меня. Когда къ-то изъ гласныхъ было названо мое имя, гласный Топчибашевъ замѣтилъ, что я человѣкъ занятой, и что депутатами можно выбрать двухъ гласныхъ бакинцевъ, по своимъ дѣламъ жившимъ въ столицѣ.

Я понималъ, что г. Топчибашевъ хочетъ меня уколоть. Онъ всегда, повидимому, считалъ, что дума не тогда держитъ высоко

свое знамя, когда высоко поднимаетъ достоинство своего головы, а тогда, когда наоборотъ, унижая его, показываетъ свое право распоряжаться имъ, какъ своимъ наемникомъ. Но я не могъ стать на эту точку зрѣнія и отвѣтилъ, что я во всякомъ случаѣ поѣду.

— Хотя бы дума высказалась противъ?

— Хотя бы дума высказалась противъ.

— Какъ же такъ?

— Да такъ. Возьму отпускъ у губернатора и поѣду, потому что быть головой и не быть въ Петербургѣ, когда соберутся всѣ головы, я не считаю возможнымъ, какъ для достоинства бакинскаго самоуправления, такъ и для себя лично.

Тогда слышались голоса за то, чтобы я былъ депутатомъ.

— А на чей счетъ вы поѣдете?—слышался голосъ.

— Если дума ассигнуетъ деньги, то на думскій, если нѣтъ, то на свой. Мнѣ безразлично. Это вопросъ какихъ-нибудь четырехсотъ рублей.

Дума командировала меня. Вопросъ же о деньгахъ былъ рѣшенъ думой уже безъ меня. Когда я уже уѣхалъ, вопросъ былъ рассмотрѣнъ подъ предсѣдательствомъ замѣстителя.

Въ Петербургѣ меня ожидало горькое разочарованіе. Я ждалъ обмѣна мыслей, ловилъ случай видѣть коллегъ по службѣ и замѣтилъ, къ печали своей, что мѣняться нечѣмъ и не съ кѣмъ. Не даромъ есть «земець», но нѣтъ «городца». Видно нечего искать того, чему языкъ нашъ даже не подыскалъ соответствующаго слова.

Ждалъ поучиться муниципалитетному краснорѣчію. Слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ адреса другихъ городовъ и ничего не выслушалъ. Даже нашъ жалкій адресъ, который былъ бы однимъ изъ блѣдныхъ адресовъ русскихъ земствъ, кое-кому показался слишкомъ живымъ.

Съ чувствомъ грусти вернулся во-свои. Въ Петербургѣ мнѣ полиція привела одиннадцатилѣтнюю дѣвочку. Оказалась дѣвочка изъ Баку, дочь сапожника, окончившая въ Баку народную школу. Пріѣхала она поступать въ гимназію. Кто-то ее

направилъ прямо къ министру. Полиція ее перепроводила ко мнѣ, а я обратно доставилъ ее въ Баку. Въ гимназію она все-таки поступила. Добилась своего. Говорите послѣ этого, что перевелись Ломоносовы.

VI.

Съ перваго же сентябрьскаго засѣданія сессіи 1903—1904 г. опредѣлилось настроеніе думы. Меня буквально начали травить. Помню такой инцидентъ: такъ какъ мы, перешедши въ новый домъ, далеко не отдѣланный, должны были тѣсниться кое-какъ, и такъ какъ наиболѣе отдѣлкой запаздывалъ думскій залъ, то засѣданія думскія начали происходить въ залѣ сравнительно небольшомъ. Между тѣмъ, публика ломилась на засѣданія. Съ повѣстокъ думскихъ не сходили сенсаціонныя заглавія, предвѣщавшія бурю. А публика на бури падка. Желавшіе большею частью не вмѣщались въ залъ. Я ли велѣлъ сдвинуть скамейки гласныхъ, или сторожъ самъ ихъ сдвинулъ, чтобы больше мѣста отвести подъ публику—не помню. Помню только, что гласнымъ въ проходахъ приходилось тѣсниться. А толстый человѣкъ вовсе не могъ пройти, такъ что двумъ-тремъ сидящимъ приходилось привставать, чтобы его пропустить. Сейчас вскакиваетъ гл. Гасанъ-бекъ Меликовъ и заявляетъ о томъ, что гласнымъ тѣсно. Черезъ пять минутъ кто-нибудь входитъ, новое заявленіе о пренебреженіи къ гласнымъ. Вскорѣ еще слышится ропотъ. Жалуются, что преднамѣренно публикѣ отдано предпочтеніе передъ гласнымъ-хозяиномъ.

Но это представленіе гласныхъ о себѣ какъ о хозяевахъ, о которомъ я уже писалъ, проявлялось не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Гласный (конечно, не всякій) считалъ себя вправѣ идти въ любое отдѣленіе, къ члену управы, къ любому служащему и требовать немедленнаго исполненія его личнаго дѣла. Такъ уже было заведено, что для гласнаго во всякое время открыты всѣ двери, всѣ столы, всѣ книги. Дѣло гласнаго или дѣло человѣка, за котораго гласному угодно было хлопотать,

дѣлалось немедленно. Земельныя дѣла лежали годами, а стоило гласному похлопотать, чтобы таковое и въ повѣстку было внесено внѣ очереди, и немедленно разсмотрѣно. Таковъ былъ порядокъ. И я долженъ сознаться, что первое время не могъ слишкомъ круто перевернуть этотъ порядокъ. И ко мнѣ являлся гласный и при мнѣ требовалъ дѣло, и много дѣлъ немедленно рѣшалось. Только тогда я могъ начать противодѣйствовать такому порядку, когда почувствовалъ опору въ третьемъ элементѣ. Гласный, какой посмѣлѣе, нѣтъ-нѣтъ да и нарвется на исторію съ какимъ-либо служащимъ. Нѣкоторые изъ лучшихъ служащихъ стали имъ въ лицо говорить, что гласный также долженъ ждать своей очереди, какъ и всякій другой обыватель. Сначала раза два-три ко мнѣ приходили жаловаться, и я не могъ не оправдать служащаго. Это придало и мнѣ бодрости, и мало-по-малу всякія привилегіи гласнымъ въ кабинетѣ головы исчезли. Уменьшились, хотя и не исчезли они, кажется, и въ кабинетахъ членовъ управы. Воздухъ мало-по-малу очищался. Хозяева оставались на словахъ въ думскихъ засѣданіяхъ, но увы! приказчики переставали ихъ бояться, признавая лишь одну хозяйку—безымянную думу.

Естественно, что такая ломка старыхъ порядковъ большинству не нравилась. Не нравилась она даже интеллигентнымъ гласнымъ. Только лучшіе поняли, что я правъ, и не дѣлали даже попытокъ вліять на дѣла иначе, какъ въ думѣ или комиссіяхъ. Зато тѣ, которые имѣли прежде громадное вліяніе на дѣла лишь окольными путями, тѣ меня возненавидѣли до послѣдней степени и въ своей ненависти дошли до поведенія прямо неприличнаго. Я говорю про редакцію «Каспія». За смертію одного изъ гласныхъ мусульманъ въ думу вошелъ кандидатъ къ гласнымъ Ахмедъ-бекъ Агаевъ, главный послѣ гг. Топчибашева и Меликова дѣятель «Каспія». И вотъ эти господа начали противъ меня удивительный походъ не только на столбцахъ своей газеты, но и въ думѣ. Оговариваюсь: второе полугодіе 1903 г. г. Топчибашевъ по болѣзни почти не посѣщалъ думу, такъ что ему всего два-три раза пришлось пускать въ меня свои стрѣлы.

Каждое почти засѣданіе начиналось съ заявленія Гасанъ-бека Меликова или о неудобствѣ размѣщенія скамеекъ, или о томъ, что холодъ въ залѣ мѣшаетъ гласнымъ заниматься и т. д. Затѣмъ по рѣдкому вопросу Гасанъ-бекъ Меликовъ не говорилъ разъ, два, три... Каждый самый пустой вопросъ разсматривался по формѣ, по существу, съ исторической и всякихъ другихъ точекъ зрѣнія. Забывалась Гасанъ-бекомъ Меликовымъ одна точка зрѣнія—правдивая. Все сводилось къ тому, что Новиковъ никуда негодный голова, что управу надо подъ судъ.

Докладываешь постановленіе училищной комиссіи или водопроводной комиссіи. Гласный Гасанъ-бекъ Меликовъ непременно встаетъ и начинаетъ говорить, что или комиссія была въ неудовлетворительномъ, по его мнѣнію, составѣ, или что рѣшено какъ разъ обратное тому, что я докладываю. Гласный не смущался, если отъ другихъ членовъ комиссій получалъ безусловное опроверженіе.

Весьма тяжелое свойство г. Меликова было то, что онъ во всемъ видѣлъ зло и злоупотребленіе; притомъ особенно онъ много зла видѣлъ тамъ, гдѣ было наиболѣе добра. Въ наслѣдство я при вступленіи получилъ два дѣла по обвиненію служащихъ управы, гг. Васильева и Терентьева, въ злоупотребленіи. Производились длиннѣйшія дознанія, шли долго разговоры въ думѣ и кончились тѣмъ, что гг. Васильевъ и Терентьевъ были признаны невиновными. Тяжелое положеніе служащихъ самоуправленій. Служилъ себѣ вѣрой и правдой, и вдругъ человѣку захочется тебя облаять и сказать, что ты воръ. Смолчать—обидно. Идти въ судъ—во-первыхъ процедура слишкомъ длинна; во-вторыхъ, человѣкъ, тебя оклеветавшій, несмотря на очевидность клеветы и нелѣпость обвиненія, задрапируется въ тогу отца города, пекущагося о дѣтищѣ, и благодаря тому выйдетъ сухъ изъ воды. Онъ-де радѣлъ объ общемъ благѣ...

Долженъ отдать справедливость г. Меликову. У него были два качества. Онъ былъ неутомимый членъ всѣхъ возможныхъ комиссій, первый на мѣстѣ, послѣдній при выходѣ. Можетъ быть, имъ руководило желаніе найти мои или управскія Ахиллесовы

пяты, можетъ быть въ немъ надо было видѣть и репортера «Каспія», но какъ-никакъ, непремѣнный членъ всѣхъ комиссій былъ драгоцѣненъ.

Другое неоспоримое свойство его—это то, что онъ, хотя длинно и пристрастно, но всегда говорилъ о дѣлѣ, не уклоняясь въ стороны. Онъ умно говорилъ, и я, признаюсь, не безъ удовольствія слушалъ его рѣчи. Видишь, что все это неправда, что онъ хочетъ тебѣ или другому кому сдѣлать непріятность, что не пользы дѣла онъ ищетъ, а добивается своей цѣли,—но тѣмъ не менѣе долженъ отдать ему справедливость, его можно было слушать безъ гримасы.

Зато совершенно правильно заявилъ гласный Агаевъ, что я дѣлаю гримасы, когда онъ говоритъ; грѣшный я человѣкъ: дѣлалъ гримасы! Какъ ни старался, отъ этой дурной для предсѣдателя привычки не могъ отдѣлаться, даже послѣ его замѣчанія. Но зато, Боже мой! возьмите всю злобу Гасанъ-бека Меликова, безъ его умѣнья не отвлекаться въ сторону, и смѣшайте эту злобу съ полной враждой къ логикѣ и вы получите рѣчь г. Агаева. Никогда вы не знаете, когда онъ встаетъ, чѣмъ онъ кончитъ, и куда его унесетъ неудержимое желаніе васъ поразить. Каменный человѣкъ одинъ могъ бы удержаться отъ гримасы. А я вѣдь далеко не каменный. Но пока довольно: мы встрѣтимся съ этими господами при разсмотрѣніи отдѣльныхъ дѣлъ.

Для меня главное было не ихъ отношеніе ко мнѣ. Я всегда думалъ, что очень полезенъ для дѣла и лично для головы такой органъ, какъ «Каспій», такіе гласные, какъ Меликовъ, какъ Агаевъ. Зло, тѣмъ болѣе зло нелѣпое, должно вызвать въ видѣ реакціи добро. Поэтому для меня важный вопросъ составляли не эти господа, которые своимъ поведеніемъ отъ меня ничего кромѣ благодарности не получили; мнѣ нужно было знать, насколько сильно ихъ влияніе на менѣе культурную часть гласныхъ-магометанъ. Я чувствовалъ, что дѣйствительной почвы къ походу противъ меня у моихъ враговъ нѣтъ. Свидѣтельствовать объ этомъ можетъ ничтожность моихъ грѣховъ, которые они разду-

вали чуть ли не до преступлений, а также и то, что, не имѣя поводовъ къ нападкамъ, они ихъ создавали.

Въ нѣсколькихъ статьяхъ «Каспія» они употребили противъ меня весьма некрасивое оружіе. Они стали намекать на мою вражду къ мусульманамъ. Болѣе несправедливаго, а потому и болѣе некрасиваго способа борьбы они изобрѣсти не могли. Они, какъ и всѣ, знали, что я къ національной враждѣ неспособенъ; что я не могу поддерживать старыхъ порядковъ, при которыхъ мусульмане замѣщали платныя должности лишь потому, что они мусульмане, хотя бы совсѣмъ были неподходящи; что въ дѣлѣ народнаго образованія я всегда давалъ, при назначеніи стипендій, пособій и пр., преимущество татарамъ, хотя бы другіе бѣднѣе ихъ, потому что татары болѣе нуждаются въ образованіи...

Тѣмъ не менѣе въ ихъ газетѣ стали появляться намеки между прочимъ по поводу отставки Гусейнбекова, что я преслѣдую «бековъ» и «оглы». А разъ рѣшились это напечатать, то можно ли было думать, что они этого отравленнаго оружія не пустятъ въ ходъ и въ частной бесѣдѣ? Очевидно на этой почвѣ готовился противъ меня походъ. И дѣйствительно я убѣдился, что мусульмане противъ меня. Отдѣльныя недоброжелательныя фразы гласныхъ, прежде молчавшихъ, голосованія, гдѣ всѣ татары вставали, какъ одинъ человѣкъ, въ вопросахъ, допускавшихъ различныя мнѣнія, показывали, что многіе изъ прежде молчавшихъ сознательно были противъ меня вооружены, и что, кромѣ того, составилъ тѣсно сплоченный дисциплинированный кружокъ. При голосованіи коноводы осматривали всѣхъ своихъ, и громкимъ шопотомъ «вставайте» давали сигналъ. «Дурунъ- айага», т.-е. «вставайте»—одно изъ немногихъ татарскихъ словъ, которымъ я выучился. Такъ часто этотъ приказъ слышался въ думѣ.

Для полноты картины приведу здѣсь еще гласнаго Мехтибека Султанова, гласнаго тоже аккуратнаго, рѣчистаго и не участвовавшаго ни въ одной комиссіи. Это отъ природы антиуправецъ, противъ всякаго расхода. Служа переводчикомъ съ татарскаго на русскій языкъ въ губернскомъ или полицейскомъ

управленіи, онъ всегда точно нарочно старался быть грубѣе по отношенію ко мнѣ и оттѣнить свою роль хозяина по отношенію къ приказчику. Публичныя замѣчанія въ родѣ того, что управа и голова не смотрять за тѣмъ, что гласнымъ холодно или неудобно, что плохо разсылаются повѣстки и тому подобныя замѣчанія распорядительнаго характера. По рѣдкому вопросу г. Султановъ не вставалъ и не говорилъ, но заранѣе можно было знать, что онъ скажетъ. Противникъ всякихъ расходовъ, онъ находилъ, что безъ докторовъ, безъ архитекторовъ, безъ бухгалтеровъ жилось прежде гораздо лучше. Если могла быть понятна ненависть гласнаго къ бухгалтеріи, кое на что раскрывающей глаза, то надо было согласиться, что г. Султановъ и о докторахъ говорилъ отъ души, такъ какъ кажется и въ частной жизни ихъ не признавалъ, находя, что мѣстные знахари «Акимки» много лучше помогаютъ...

Къ этой партіи примыкали нѣкоторые русскіе.

Кромѣ председателя ревизіонной комиссіи Райченко, всегда съ мусульманами голосовалъ еще русскій гласный Никитинъ, гласный старинный и весьма замѣчательный. Онъ родился много лѣтъ назадъ въ Баку и по-татарски говорилъ несомнѣнно лучше, чѣмъ по-русски. Всегда первый въ думскомъ залѣ, онъ часто выходилъ курить, только не въ курительную комнату, а всегда въ переднюю. Говорилъ онъ часто въ думѣ, но говорилъ такъ, что его рѣдко можно было понять. Но при этомъ никто и не старался его понять, и не только я, но и прежніе головы. Говорилъ онъ всегда, несмотря на это, горячо и всегда голосовалъ противъ меня.

Впрочемъ виноватъ. Разъ онъ говорилъ такъ, что его поняли; по крайней мѣрѣ если не всю рѣчь, то хоть одно слово. Говорили о фонаряхъ съ номеромъ дома, которые предполагалось повѣсить передъ домами. На этихъ же фонаряхъ предполагалось выставить номеръ дома по общей для всего города нумераціи. Это очень полезно было бы для телеграммъ. Напримѣръ: вмѣсто «Баку, Водовозная, домъ Тараева», достаточно было бы написать: «Баку, 243». Словомъ, предложеніе было хорошее,

при чемъ гласные-домовладѣльцы его провалили, такъ какъ это бы стоило имъ нѣсколько рублей въ годъ. Да не въ этомъ дѣло. Гласный Никитинъ, сильно возставая противъ разорительныхъ для домовладѣльцевъ фонарей, сравнилъ будущіе дома, украшенные фонарями, съ непотребными домами. Такъ эти самые дома онъ назвалъ такимъ площаднымъ терминомъ, который не только публично, но и глазъ на глазъ благовоспитанными людьми не произносится. Я могъ его остановить, но сконфузился. Было бы еще хуже обращать вниманіе на это. Но и этого мало. Такъ господина Никитина волновалъ вопросъ о фонаряхъ, что онъ произнесъ на эту тему вторую рѣчь и вторично употребилъ площадное слово, притомъ громко и необычайно членораздѣльно. Я опять промолчалъ: такъ стыдно было на этомъ останавливаться въ присутствіи женщинъ, сидѣвшихъ въ рядахъ публики.

Въ комиссіяхъ г. Никитинъ не работалъ. Прежде, впрочемъ, я изъ исторіи водопроводнаго дѣла узналъ, что онъ въ водопроводной комиссіи былъ и не отсчитался въ какихъ-то деньгахъ, за что и получилъ порицаніе думы. Не знаю, послѣ этого ли или по другимъ причинамъ, комиссіи для него закрылись.

Этимъ ограничивались мои активные враги татарско-русской партіи. Остальные выражали свои симпатіи лишь вставаніемъ или сидѣніемъ при открытомъ голосованіи и шаромъ при закрытомъ.

Особнякомъ стояли гг. Ирецкій и Бенкендорфъ, изъ коихъ первый былъ врагомъ долго скрытымъ, но затѣмъ сбросившимъ маску, а второй врагомъ, врядъ ли знающимъ самъ почему. Но о нихъ потомъ.

VII.

Я уже сказалъ, что нападки, въ особенности нелѣпыя, должны вызвать реакцію. Эта реакція была, но была въ высшей степени слабая. Вся сессія 1902—1903 года, мною описанная, особенной партійности не вызвала. Сначала, первое полугодіе, вся дума меня поддерживала. Затѣмъ, второе полугодіе, всѣ въ меня бро-

силы укоръ, что я избѣгаю мѣстныхъ людей, всѣ были противъ меня. Дифференціація была неизбежна осенью 1903 года. И вотъ, когда магометане сплотились противъ меня, сплотились ли армяне за меня? Увы, нѣтъ! Не было вражды, не было и сплоченной поддержки. Я уже не говорю про армянъ, близкихъ къ татарамъ, какъ не говорилъ про татаръ далекихъ отъ «Каспія» (есть и такіе). Всѣ центры часто вершатъ судьбами собраній. Такъ и этотъ центръ. Двѣ семьи Сафаралиевыхъ и Айвазовыхъ по всѣмъ вѣроятіямъ играли все время рѣшающую роль. Каждая изъ нихъ имѣла въ управѣ по одному члену (Кямиль-бекъ Сафаралиевъ и Македонскій), и хотя настроеніе послѣдняго полугодія дѣлало существованіе центра труднымъ въ виду того, что сама жизнь вызывала объединеніе крайнихъ элементовъ, тѣмъ не менѣе судьба моя и направленіе дѣлъ въ думѣ всецѣло были въ рукахъ этихъ господъ. Г. Сафаралиевъ совсѣмъ, повидимому, ступевывался и въ думѣ не говорилъ никогда, въ комиссіяхъ не участвовалъ, но сила его чувствовалась. Когда, напримѣръ, происходилъ крупный инцидентъ, всѣ, переговариваясь, старались узнать: «А что Исмаиль-бекъ?» Г. Айвазовъ былъ откровеннѣе и въ думѣ говорилъ отрывочными, правда, но рѣзкими словами. Онъ въ финансовой комиссіи участвовалъ, и сила его была неоспорима. Если большинство мусульманъ—природные бакинцы, то армяне всѣ поголовно пришельцы изъ Шуши, Шемахи и другихъ городовъ. Только Меликовъ (Амбарцумъ) да братья А. и С. Айвазовы—природные бакинскіе армяне. Для гг. Айвазовыхъ это служить большимъ козыремъ въ глазахъ магометанъ. Эта близость ихъ къ татарамъ страшно чувствуется и на выборахъ, и вездѣ. Исмаиль-бекъ Сафаралиевъ тоже какъ будто ближе къ армянамъ, чѣмъ другіе татары. Напримѣръ, 6 января, въ армянскій главный праздникъ Крещенія, я встрѣчалъ имя одного татарина въ числѣ пожертвовавшихъ на армянское благотворительное общество—имя Сафаралиева. Тѣ же господа, Сафаралиевъ и Айвазовъ, были директорами общества взаимнаго кредита. А кто не знаетъ силу кредита? Иногда я прямо получалъ приказанія отъ думскаго центра. Такъ было съ г. Г. мусульманиномъ,

котораго управа выбрала въ архитекторы. Кямиль-бекъ мнѣ прямо разъ сказалъ: «а Г. надо дать мѣсто».

— Почему,—говорю я,—надо?

— Надо! Ужъ вы мнѣ повѣрьте.

— Никакихъ такихъ «надо» я не признаю.

— Ну, дѣло ваше. Я вамъ сказалъ. Хуже будетъ.

И хуже вышло. Г. Г. назначень, всѣ мои надежды, что-либо сдѣлать изъ строительнаго отдѣленія, рухнули.

Такія же приказанія исходили и изъ армянской части центра. Разъ приходитъ ко мнѣ г. Македонскій и говорить, что надо дать мѣсто нѣкому П.

— Кто такой П.

— Это очень почтенный чиновникъ, прослужившій чуть-ли не тридцать лѣтъ въ одномъ казенномъ учрежденіи (называетъ его). Теперь онъ, вслѣдствіе несправедливой ревизіи, потерялъ мѣсто.

По мѣсту его службы, я понялъ, что это бывший сослуживецъ одного изъ воротиль центра.

— Вѣдь мѣстъ нѣтъ. Вѣдь на мѣсто ниже дѣлопроизводителя онъ не пойдетъ.

— Да, но, вѣроятно, будетъ скоро мѣсто. Ему надо помочь.

Очевидно готовы были и прогнать кого-либо, чтобы очистить мѣсто П.

— Вотъ что, Борисъ Александровичъ, знайте, что пока я головой, г. П. мѣста у насъ не получить. Управа съ трудомъ отдѣлалась отъ пенсионеровъ, а вы предлагаете ей еще брать одного. Во-первыхъ мы изъ-за вашего пріятеля никого не прогонимъ. Во-вторыхъ, если бы случайно вакансія и открылась, мы бы ее замѣстили не господиномъ П.—Понятно, что такихъ рѣчей мнѣ центръ не прощалъ.

Насколько центръ былъ прочно объединенъ и какъ онъ вліялъ, видно изъ примѣра этого П. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего разговора съ г. Македонскимъ, Натансонъ мнѣ говорить:

— А знаете, А. И., мнѣ Кямиль-бекъ сегодня сказалъ, что матеріальная часть при одномъ условіи можетъ пройти чрезъ думу.

— Какъ? вы еще надѣетесь послѣ двойного провала?

— Да. Онъ мнѣ сказалъ, что эту реорганизацію можно бы провести, если бы назначить поменьше должностей и при условіи, если во главѣ поставить не Кардашева, какъ мы хотѣли, а нѣкоего П., какого-то чиновника.

Я рассказалъ Марку Андреевичу разговоръ съ г. Македонскимъ.

Вотъ отъ чего зависѣли въ думѣ самые лучшіе проекты. И не даютъ ли такіе случаи мнѣ право считать центръ почти все-сильнымъ? Онъ таковымъ и былъ. Все зло исходило оттуда. Привычка распоряжаться полными хозяевами не могла не наткнуться на сопротивленіе какого-то головы, который вздумалъ дѣйствовать по-своему. Скрѣпя сердце, мнѣ приходилось иногда подчиняться приказаніямъ. Приведу случай. Мы уже были въ полномъ разладѣ. По телефону меня вызываетъ г. Македонскій и говорить, что «надо» снять съ очереди въ ближайшее думское засѣданіе одно личное дѣло. Я отвѣчаю, что по-моему «не надо».

— Просить Александръ Григорьевичъ Айвазовъ.

— Пускай просить. Я не сниму.

— Онъ съ вами самъ сейчасъ поговорить.

Слышится въ телефонъ голосъ самого Айвазова. Онъ просить дѣло отложить, потому что боленъ Исмаиль-бекъ Сафаралиевъ. Хотя я прекрасно зналъ, что дѣло не въ болѣзни, а въ томъ, что не столковались; хотя болѣзнь одного гласнаго, очень рѣдко бывающаго въ думѣ, не можетъ служить причиной откладыванія дѣла, тѣмъ не менѣе я отложилъ дѣло. Сдѣлалъ я это потому, что прекрасно зналъ, что, назначъ я это дѣло по очереди, въ думѣ поднялся бы крикъ, и въ концѣ концовъ я все равно былъ бы вынужденъ уступить. Я чувствовалъ, что они добились бы своего. Лучше было согласиться безъ лишняго шума.

Подведу итогъ: явно—оппозиціонна была группа «каспійцевъ», не разбиравшая, гдѣ правда и гдѣ ея нѣтъ, не стѣснявшаяся въ средствахъ, лишь бы мнѣ повредить. Можетъ быть, они дѣйствительно думали, что я, не подчиняясь имъ, оскорбляю все мусульманство. Это было бы лучшее для нихъ объясненіе. Къ этой группѣ присоединились мои личные враги и конкуренты.

Затѣмъ была группа центра, дисциплинированная, болѣе уравнивѣшенная, но, подѣ конецъ, тоже мнѣ враждебная. Это партія самая «бакинская» — бывшіе поставщики служащихъ управы. Они возненавидѣли меня, когда лишились возможности сплавлять въ городъ всякихъ людей, которымъ нигдѣ мѣста не находилось.

Независимая часть гласныхъ, люди, видящіе разницу между своимъ дѣломъ и общественнымъ, сплочены не были. Вспоминаю гласнаго Асрибекова, возмущеннаго рѣчью г. Агаева и ему отвѣтившаго по заслугамъ; вспоминаю г. Уанова (онъ не разъ пытался меня защитить); возразившаго г. Бенкендорфу на его личные нападки противъ меня, что не къ лицу ему такъ нападать и при томъ напрасно, когда онъ самъ причинилъ своей безпечностью городу убытокъ въ 250.000 рублей. Больше и вспоминать нечего. И эти два раза никакого отклика ихъ защита не имѣла.

VIII.

Въ это время произошелъ большой переломъ въ моихъ симпатіяхъ къ армянамъ. Прежде армянинъ былъ человѣкъ, пользующійся такими же правами, какъ и я, а во времена Лорисъ-Меликова и Делянова пользовавшійся въ нѣкоторыхъ министерствахъ и преимуществомъ передо мной, русскимъ. Величко позаботился о томъ, чтобы умалить ихъ права въ нѣкоторой мѣрѣ. Закрыты были армянскія школы, такъ содѣйствовавшія сближенію армянъ съ русскими. По мѣрѣ работы Велички (это имя стало нарицательнымъ на Кавказѣ, синонимомъ злобной политики сѣянія раздора между армянами и грузинами, ставшей омерзительной теперь не только первымъ, но и вторымъ). По мѣрѣ его работы, говорю я, права армянъ все умалались, пока, наконецъ, ихъ пришлось невольно сравнивать съ евреями.

Не случилось ли вамъ, читатель, идти съ любимымъ вашимъ четырехлѣтнимъ сыномъ и встрѣтить такого же возраста нищенку въ лохмотьяхъ при морозѣ? Не случилось ли вамъ въ этихъ

случаяхъ поскорѣе помочь этому маленькому нищенкѣ, при чемъ въ эту секунду вамъ его было жалче, чѣмъ собственнаго сына? Не естественно ли отнять у сына яблоко, хотя бы онъ плакалъ при этомъ, и отдать голодному? Успѣешь, молъ, дома сколько хочешь получишь, а онъ голоденъ, несчастный.

Не то ли же самое ощущается, когда, напримѣръ, сравниваешь русскаго крестьянина и бѣднаго еврея? Люблю я его этого русскаго крестьянина, чортъ знаетъ какъ. Жалокъ онъ мнѣ въ своемъ невѣжествѣ, въ своемъ пьянствѣ, въ своей безпомощности. Милъ мнѣ потому, что намъ нечего другъ къ другу приспособливаться, ибо мы уже приспособлены. Но... часто мнѣ милѣе даже невѣжественный пейсатый еврей, когда мнѣ приходитъ мысль, что русскій крестьянинъ можетъ учить своего сына, а еврей и того не можетъ, что русскій крестьянинъ, если ужъ очень тѣсно ему придется, возьметъ да переѣдетъ въ Томскую губернію, а еврей не можетъ выйти изъ злосчастной черты. Мнѣ въ эту минуту милѣе, мнѣ жалче еврей, и я, какъ жертву на Божій алтарь, отнесъ свой рубль въ пользу семействъ избитыхъ кишиневскихъ евреевъ и оттолкнулъ бы въ это время своихъ ближайшихъ братьевъ.

Такъ и тутъ. Не я, а Велички дѣлаютъ армянъ симпатичными. Мнѣ приходилось слышать такую фразу: «Турки отнимаютъ отъ насъ жизнь, а Велички постарались оскорбить самое священное, чтó у насъ было, чтó было для насъ дороже жизни». И не пожалѣть ихъ прикажете?

Но при чемъ армянскія симпатіи или антипатіи въ городскомъ дѣлѣ? Если русскій лучше, онъ и теперь лучше остался, и надо его предпочесть армянину; если армянинъ лучше, онъ и прежде былъ лучше, и тогда надо было его брать, а не русскаго. Тутъ можетъ быть два объясненія. Или мой субъективизмъ сдѣлалъ меня несправедливымъ въ томъ или другомъ случаѣ, или..... или вотъ чтó:

Случалось ли вамъ видать или слышать, какъ человѣкъ въ одну ночь посѣдѣлъ, подъ влияніемъ внезапнаго ужаса? Случалось ли вамъ наблюдать лично или читать про внезапныя внут-

ренія переменны въ человѣкѣ? Былъ разбойникомъ, а увидавъ любимую дѣвушку или прочитавъ евангеліе, вдругъ сдѣлался добрымъ, раскаялся? Или жилъ человѣкъ для себя, копилъ деньги и вдругъ, увидавъ истинное горе, деньги свои отдалъ несчастнымъ?.. Вѣроятно читали, если не видали лично.

Не могло ли то же случиться съ армянами? Жили и дѣлали свое мелкое купечески-армянское дѣло и изучили русскій языкъ, чтобы ловчѣе было вести съ русскими торговлю. И вотъ, подъ вліяніемъ величкинскихъ ударовъ, они встрепенулись, изъ армяно-торговыхъ ихъ идеалы выросли въ человѣческо-общественные. Поднялась армянская этика. Но требованія, предъявляемыя къ различнымъ людямъ, различны; достиженіе высшихъ идеаловъ доступно немногимъ. Иной армянинъ, занимавшійся ростовщичествомъ, скажемъ, или содержавшій домъ терпимости, подъ вліяніемъ общаго этического подъема, возьметъ и займется болѣе честной торговлей.

Купецъ, державшій старшаго своего сына за прилавкомъ, при общемъ подъемѣ духа, возьметъ да и скажетъ меньшому сыну: «иди-ка, братъ, въ гимназію, поучись, не все торгашемъ быть»... Можетъ все это быть? Тогда можетъ быть и вотъ что. Можетъ быть, что архитекторъ, стремившійся получить побольше жалованья, хотя бы цѣной подчиненія безграмотному и при томъ безнравственному капиталисту, скажетъ себѣ: «ну его къ чорту, этого эксплуататора, пойду-ка я послужу городу. Все-таки служишь обществу, дѣло-то чище». И пойдетъ, сдѣлается общественнымъ человѣкомъ, болваномъ, по мнѣнію Константина Ивановича Хатисова.

И вотъ я утверждаю, что такой народъ нашелся. Армяне общественно выросли. А разъ нашелся одинъ, другой въ управѣ, появились и другіе. За архитекторомъ пошелъ докторъ и другой докторъ, и химикъ, и счетоводъ... Примѣръ заразителенъ: много значить настроеніе.

Приходитъ молодой техникъ:—Александръ Ивановичъ, мѣста ищу.—А жалованье?— А жалованье какое хотите, хоть 75 рублей. Промысла стали невыносимы.—Милости просимъ.

Приходить молодой докторъ:—Александръ Ивановичъ, мѣста.—А жалованье?—Надо побольше, я семейный, практикн нѣтъ.—Оказывается, ему противно съ пациентовъ брать деньги, и онъ лѣчитъ лишь даромъ.—Милости просимъ.

И пошли, и пошли. Но тутъ въ управской политикѣ назначеній произошло нѣчто по-моему безобразное. Выяснится это изъ слѣдующихъ разговоровъ съ членами управы.

Говорили объ архитекторахъ и о прежнемъ назначеніи ихъ, чуть не окончившемся министерскимъ кризисомъ. Членъ управы согласился наконецъ, что дѣло неладное.

— Да ужъ чтó говорить; сдѣлали дѣло, теперь сами не расхлебаемъ. Да теперь вотъ еще горе: у насъ много слишкомъ архитекторовъ. Вотъ временно приглашенный инженеръ Богдатьянъ да еще временный архитекторъ А.

Богдатьянъ былъ мой кандидатъ изъ армянъ. А. тоже армянинъ, приглашенный лѣтомъ безъ меня на временную работу. За Богдатьяна я ручался, и онъ, дѣйствительно, былъ человекъ, выдающійся по своимъ нравственнымъ качествамъ.

— Да, говорю я, много у насъ временныхъ. Но зато уже хорошъ Богдатьянъ; всѣхъ бы намъ имѣть такихъ. Лучше бы не надо. Ну а А. временный, его можно удалить.

— Нѣтъ, уже на А. вы должны согласиться.

— Почему долженъ?

— Да потому,—членъ управы разсмѣялся,—что мы вамъ дали Богдатьяна, а вы должны намъ дать А.

Вникните, читатель, въ эту фразу, которую я считаю ужасной. Прежде бывали компромиссы, чтобы на одного армянина былъ одинъ татаринъ—явленіе некрасивое, но объяснимое націоналистическими тенденціями. Затѣмъ мнѣ соглашались давать «тамбовца», т.-е. русскаго, съ тѣмъ, чтобы на одного тамбовца приходился одинъ бакинецъ.

А теперь чтó? Теперь, когда я самъ сталъ выдвигать *местныхъ бакинцевъ*, опять появились и наши и ваши. Какъ это понять? Другого объясненія вы не найдете, какъ слѣдующее: хорошо мы согласны. Такъ: берите вашихъ кандидатовъ изъ

мѣстныхъ, но съ тѣмъ, чтобы и на одного вашего (хорошаго) вы брали одного нашего (никуда негоднаго, но нужнаго въ видахъ нашего будущаго переизбранія).

Другая фраза того же члена управы. Управа говорила съ юрисконсультомъ Андрониковымъ, очень круто поставившимъ вопросъ о помощникахъ. Управа единодушно ему помогла раздѣлаться съ прежними, которые слишкомъ очевидно не были на высотѣ положенія. Съ нѣкоторыми превышеніями власти, въ видѣ выдачи крупныхъ пособій, въ видѣ сверхмѣстнаго приглашенія новаго помощника на время заболѣвшаго прежняго, въ видѣ маленькаго измѣненія штатовъ или получаемаго вознагражденія—съ этими превышеніями власти и съ перспективой слушать упреки думы, управа удовлетворила просьбу Андроникова. Оставалось назначить новыхъ двухъ помощниковъ. Жалованье положили по 2400 рублей каждому. Нечего, конечно, и было думать о томъ, чтобы на это жалованье имѣть порядочныхъ юристовъ безъ права частной практики. Управа частную практику разрѣшила. Андрониковъ предлагалъ двухъ присяжныхъ повѣренныхъ мѣстныхъ, и при томъ идеально чистыхъ.

Надо сказать, что составъ адвокатуры бакинской ниже всякой критики по отношенію къ этикѣ. Много адвокатовъ, послѣ пожатія руки которыхъ поневолѣ ищешь карболоваго мыла, чтобы вымыть руку. Но зато есть меньшинство, чистое какъ кристалль. Андрониковъ самъ человекъ голубиной чистоты, которую онъ соединяетъ со змѣиной мудростью, представилъ своихъ кандидатовъ. На одного управа выразила свое согласіе немедленно. А на мѣсто другого былъ у членовъ управы свой кандидатъ, далекій отъ того, чтобы походить по чистотѣ на голубя. Тогда тотъ же членъ управы, который думалъ, что на одного моего архитектора долженъ быть одинъ ихъ, произнесъ буквально слѣдующее:

— Довольно мы, Александръ Ивановичъ, *для васъ* сдѣлали. Пора бы вамъ и *для насъ* что-либо сдѣлать, принявъ нашего. Я не выдержалъ и вскочилъ.

— Да что вы, наконецъ, говорите? *Для васъ, для насъ.* Что

вы для насъ дѣлаете? Что намъ нужно? Городу... понимаете?— городу нужны люди хорошіе, работающіе, чистые, а не намъ. Мы мучаемся въ дрызгахъ съ вами, когда работа наша могла бы быть много плодотворнѣе. Вамъ всякая дрянь нужна, вопреки интересамъ города, а намъ никто не нуженъ. Слышите?

И что же, вы думаете,—этотъ господинъ смутился? нѣтъ, онъ же разсердился и сталъ что-то возражать. Но все это мнѣ показалось столь мерзкимъ, что я ушелъ.

Черезъ минуту возвращаюсь; вижу Андрониковъ (вотъ кипятокъ человѣкъ. На что я горячъ, а онъ во сто разъ горячѣе меня) тоже разгорячился.

— А вы такъ? такъ нате-жь.

Бросаетъ бывшее въ карманѣ готовое прошеніе объ отставкѣ на столъ въ моемъ направленіи и вскакиваетъ. Я тоже вскакиваю, хватаю прошеніе и хочу ему его вернуть. Онъ съ крикомъ— «Получили? я вамъ далъ прошеніе объ отставкѣ»—выбѣгаетъ въ прихожую, гдѣ сидѣло много народу. Я бѣгу за нимъ, догоняю его, сую ему его прошеніе обратно, онъ меня отпихиваетъ, происходитъ между нами нѣчто въ родѣ борьбы. Ключья его прошенія летятъ во всѣ стороны. Долго, долго мы не можемъ его успокоить. Онъ успокоился, прошеніе взялъ назадъ. Все обошлось.

Сцена для публики комическая. А по-моему она была полна глубокаго трагизма. До чего могутъ быть доведены нервы людей этимъ моремъ грязи, этимъ полнымъ отсутствіемъ чувства добра и зла, этимъ рефлексивнымъ цинизмомъ, если можно такъ выразиться.

Правда, конечно, сильна. Андрониковскіе кандидаты прошли. Но зачѣмъ эта потеря времени? зачѣмъ эта потеря силъ и энергій, которыя могли бы такъ интенсивно быть употреблены на дѣло городское, которому Андрониковъ взялся почему-то служить.

Вѣдь не неврастеникомъ же и я пріѣхалъ въ Баку. Затѣмъ и я черезъ полтора года былъ доведенъ до отвращенія ко всему окружающему.

Я былъ на государственной службѣ въ разныхъ вѣдомствахъ, въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ, но такого цинизма, такой *moral insanity*, какъ въ Баку, врядъ ли гдѣ можно найти.

IX.

Изъ того, что я сейчасъ описалъ, читатель можетъ вывести заключеніе, что господа бакинцы чернѣе осенней ночи. Такъ я не разъ и былъ склоненъ думать, подѣ влияніемъ той или другой ихъ выходки. Теперь, обсуждая вопросъ хладнокровно и объективно, я прихожу къ совсѣмъ другому выводу. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ даже хорошіе, есть и умные, очень умные. Вѣдь можете вы себѣ представить дикаря, Пятницу изъ Робинзона, который можетъ совмѣстить въ себѣ людоѣда и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошаго и умнаго человѣка? Такъ и тутъ. Вообразите хорошаго и честнаго человѣка, рожденнаго въ Баку. Среда такая, что умъ цѣнится, при чемъ умѣнье наживать деньги принимается за умъ. Все остальное не нужно. О немъ не говорятъ. Вы, напримѣръ, годъ знаете съ человѣкомъ умнымъ, пріятнымъ, богатымъ; каждый день видаетесь съ нимъ въ клубѣ; готовы съ нимъ сближаться.... вдругъ узнаете, что онъ разбогатѣлъ, весьма ловко обокравъ и пустивъ по міру своего довѣрителя, ему слѣпо вѣрившаго? или что онъ не разъ, не два прибѣгалъ къ подлогамъ, благополучно сошедшимъ съ рукъ? Вы удивлены: какъ же такъ? Я годъ его знаю, и ничего подобнаго мнѣ никто не рассказывалъ до сихъ поръ?—Ахъ, это старая исторія,—отвѣтятъ вамъ,— это всѣ знаютъ; а X, что состоитъ старшиной клуба, а У гласный и банковый дѣятель, тѣ еще хуже дѣлали,—и рассказываютъ, что сдѣлали X, Y, Z и еще многіе....

Спрашиваю васъ, если человѣкъ и мальчикомъ, и въ семьѣ, и въ гимназій, и въ юношествѣ, и въ зрѣломъ возрастѣ былъ въ такой средѣ и другой не видалъ, какое у него будетъ понятіе о добрѣ и злѣ? А тутъ представьте себѣ, что, хотя онъ лучше и въ десять разъ умнѣе другихъ, ему въ денежныхъ дѣлахъ не повезло, что среда его за это готова презирать, что у него семья,

которую надо воспитывать и т. д. и повѣрьте, читатель, что вы въ него камня не бросите и наоборотъ удивитесь, увидавъ въ немъ кое-какія человѣческія чувства.

Такъ вотъ жили себѣ люди и привыкли къ своей атмосферѣ. Я не о всемъ Баку говорю, а о городскихъ дѣятеляхъ. И вдругъ издалека явился городской голова. Выбрали его—думали чурбанъ.... анъ вышло цапля. Да еще цапля безтактная. Цапля-болванъ. Передѣлать такого бакинца, соскоблить съ него грязь могла бы нѣжная рука любящей женщины или случайно сблизившейся и поставившей себѣ эту задачу другъ.

Я былъ не въ томъ положеніи: чтобы понемногу заняться перевоспитаніемъ хоть одного бакинца, у меня не было ни времени, ни умѣнья, ни такта. У меня было внутреннее чутье, что я долго не останусь головой въ Баку. Я нашелъ болото и естественно, что силы мои, сначала направленные на чисто практическія нужды города, обратились главнымъ образомъ на то, чтобы всколыхнуть это болото, чтобы заставить людей оглянуться. Я понималъ, что мнѣ одному ничего не сдѣлать, что я останусь осмѣяннымъ Донъ-Кихотомъ. И потому главною задачею моею явилось достать людей въ это море безлюдья. И люди стали являться. Это-то и были варяги, геніи, тамбовцы, новиковцы. Къ нимъ подходили, осматривали ихъ, приглядывались. Ждали, что будетъ? Да ничего не было особеннаго. Явились люди, которые не думали о наживѣ и дѣлали свое дѣло, кто какъ умѣлъ, нѣкоторые прекрасно, нѣкоторые плохо, большинство весьма удовлетворительно. Я счастливъ, что ни одинъ изъ новиковцевъ не оказался съ руками, запачканными бакинскимъ золотомъ. Далеко нѣтъ. Какъ всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ, наибольшія требованія были предъявлены къ самимъ же пришельцамъ. И, когда заподозрили одного изъ геніевъ въ любви къ деньгамъ, хотя бы и честно нажитымъ, имъ меня долго попрекали. Ну не побѣда это для меня? Я рассказалъ про славнаго «болвана», полученнаго мною отъ Константина Ивановича Хатисова. Можетъ быть это иллюзія, но я вѣрю, что немножко содѣйствовалъ развѣнчанію золотого тельца. Конечно, я не имѣю претензіи думать,

что я его развѣнчалъ въ широкихъ кругахъ. Нѣтъ, Боже сохрани. Но если и нѣкоторые изъ прежнихъ его поклонниковъ превратились, хотя бы на словахъ, въ «болвановъ», то и то я считаю, что принесъ значительную пользу.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать, какъ въ Баку дѣлаются новогоднія пожеланія. Я это невольно подслушалъ по телефону. Когда говоришь по телефону, приходится часто долго ждать отвѣта съ трубкой у уха. Въ это время слышатся разные посторонніе переговоры. Такъ было и 1-го января 1904 года. Я кого-то вызвалъ и жду отвѣта. Между тѣмъ, разговоры идутъ своимъ чередомъ. Слышу нѣмецкій акцентъ:

— Съ Новымъ годомъ васъ, съ новымъ счастьемъ, съ новыми деньгами.... (удареніе на «а»).

Я плюнулъ и отнял трубку отъ уха. Черезъ часъ опять невольно пришлось подслушать. На этотъ разъ слышу армянскій акцентъ:

— Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, съ новыми деньгами васъ... (удареніе опять на «а»).

Весь Новый годъ испортили мнѣ эти проклятыя пожеланія новыхъ денегъ.

Но возвращаюсь къ своей темѣ.

Нѣкоторые бакинцы меня удивляли. Среда, въ которой они родились, не могла имъ дать точнаго представленія о добрѣ и злѣ. И вотъ они ищутъ добра, но не знаютъ, гдѣ его найти. Такіе люди иногда меня поражали то чистотой своихъ дѣйствій, доходящихъ до самопожертвованія, то невѣроятной наивностью въ своихъ поступкахъ, противныхъ всякой этикѣ не только общественной, но и самой обыденной. Поступаетъ такой бакинецъ такъ весьма искренно, желая исполнить свой долгъ. Различныя вліянія вызываютъ въ немъ различныя дѣйствія. Будь у меня больше такту, я бы безусловно могъ подчинить себѣ такого человѣка. Но рѣзкостью своею я его отъ себя отталкивалъ и бросалъ въ объятія враговъ. Работая противъ меня, такой человекъ искренно былъ убѣжденъ, что борется со зломъ.

Какъ и въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ хорошей

натурой. Въ первомъ случаѣ добрыя сѣмена часто заглушались бакинскими плевелами, во второмъ добрыя сѣмена и не всходили на бесплодной почвѣ бакинскаго общества.

Къ сожалѣнію, приходилось имѣть общеніе и съ людьми, у которыхъ съ рожденія было атрофировано всякое чувство самой элементарной порядочности. Ни малѣйшаго чувства симпатіи, даже мимолетной, такіе люди не возбудили во мнѣ никогда, и кромѣ какъ съ безгливостью, я никогда не могъ съ ними имѣть дѣла. Увы! И такихъ было не мало.

Х.

Когда я еще не потерялъ своей надежды добиться добрыхъ результатовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства, а многіе изъ лицъ, на содѣйствіе коихъ я рассчитывалъ, уже собрались, я рѣшилъ сгруппировать третій элементъ, какъ я называлъ ту часть служащихъ, которые были объединены общимъ исканіемъ общественнаго добра. Къ нимъ я присоединилъ нѣкоторыхъ весьма немногочисленныхъ лицъ изъ служившихъ прежде.

И вотъ мы собрались. Это было еще при «кошмарѣ», при «гипнозѣ», который я напускалъ на бѣдныхъ гласныхъ. Я поставилъ на очередь вопросъ о займѣ на благоустройство города. Потолковали, поставили себѣ задачи (много задачъ). Тутъ было и замощеніе окраинъ, и постройки школьныхъ зданій, и выкупъ участковъ, препятствующихъ урегулированію улицъ, и народный домъ, и бойни и чего, чего тутъ не было. Для разработки каждаго дѣла была выбрана маленькая комиссія изъ спеціалистовъ и любителей. Никакихъ чиновъ тутъ не было, не было хозяевъ, требующихъ себѣ почтенія отъ наемниковъ. Были люди, служившіе дѣлу. И дѣлопроизводитель, работавшій нѣкогда въ качествѣ учителя въ народномъ домѣ, имѣлъ болѣе шансовъ выработать хорошій проектъ народнаго театра, чѣмъ членъ управы, родственникъ того или другого гласнаго или нефтепромышленника. Главное руководство дѣломъ выработки займа было возложено на секр-

таря управы. Съ этою цѣлью я и предложилъ думѣ учредить эту должность.

Боже, какъ я вѣрилъ въ эти комиссіи и подкомиссіи. Какая разница между ними и нашими думскими комиссіями, съ ихъ задними мыслями, интригами и полнымъ равнодушіемъ къ результатамъ ихъ нетяжелой работы.

Это было въ февралѣ. А въ апрѣлѣ пришлось бросить всякую надежду на заемъ. Заемъ убила наша управа, назначивъ своихъ архитекторовъ. Всякій проектъ улучшенія города связанъ съ технической работой специалистовъ. Только имѣя въ виду привлечь на службу городу хорошихъ работниковъ, и можно было приступать къ разработкѣ займа; и наоборотъ, разработать заемъ безъ состава технической коллегіи, находящейся на высотѣ положенія—нечего было и думать.

Поэтому-то, когда совершили свой печальный подвигъ господа Македонскій, Арутюновъ и Сафаралиевъ, и когда я не нашелъ въ думѣ поддержки, на которую я еще могъ рассчитывать, у меня всякая надежда на заемъ, а слѣдовательно и на благоустройство города рухнула. Но читатель можетъ быть помнить, что я поставилъ себѣ двѣ главныхъ цѣли: вода и заемъ. Теперь оставалась лишь вода.

Осенью 1903 года нашъ техническій отдѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь третій элементъ поразилъ новый ударъ. Ушелъ А. Ф. Лаговскій. И ушелъ не безъ скандала. Дѣло было такъ: еще въ іюнѣ, немедленно послѣ пораженія нашего въ управѣ, г. Лаговскій обратился въ управу съ вопросомъ, можетъ онъ или нѣтъ взять на себя наблюденіе за постройкой зданія частнаго банка за вознагражденіе. Дѣло шло не о постройкѣ, на что имѣлся особый инженеръ, а о высшемъ надзорѣ. Управа отвѣтила, что нѣтъ, что разъ и младшимъ архитекторамъ по новому думскому постановленію частныя работы воспрещены, то главному инженеру и подавно.

Тѣмъ не менѣе, осенью появляется въ газетѣ «Баку» неблагоприятная статья, въ которой говорится, что строитель-

ныя дѣла въ городѣ идутъ такъ плохо потому, что главный инженеръ строить банкъ, получая такой-то гонораръ. Я къ Лаговскому.

— Правда?

— Правда. Мнѣ, при приглашеніи, условія не имѣть частныхъ работъ, не ставили.

— А. Ф., это дѣло попало въ газеты. Я долженъ вамъ сдѣлать запросъ.

— Что же, дѣлайте! Я вамъ такъ и отвѣчу.

Въ отвѣтъ на мой запросъ А. Ф. такъ, дѣйствительно, и отвѣтилъ, что хотя онъ и совѣтовался съ управой, но ея рѣшеніе для него не обязательно, согласно условій его приглашенія. Въ концѣ объясненія онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Отставка его нами немедленно была принята.

Мы потеряли выдающагося инженера, но кромѣ того уходъ его былъ большимъ нравственнымъ пораженіемъ для меня. Это дало поводъ моимъ противникамъ насмѣхаться надо мною и надъ моими «геніями».

— Чѣмъ,—спрашивали меня,—ваши заморскіе геніи лучше бакинцевъ? Гдѣ же ихъ особенная этика, когда разошлись вы изъ-за денегъ? Хороши люди съ общественной жилкой, которымъ мало 7.200 рублей жалованья. Вѣдь сами были вынуждены безъ разговоровъ согласиться на его отставку!

Все это было если не совсѣмъ, то почти вѣрно. Мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ было жаль терять такого человѣка, какъ г. Лаговскій; въ особенности жалко мнѣ было, что испортились наши личные отношенія. Однако, я ни минуты не раскаивался, что сталъ противъ него. Иначе я и не могъ поступить. Какъ-никакъ, внѣшне поступокъ г. Лаговскаго былъ неэтиченъ. Оговариваюсь. Неэтиченъ онъ для г. Лаговскаго, для выписаннаго генія, для человѣка, за котораго я копыя ломалъ, которому я хотѣлъ ввѣрить строительное дѣло. Для всякаго другого это былъ бы не проступокъ. Объ этомъ бы и не говорилось. Но бакинецъ, поразительно снисходительный для себя и для своихъ, жестокъ для выписаннаго. Въ данномъ случаѣ они, впрочемъ,

были правы. Отъ нашихъ они могли требовать этики особенной, не бакинской.

Я не оправдываю г. Лаговскаго, но я его понимаю.

Онъ бы не взялъ частной работы; скандала бы всего этого не было, не будь злосчастной исторіи съ архитекторами. Вообразите, что человѣкъ пошелъ служить обществу и взялъ на себя громадную задачу. Онъ работаетъ, не зная отдыха. Вдругъ такое оскорбленіе, какъ назначеніе гг. Т. К. и Г. Мало оскорбленія — разрушеніе всего плана дѣйствій. Онъ чувствуетъ, что напрасно пошелъ, что ничего онъ не сдѣлаетъ. И руки опустились.

Думаю теперь, что ему слѣдовало уйти въ день назначенія архитекторовъ. Съ такой управой не служить. Slѣдовало бы тогда уйти и мнѣ. Но я же его отговаривалъ. Сначала рассчитывали на думу, потомъ обѣщали освободить насъ отъ навязанныхъ техниковъ. Мы все какъ бы надѣялись что-то сдѣлать.

Часто я съ нимъ спорилъ.—Разработайте,—говорилъ я ему,—что-нибудь, ну хоть проектъ трамвая. Дала вамъ управа помощниковъ на смѣхъ, ну и чортъ съ ней. Пойдутъ дѣла скверно—не вы виноваты, а вы сдѣлайте хоть одну работу, достойную васъ. А то ваша работа растаяла безъ остатка въ здѣшнемъ болотѣ. Какъ кусокъ сахара въ стаканѣ чая даетъ нѣкоторую сладость для людей съ чуткимъ вкусомъ, а для публики не виденъ на глазъ.—такъ и вы: ваша работа для публики пропадаетъ.

А. Ф. не согласился со мной и, думаю, былъ очень неправъ. Хотя Богъ знаетъ. Онъ говорилъ, что онъ главный инженеръ и долженъ за всѣмъ слѣдить.—Случись что, я виноватъ,—говорилъ онъ.—Я за всѣмъ долженъ слѣдить, въ особенности, съ помощниками, которымъ не довѣряю.

Какъ-никакъ, у него руки опустились. Ему не довѣряютъ, съ нимъ поступаютъ какъ съ обыкновеннымъ наемникомъ. И онъ чувствуетъ, что вѣкъ ему въ Баку не свѣковать, и мало-по-малу начинаетъ поберечь свои силы и работать согласно договора.

Повторяю: я не извиняю его, а объясняю его поступокъ. Ви-

новать по-моему онъ, но больше въ его поступкѣ виновата управа.

Между тѣмъ, дѣла въ управѣ шли такъ же плохо, какъ и прежде. Глаза бы не глядѣли на работу. А тутъ приходилось нести нѣкоторую долю отвѣтственности.

Воспитательный домъ переѣзжалъ. Наняли съ большимъ трудомъ помѣщеніе. Такъ оно чуть не полгода ремонтировалось, а дѣло можно было сдѣлать все въ мѣсяць. Постукивали два-три мастера, да десятникъ надъ ними сидѣлъ, а дѣло не дѣлалось. Въ концѣ споры о расчетѣ, суды, новыя задержки, думскія комиссіи...

То же и со скотопригоннымъ дворомъ. Два года строился и въ концѣ концовъ оказался никуда негоднымъ.

Конный дворъ по смѣтѣ 1903 года началъ строиться съ ноября, и то я взялся и провелъ дѣло, какъ бы шутя, чтобы не обидѣть членовъ управы.

Домъ городской строился, и теперь строится, и конца ему не видать. А вотъ анекдотъ. При входѣ въ домъ строилась башня. Спрашиваю Лаговскаго въ маѣ:—А когда будетъ готова башня, чтобы снять лѣса? А то безобразно.

— Да черезъ мѣсяць.

Показалось мнѣ, что не будетъ готово черезъ мѣсяць. Выхожу изъ управы, встрѣчаю десятника. Десятникъ этотъ былъ у насъ когда-то учителемъ, но заболѣлъ и, пробывъ годъ въ больницѣ нервно-больныхъ, въ учителя не годился. Взяли его въ десятники.

— Когда башня будетъ готова?

— Да черезъ годъ.

Черезъ годъ башня готова не была, и я спущенныхъ лѣсовъ такъ и не видѣлъ.

Самый разительный примѣръ безпомощности строительнаго отдѣленія явило намѣреніе сдѣлать планъ гимназіи. Гимназія помѣщается въ наемномъ помѣщеніи, гдѣ до того плохо и тѣсно, что гимназія служитъ очагомъ заразы для учениковъ. Г. Македонскій, думаю, чтобы доказать, что не погубилъ строительное

дѣло, взялся за проектъ. Собралъ своихъ техниковъ, директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, хлопоталъ. Его понукала училищная комиссія. И вотъ цѣлый годъ понадобился, чтобы разработать планъ гимназій. Ничего, кромѣ этого плана, наше строительное отдѣленіе не выработало новаго. И это при девяти инженерахъ.

Скажутъ мнѣ: такъ чего же ты жалуешься? На кого? на то ты и голова, чтобы слѣдить, понукать. А ты жалуешься.

Въ томъ-то и дѣло, что голова ничего не можетъ сдѣлать. Каждое такое дѣло, какъ воспитательный домъ, конный дворъ, постройка, — въ вѣдѣніи члена управы. Если распорядиться служащими помимо ихъ, получишь отвѣтъ: Борисъ Александровичъ или Кямилъбекъ еще не распорядился, или дѣло у нихъ, или членъ управы общался самъ съѣздить.

Волей-неволей приходится дѣйствовать черезъ члена управы. Разъ ему скажешь. Онъ отвѣтитъ да, и ничего не сдѣлаетъ. Второй разъ скажешь, и опять то же. Наконецъ говорить перестанешь.

Брандмейстера надо было смѣнить. Это всѣ признали, и онъ самъ по болѣзни просился уйти. Такъ годъ дѣло лежало въ портфелѣ члена управы. Онъ все искалъ ему замѣстителя; а можетъ быть имѣлъ кого-либо въ виду и ждалъ, пока тотъ освободится. Я ушелъ, а брандмейстеръ все еще былъ на мѣстѣ.

Мы шли не впередъ, а назадъ, какъ раки.

Никакой самостоятельной дѣятельности нашъ третій элементъ при сложившихся обстоятельствахъ имѣть не могъ. Тѣмъ не менѣе мы еще нѣсколько разъ собирались. Разсматривались дѣла, имѣвшія отношеніе къ нашей управской политикѣ. Главнымъ образомъ я добивался одобренія третьяго элемента моему выходу въ отставку. Высказывались мнѣнія, при какихъ условіяхъ я могу уйти съ сохраненіемъ собственного достоинства и съ наибольшей пользой для дѣла. Меня служба тяготила и скверно отзывалась на моемъ здоровьѣ. И если я давно уже не ушелъ въ отставку, если я продолжалъ борьбу, то это лишь подъ влияніемъ третьяго элемента.

Впрочемъ и у насъ было не безъ недоразумѣній, и даже очень серьезныхъ. Одно изъ нихъ по-моему было очень серьезно, и для меня окончательно сдѣлало чужимъ человѣка, который по инерціи все еще считался новиковцемъ. Это былъ нашъ статистикъ Караваевъ. Когда случился въ думѣ нашъ статистическій провалъ, о которомъ я еще буду писать, дѣло это должно было разсматриваться въ собраніи третьяго элемента. Вдругъ г. Караваевъ не приходитъ, тогда какъ прежде онъ посѣщаль наши собранія.

На другой день его спрашивали, почему онъ не приходилъ. Отвѣтъ его былъ, что онъ не признаетъ авторитета нашего собранія случайно набранныхъ людей. Отвѣтъ этотъ былъ бы понятенъ въ устахъ человѣка, не признающаго нравственнаго авторитета кого бы то ни было, но въ устахъ интеллигента онъ могъ только показать, что напрасно я увлекся виѣшностью и принялъ г. Караваева за таковаго. Это главное обвиненіе, которое я къ нему предъявляю.

XI.

Самымъ спѣшнымъ дѣломъ сессіи былъ вопросъ о расширеніи города Баку. Администрація, имѣя свои виды, предложила присоединить къ городу пригороды, Баиловъ и Бѣлый городъ съ прилегающими деревнями. Городъ получалъ громадное количество земли, и за это долженъ былъ нести соответственные расходы. Въ особенности тяжелыми казались расходы по полиціи, на которую и такъ городъ тратится, не получая ни копейки субсидіи отъ казны.

Администраціи нужно было получить отвѣтъ какъ можно скорѣе, и канцелярія главноначальствующаго то и дѣло запрашивала меня по телеграфу о рѣшеніи думы.

Въ думѣ говорили и за и противъ. Къ сожалѣнію, тутъ замѣшался и личный интересъ. Нѣкоторые участки земли въ Бѣломъ городѣ арендовались нефтепромышленниками и заводчиками. Съ казенными землями дѣло дѣлалось легче, чѣмъ бы оно сдѣлалось

съ городомъ (это еще не значить, что городъ ведетъ хорошо свое земельное хозяйство), а потому этимъ господамъ передача земель городу была невыгодна. Досадно было видѣть, какъ частный интересъ вліялъ на дѣло громадной важности.

Блестящую рѣчь сказалъ гласный Кянджунцевъ. Онъ смотрѣлъ въ этомъ дѣлѣ широко и далеко впередъ. Онъ доказывалъ, что временное отягченіе бюджета пустякъ въ сравненіи съ многомилліоннымъ имуществомъ, которое городъ получалъ. Его поддерживали Таганосовъ, Асрибековъ, Унановъ и еще кое-кто изъ незаинтересованныхъ интеллигентовъ. Неинтеллигентное большинство было противъ. Противъ были и лица заинтересованныя. Въ частномъ совѣщаніи, бывшемъ по этому поводу, одинъ интеллигентный гласный прямо сказалъ, что—«не могу же я забыть, что я нефтепромышленникъ».

Вотъ чтò значить личный интересъ. Даже и для сильнаго человѣка онъ часто закрываетъ истинный путь.

Дѣло это тянулось нѣсколько засѣданій. Между прочимъ, одно голосованіе этого вопроса дало нерѣшительный, по-моему, результатъ. Дѣло заключалось въ томъ, что неясно была понята постановка вопроса. Какъ всегда бываетъ, довольные голосованіемъ считали вопросъ рѣшеннымъ, недовольные нерѣшеннымъ. Какъ предсѣдатель, я видѣлъ неясность и требовалъ перерѣшенія. Недѣли двѣ-три мнѣ не удавалось добиться новаго голосованія. Гласные срывали засѣданіе, шумѣли.

Администрація меня, между тѣмъ, торопила. У нея тоже были свои сроки для внесенія соответствующаго законопроекта.

Я зналъ, что предложеніе провалится, что черная сотня, подкрѣпленная личнымъ интересомъ, возьметъ верхъ. Но мнѣ нужно было добиться голосованія хоть отрицательнаго.

Во время шума я разгорячился, да и скажи:—Если дума, вслѣдствіе обструкціи нѣкоторыхъ гласныхъ, окончательно не хочетъ дать отвѣта половиннымъ числомъ гласныхъ, какъ того требуетъ законъ, то я вынужденъ буду просить главноначальствующаго, чтобы онъ разрѣшилъ разсмотрѣніе этого вопроса при любомъ числѣ гласныхъ.

Увы! слово не воробей, когда оно вылетитъ, его не поймашь.

Сейчасъ вскакиваетъ гласный Агаевъ и весьма дѣльно замѣчаетъ, что имъ передъ такой угрозой остается лишь преклониться. За нимъ поднимается гласный Гукасовъ и выражаетъ удивленіе, что такія рѣчи слышать отъ головы, котораго всегда менѣе всего считалъ способнымъ прибѣгать къ такимъ угрозамъ.

Дума вопросъ голосовала, присоединеніе провалила громаднымъ большинствомъ, но не въ этомъ дѣло для меня. Для меня важнѣе этическая сторона. Какъ я могъ унизиться до угрозы? Мнѣ теперь совѣстно это писать, но я заставлю себя принести покаяніе публично. Только при условіи вполне объективнаго отношенія къ себѣ, какъ и къ другимъ, только при условіи полной откровенности, я приобретаю право говорить о другихъ. Некрасиво было бы раскрывать чужіе грѣхи, а о своихъ молчать.

Ни извинить, ни объяснить гадости нельзя. Могу только въ утѣшеніе себя сказать, что грѣхъ мой длился только, пока я говорилъ. Подумай я хоть секунду впередъ—я бы этого не сказалъ. Съ другой стороны, какъ только я произнесъ эту фразу, не успѣли гласные поймать меня на словѣ—я уже раскаялся. Но отвратительное впечатлѣніе произведено; дано оружіе врагамъ и возможность г. Агаеву сдѣлать мнѣ заслуженный упрекъ въ неэтичности.

Въ концѣ октября произведена была перепись. Хорошъ ли матеріаль, я теперь сказать не могу. Когда пишу эти строки, еще неизвѣстно, будетъ ли онъ разрабатываться.

Съ переписью произошелъ страшный скандалъ. Въмѣсто отпущенныхъ двадцати тысячъ, мы израсходовали 34. 14 тысячъ перерасходу. Причинъ этого перерасхода было много: и нераспорядительность завѣдывающего, и остановка въ работахъ бюро на нѣсколько мѣсяцевъ вслѣдствіе задержки центрального статистическаго комитета и, дѣйствительно, неблагоприятныя условія переписи въ смыслѣ дороговизны труда, хотя предвидѣть все это было возможно.

Наиболѣе кричащіе долги, какъ плата счетчикамъ, управа

согласилась заплатить, не дожидаясь думы, а тысячъ пять долговъ оставалось, когда мы вошли съ докладомъ въ думу.

Поднялась гроза, и цѣлыхъ два засѣданія разбиралось дѣло. Можетъ быть, голосовать вопросъ удалось бы и въ первое засѣданіе, не закончилось оно скандаломъ, вызваннымъ неслыханнымъ нападеніемъ на меня гласнаго Ирецкаго.

На вопросъ г. Ирецкаго, знала ли управа о перерасходѣ, я поспѣшилъ взять вину въ перерасходѣ въ четыре тысячи, единственномъ, который былъ извѣстенъ заранѣе, на себя. На этой почвѣ и разыгрался скандалъ, къ которому я вернусь. Теперь же опишу, чѣмъ дѣло кончилось.

Когда все переговарили, что по этому поводу можно было сказать—а остановить мнѣ, предсѣдателю, нападки на меня же было, по обыкновенію, неловко—я поставилъ на баллотировку вопросъ, принимаетъ ли дума перерасходъ на себя. Потребовали—плохой знакъ—закрытой баллотировки и постановили возложить расходъ на управу.

Меня это рѣшеніе нѣсколько озадачило, и я кончилъ довольно глупой фразой:

— А что же дальше?

А дальше оказалось то, что надо раньше доказать нашу уголовную отвѣтственность, а потомъ уже искать съ насъ деньги.

Но пока дума препиралась съ управой, управа въ страхѣ платить свои деньги твердо постановила дальше ни копейки не расходовать. И вотъ на 5000 руб. осталось долговъ разнымъ служащимъ. Напрасно я говорилъ, что въ кассовомъ отношеніи безразлично, что мы заплатили или не заплатили, такъ какъ съ насъ взыщутъ или не взыщутъ эти 5000 судомъ наравнѣ съ тѣми 9000. Управа этого не поняла, и пришлось присутствовать при скандальной подачѣ въ судъ иска съ города разными служащими. Мы вторично вошли въ думу въ болѣе спокойную минуту, и дума вынесла постановленіе совершенно справедливое съ ихъ точки зрѣнія: деньги уплатить, не предрѣшая вопроса объ отвѣтственности управы.

Интересенъ слѣдующій эпизодъ: на другой день послѣ думскаго засѣданія, гдѣ было рѣшено возложить отвѣтственность на управу, мнѣ одинъ изъ моихъ друзей говорилъ по секрету: — Александръ Ивановичъ, противъ васъ что-то злоумышляется. Кажется, управа хочетъ признать себя виновной, чтобы заставить васъ заплатить. А потомъ они свои люди—сочтутся.

Такъ и вышло. Когда мы разбирали послѣдствія думскаго голосованія, гг. Арутюновъ, Македонскій и Сафаралиевъ, признавъ себя виновными, постановили производить изъ своего жалованья вычеты на пополненіе перерасхода. Бѣлявскій отказался отъ добровольнаго взноса. Я, разумѣется, тоже.

Ясно было, что это предрѣшено, ибо, считая одного меня виновнымъ, члены управы ни въ какомъ случаѣ не должны были идти на добровольную уплату. Это былъ фальшивый ходъ, чтобы меня подвести. Они думали, что если они невинные заплатятъ добровольно, то мнѣ и Богъ велитъ. На эту удочку я не попался. Я рѣшаюсь формулировать такое объясненіе, ибо, повторяю, передъ засѣданіемъ я уже былъ предупрежденъ о томъ, что будетъ.

Признаюсь, мнѣ бы хотѣлось попасть подъ судъ. Быть отданнымъ подъ судъ бакинскими гласными далеко не безчестно.

Перехожу къ инциденту съ г. Ирецкимъ. Признаніемъ, что я виноватъ одинъ въ перерасходѣ, я не только не обезоружилъ гласныхъ, но далъ противъ себя оружіе. Первый началъ свою филиппику г. Бенкендорфъ, постоянный и вѣрный союзникъ г. Ирецкаго. Онъ слово въ слово повторилъ свою рѣчь, сказанную въ мартѣ. Онъ говорилъ о моемъ деспотизмѣ, привелъ тѣ же, что и въ мартѣ, примѣры, которые отъ времени не стали болѣе подходящими. Новаго онъ ужъ ничего потому не могъ сказать, что думскими дѣлами занимался только по газетамъ.

Затѣмъ грозно говорилъ г. Агаевъ, но его рѣчи я не помню, такъ какъ рѣдко его слушалъ. Знаю, что рѣчь была строга. Затѣмъ всталъ г. Ирецкій. Какъ очень умный человекъ, онъ понялъ, что дума противъ меня. Что бы онъ ни сказалъ въ такую минуту, онъ зналъ, что дума поддержитъ. И онъ забылъ

всякую мѣру. Онъ меньше говорилъ о статистикѣ, чѣмъ обо мнѣ. Врядъ ли другой голова позволилъ бы ему говорить все, что я слушалъ терпѣливо. Онъ все время говорилъ о моемъ деспотизмѣ, объ упраздненіи мною думы и управы. Ему было мало разбирать мою бакинскую дѣятельность. Онъ разобралъ и прежнюю мою жизнь, мою дѣятельность, когда я былъ земскимъ начальникомъ. Мало ему было и упрека меня въ деспотизмѣ, онъ обвинилъ меня въ томъ, что я признаю лишь двухъ-трехъ гласныхъ. Въ этой фразѣ слышался грязный намекъ.

Я дослушалъ молча до конца. Ни одинъ гласный не нашелся указать ему на неумѣстность его рѣчи, на лживость обвиненій. Я началъ защищаться самъ. Вначалѣ я сказалъ, что его рѣчи, съ постоянными повтореніями одного и того же, являются сказкой про бѣлаго бычка.

— Ирецкій. Прошу безъ сказокъ.

— Я (начиная волноваться). Довольно я васъ слушалъ. И вы меня выслушаете.

— Гласные. Безъ сказокъ...

— Я. Я упразднилъ управу, говорите вы. Я требую, слышите, я требую, господа члены управы, чтобы вы теперь же публично привели хоть одинъ случай, гдѣ я дѣйствовалъ безъ васъ, преднамѣренно упразднивъ управу.

Въ одной газетѣ сказано, что привсталъ г. Сафаралиевъ, въ другой—что привсталъ г. Арутюновъ. Можетъ быть, привстали они оба. Но ничего не сказали. Между тѣмъ, шумъ усиливался. Гласные, возмущенные мною, а не г. Ирецкимъ, не давали мнѣ говорить. Тутъ я поступилъ скверно. Я вышелъ изъ себя. Въ рукахъ у меня была книга. Я бросилъ ее на столъ и снялъ цѣпь...

Засѣданіе кончилось.

Отношеніе г. Ирецкаго ко мнѣ въ этомъ засѣданіи было таково, что я черезъ газеты написалъ ему письмо. Я ему предлагалъ третейскій судъ, который бы разсмотрѣлъ, заслуживаю ли я обвиненія въ деспотизмѣ, въ разстройствѣ хозяйства и другія, которыя онъ на меня возводилъ въ думѣ. Судъ долженъ былъ

выяснить, я ли виновенъ—тогда я уйду изъ головъ; онъ ли клеветникъ—тогда онъ уходитъ изъ гласныхъ.

Г. Ирецкій далъ отвѣтъ, доказывающій, что онъ для рѣшенія дѣла по чести еще не созрѣлъ. Отъ третейскаго суда онъ отказался, прибавивъ, что удовлетворенъ рѣшеніемъ думы, признавшей мою вину въ дѣлѣ статистики.

Я отвѣтилъ ему, что вполне понимаю его точку зрѣнія, ибо отъ думы онъ надѣется кое-что получить, а отъ суда чести ничего, кромѣ неприятностей.

На этомъ я съ нимъ всякія сношенія прервалъ.

ХІІ.

Партія моихъ враговъ все крѣпла и объединялась. Система борьбы дѣлалась все беззащитнѣе. Говорить совсѣмъ не давали, и каждый вопросъ затыгивали. Дума дѣлалась неработоспособной. Организовавшейся обструкціи ничего не противопоставлялось.

«Каспій» изливалъ невообразимый потокъ грязи, не стѣсняясь никакими рамками правды. Подъ многими статьями г. Агаевъ не стѣснялся ставить свою фамилію. Что въ нихъ наиболѣе возмущало меня своею несправедливостью, это—обвиненія въ преслѣдованіи татаръ. Нелѣпное обвиненіе это имѣло цѣлью сбить съ толку невѣжественную черную сотню. И это имъ удалось, тѣмъ болѣе, что подобіе основанія они къ этому имѣли. Заключалось оно въ томъ, что татары, какъ народъ, только приобщающійся къ культурѣ, всегда стремились получить мѣсто выше своихъ заслугъ и познаній. Неграмотный сторожъ-татаринъ черезъ годъ-два службы просился въ десятники. Писецъ, мало терпимый, какъ таковой, по медленности и несовершенству работы, черезъ годъ просился въ счетоводы съ 40 рублей на 75. Человѣкъ съ среднимъ, а подавно и съ высшимъ образованіемъ считалъ, что всѣ двери ему открыты. Въ результатѣ масса уязвленныхъ самолюбій, съ успѣхомъ эксплуатируемыхъ каждый разъ «каспійцами».

Но одинъ разъ г. Агаевъ превзошелъ себя. Читаю «Каспій». Вижу статью, озаглавленную «Панама». Оказывается, что Панама у насъ въ думѣ, и главный панамистъ—я. Дѣло шло о зугульбинскомъ водопроводѣ. Придравшись къ тому, что вода временно была нехороша, какъ всегда бываетъ плоха вода, идущая по новымъ трубамъ, г. Агаевъ сдѣлалъ видъ, что видитъ въ этомъ Панаму.

Онъ присоединилъ къ этому тотъ фактъ, что комиссія водопроводная своимъ рѣшеніемъ покрыла крупную неустойку, которую нашъ контрагентъ Л. Меликовъ формально могъ бы быть обязанъ заплатить, опоздавъ дня на два, на три съ окончательной отдѣлкой водопровода, при чемъ опоздалъ въ такое время, когда вода все равно никуда не годилась, проходя по новымъ трубамъ. Это рѣшеніе комиссіи произошло безъ меня, лѣтомъ.

Все это было какъ слѣдуетъ размазано, разукрашено и озаглавлено «Панама».

Первое впечатлѣніе было разсмѣяться и плюнуть на все это. Но затѣмъ пришлось взглянуть на это дѣло иными глазами. Оскорбленъ былъ не я одинъ, но и члены управы, и члены водопроводной комиссіи, и видные и порядочные гласные. Я прочелъ статью управѣ и съ ея согласія внесъ въ думу, прося ее назначить, въ виду важности дѣла, особую слѣдственную комиссію, которая или опредѣлила бы точнѣе виновность нашу или смысла бы съ насъ это пятно.

Въ думскомъ засѣданіи г. Агаевъ точнѣе опредѣлилъ виновныхъ въ Панамѣ изъ управы: меня, Арутюнова и Смоленскаго. Г. Бѣлявскій болѣе участвовалъ въ Зугульбѣ, чѣмъ Смоленскій, но Бѣлявскій былъ въ эту минуту подъ покровительствомъ г. Агаева, а Смоленскаго эти люди ненавидѣли. Ergo Смоленскій—панамистъ. Сафаралиевъ, какъ мусульманинъ, конечно, не виновенъ.

Пишешь и не вѣришь самъ, что все это такъ было. До того пристрастно и несправедливо все поведеніе этихъ господъ.

Нѣсколько рѣзкихъ словъ сочли нужнымъ сказать господину Агаеву нѣкоторые гласные. Лукасовъ удостовѣрилъ, что хотя онъ былъ противъ Зугульбы, но что ничего я отъ думы и ко-

миссіи не скрывалъ, какъ утверждалъ г. Агаевъ. Онъ выражалъ порицаніе Агаеву. Тогда всталъ г. Агаевъ и заявилъ, что никакихъ злоупотребленій онъ не видитъ и что подъ словомъ «панамы» онъ понимаетъ не подкупъ многихъ лицъ, какъ говорятъ гласные, а просто неправильность, хотя бы и неумышленную.

По странному совпаденію г. Агаевъ, единственный татаринъ, жившій долго въ Парижѣ и за это приглашенный преподавать французскій языкъ въ бакинскомъ реальномъ училищѣ. Я поэтому думалъ, что малограмотностью г. Агаеву трудно отговариваться.

— Напечатаете вы объясненіе ваше о вашемъ пониманіи слова «панамы»?—спросилъ его одинъ гласный.

— Напечатаю,—былъ отвѣтъ.

Я думалъ, что отдѣлываться такими шутками нельзя. Обругалъ да и сказалъ, что я молъ считаю это ласковымъ словомъ. Это все равно, что ударить изъ-за угла, да убѣжать. Но дума посмотрѣла на это иначе. Возмущенные поступкомъ г. Агаева гласные (врядъ ли ихъ было много) вѣроятно чувствовали, что наше дѣло провалится и предложили удовольствоваться объясненіемъ г. Агаева, какъ онъ понимаетъ слово «панамы».

На другой день преподаватель французскаго языка въ «Каспій» напечаталъ, что «панаму» онъ понимаетъ не въ смыслѣ злоупотребленій, и что каждый воленъ понимать слова какъ онъ хочетъ.

Дѣло о Зугульбѣ не ограничилось этой нелѣпостью; г. Агаевъ внесъ свою «панаму» въ ревизіонную комиссію, будучи членомъ ея. Комиссія формулировала пункты обвиненія, прежде изложенные въ газетѣ, избѣгнувъ, конечно, рѣзкостей.

Я написалъ подробное объясненіе, принятое управой и водопроводной комиссіей. Но такъ напряжено было положеніе, что я больше мѣсяца не могъ выбрать времени, чтобы доложить все это думѣ. Были болѣе спѣшныя неотложныя дѣла. Дѣло еще больше затянулось моей болѣзнию, вызвавшей двухмѣсячное лѣченіе въ Петербургѣ.

Естественно, что моя нервная система отъ всего этого страдала. Какъ я ни старался сдерживаться, но иногда это было невозможно. Все чаще стали у меня выскакивать въ думскихъ засѣ-

даніяхъ словечки, въ которыхъ потомъ приходилось раскаиваться и объясняться.

Приведу одинъ такой случай.

Болѣе часу разъ дума разбирала дѣло по заявленію члена ревизіонной комиссіи Ахмедова. Ахмедовъ разъ спросилъ, что стоитъ умывальникъ такой-то лѣчебницы; Сафаралиевъ, не зная о какомъ умывальникѣ идетъ рѣчь, отвѣтилъ, глядя на счетъ: 5 рублей.

Тогда г. Ахмедовъ заявилъ, что такой умывальникъ стоитъ 30-40 копеекъ. И пошли и пошли. Покупалъ умывальникъ г. Кардашовъ, новиковецъ. Схватились за это Агаевы и Компания и начали свои вычисленія о наживаніи 1000 процентовъ...

Мнѣ слѣдовало остановить этотъ потокъ, не шедшій къ дѣлу. Но таковъ ужъ мой деспотизмъ, что никогда я не рѣшался зажать ротъ, когда управу разносили.

На другой день ѣду съ Кардашовымъ въ лѣчебницу. Оказывается — перепутали. Есть сорокакопеечный умывальникъ (для сторожа) и пятирублевый (для доктора). Ъздили въ магазины прицѣниться. Все такъ. Немедленно вношу такой пунктъ въ думскую повѣстку: объясненіе головы объ умывальникѣ.

Открывается засѣданіе. Хочу объясниться. Меликовы, Агаевы не даютъ говорить. Кричатъ, что, молъ, это разсмотреть ревизіонная комиссія и въ свое время доложить, что дума не хочетъ слушать и т. д. Я рѣшилъ не уступать и объявилъ, что мое право дать объясненіе, когда брошена на управу, а тѣмъ болѣе на честнаго управскаго служащаго, тѣнь, и что я этимъ правомъ воспользуюсь и до тѣхъ поръ не доложу ни одного дѣла. Агаевъ въ особенности не хотѣлъ слушать. У меня и вырвись фраза:

— Уважающая себя дума, когда она бросаетъ грязью въ агентовъ городского самоуправленія, должна и выслушать объясненія. Мнѣніе думы не есть писаніе какого-нибудь писаки.

Ну, конечно, Агаевъ попросилъ занести это въ протоколъ. Я же все-таки настоялъ на своемъ. Дума выслушала мое объясненіе. На другой день въ прессѣ шумъ. Не говоря о «Каспій», «Баку» увидала въ моемъ «писакѣ» чуть ли не оскорбленіе всей прессы

и всѣхъ писателей. Все разъяснило слѣдующее мое письмо въ «Баку»:

«Одинъ изъ сотрудниковъ «Баку» по поводу вылетѣвшихъ у меня «писаекъ» пишетъ буквально слѣдующее:

«а) Надо было оставить въ сторонѣ тружениковъ печатнаго слова...

«б) А. И. Новиковъ считать долгомъ извиниться передъ тружениками...

«Отнюдь нѣтъ. Не извиняюсь. Не считаю долгомъ, не хочу и не могу извиняться... потому, что газетныхъ писателей (за чѣмъ мы все сами себя ласкательно величаемъ труженики, труженики?), писателей, говорю я, я не оскорблялъ и не касался. А потому и не извиняюсь.

«Я оскорбилъ, никого не называя (почему одинъ только гласный принялъ это на свой счет?), дурныхъ (замѣтите—не плохихъ!) писателей, названныхъ мною писаками. Передъ таковыми, если бы я и могъ, то не хочу извиняться.

«А передъ кѣмъ я и могу и хочу извиняться, хотя она отъ меня этого и не требовала—это дума (не отдѣльные гласные, а какъ-никакъ воплощающая идею самоуправления дума).

«Да простить она меня. Но вѣдь я человѣкъ, наконецъ. Вѣдь, чтобы вынести все, что мнѣ приходится выносить, нужны волны нервы. А я человѣкъ, къ тому же пробывшій полтора года въ Баку головой. А здѣсь, какъ въ Севастополь, мѣсяць долженъ считаться за годъ (я говорю, конечно, о здоровьѣ).

«А. Новиковъ».

Тѣмъ дѣло и кончилось. Долженъ сказать, что по мѣрѣ того, какъ распатывались мои нервы, все чаще и чаще «вылетали» слова, въ которыхъ приходилось объясняться.

XIII.

Насколько бакинцы всегда готовы подозрѣвать въ людяхъ зло, насколько они неспособны вѣрить въ принципиальность и вездѣ ищутъ личную выгоду, можетъ показать слѣдующій случай.

Я уже говорилъ, что съ осени 1903 года меня больше поддерживали или, скорѣе, не поддерживали, а лишь не травили— армяне. Со многими изъ нихъ я сошелся, и результатомъ явилось замѣщеніе двухъ-трехъ вакансій армянами. Естественно было татарамъ думать, а кто посткровоеннѣе и намекаетъ, что я продался армянамъ, если не за деньги, то за ихъ поддержку въ думѣ.

Такъ шло до января. А въ январѣ произошелъ слѣдующій инцидентъ. Я уже говорилъ, что законъ предоставляетъ главноначальствующему опредѣлять норму христіанъ и нехристіанъ гласныхъ. Послѣднее время норма была 50% тѣхъ и другихъ. Изъ христіанъ нѣкоторые православные, больше какъ-то голову сующіе съ татарами, остальные армяне, причемъ и армянскій центръ по духу скорѣе мусульманскій. Чистыхъ интеллигентныхъ армянъ немного. Тѣмъ не менѣе они страшно ревниво держатся своей нормы. Вся бѣда ихъ, что татары на выборы приходили сплоченные, а они нѣтъ. Этимъ объясняется успѣхъ христіанъ, примыкающихъ къ мусульманамъ. Этимъ же объясняется, что на выборахъ оказался недоборъ христіанъ-гласныхъ, которыхъ администраціи пришлось назначить изъ прежняго состава согласно закону. Кандидатовъ къ гласнымъ по той же причинѣ оказалось гораздо больше магометанъ, нежели христіанъ.

Въ первые два года текущаго четырехлѣтія много гласныхъ, какъ магометанъ, такъ и христіанъ, выбыло за смертью и по другимъ причинамъ. Наконецъ, христіане кандидаты всѣ вышли въ гласные, а магометанъ еще было два. Гласныхъ же не хватало двухъ христіанъ.

Въ думѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, что нѣтъ состава гласныхъ. Разработать вопросъ поручено было управѣ.

Пришлось выбирать одно изъ двухъ: или обратиться къ администраціи съ просьбой назначить двухъ гласныхъ изъ христіанъ, или допустить за счетъ христіанъ двухъ магометанъ. Въ первомъ случаѣ нарушался самый основной принципъ самоуправления, принципъ избирательный. Во второмъ измѣнялась назначенная главноначальствующимъ норма.

Андрониковъ далъ такое заключеніе: намъ слѣдуетъ крѣпко держаться принципа самоуправленія. Пригласимъ мусульманъ. Сдѣлано это будетъ открыто, въ думѣ; обращено на это будетъ вниманіе администраціи. Если ей это не понравится, пускай она и опротестуетъ думское рѣшеніе.

Я прекрасно зналъ, что два лишнихъ мусульманина—два лишнихъ противника для меня. Тѣмъ не менѣе, пришлось принципиально стать на точку зрѣнія Андроникова.

Все это было, конечно, на руку татарамъ. Армяне по этому вопросу были далеко не на высотѣ положенія. Они стали на узко-націоналистическую точку зрѣнія и требовали, чтобы мы обратились къ администраціи. Къ чорту самоуправленіе, лишь бы наша взяла. Таковъ былъ смыслъ ихъ рѣчей. И надо признаться, ни одного не нашлось, который бы взглянулъ на дѣло болѣе широко. Очевидно они (я говорю про армянъ-гласныхъ и конечно не обо всѣхъ армянахъ) еще не вышли изъ того періода, когда ходятъ на помочахъ... Татары, конечно, пересилили. Приглашены были кандидаты мусульмане. Подъ конецъ обѣ партіи разгорячились, наговорили другъ другу кучу дерзостей, и вышли скандалъ.

На другой день армяне были очень смущены и относились ко мнѣ недружелюбно. Тогда-то я узналъ, что многіе предполагаютъ, что я преднамѣренно совершилъ по отношенію къ нимъ актъ измѣны, чтобы понравиться татарамъ. Другими словами, что я татарамъ продался.

Татары же, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, стали со мной нѣсколько любезнѣе, тоже полагая, что я у нихъ заискиваю. И тѣмъ и другимъ не мало труда стоило мнѣ доказать, что заискивать я не намѣренъ ни у тѣхъ ни у другихъ, а что дѣйствую каждый разъ по своимъ принципамъ и убѣжденіямъ. Мнѣ кажется, что они нашли это малоубѣдительнымъ.

Пренія были и въ комиссіяхъ. Въ маленькой исполнительной водяной комиссіи изъ 4 гласныхъ Г. Б. Меликовъ протестовалъ противъ всего, всё затягивалъ, затруднялъ. Разъ онъ дошелъ до

геркулесовыхъ столбовъ откровенности. Онъ, чѣмъ-то недовольный, сказалъ:

— Ну такъ мнѣ здѣсь дѣлать нечего.

Мнѣ показалось, что онъ собирается уходить, и я, кажется, сказалъ:

— Ну что-жъ! Насъ и безъ васъ трое.

Это страшно разсердило гласнаго.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Я не уйду. Я останусь здѣсь до конца, останусь вездѣ и вездѣ буду мѣшать вамъ! Стоять у васъ на дорогѣ...

Этотъ цинизмъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе не на одного меня.

Долженъ заявить, что превосходно счелъ нужнымъ держать себя одно время г. Гаджіевъ. Можно было думать, что это самый ревностный мой сторонникъ. Надо отдать справедливость уму этого человѣка. Онъ всегда находилъ удачный выходъ, всегда говорилъ мѣткое слово. Разъ онъ меня прямо поразилъ. Составляли договоръ съ Линдлеемъ очень тщательно и долго. Такъ этотъ гласный, называвшій себя при случаѣ малограмотнымъ—да и дѣйствительно малограмотный—явилъ себя настоящимъ юристомъ. Онъ не только высказывалъ подходящія мысли, но указывалъ точнѣе насъ юридическіе термины. Онъ меня прямо поразилъ. Чтò вышло бы изъ этого человѣка, получи онъ, съ воспитаніемъ, болѣе правильныя понятія объ этикѣ.

Пріѣхали представители Линдлея, заключили договоръ, начали изысканія. Все шло медленно—владно,—но шло. Дѣло воды было уже въ такой колѣѣ, что даже, казалось, злая воля не могла выбить его изъ этой колѣи. Разъ, однако, мнѣ пришлось струсить. Я на нѣсколько дней по дѣламъ города поѣхалъ въ Петербургъ. Возвращаюсь и узнаю, что въ дѣлѣ изысканій тормазъ. Управа не рѣшилась санкціонировать договоръ съ фирмой буренія безъ думы, въ думѣ оппозиція заработала, и ей удалось опять затормозить дѣло тѣмъ, что дума захотѣла договоръ рассмотреть сама по существу. Это была нелѣпость, потому что болѣе серьезные договоры заключала управа по общему полно-

мочію думы. Тѣмъ не менѣе дѣло могло затянуться, а то и погибнуть. Я струсилъ.

Въ слѣдующее же засѣданіе я подъ другимъ соусомъ снова возбуждаю дѣло: разыскиваемъ компромиссъ, по которому для написанія договора запросили мнѣнія большой водопроводной комиссіи... Дѣло было спасено. Изысканія продолжались своимъ чередомъ.

Приведу еще случай, доставившій мнѣ большую радость. Была въ Баку частная мужская гимназія Лаврова. Много хлопоталъ онъ, чтобы его гимназію передѣляли въ казенную, но не могъ этого добиться. Дѣла въ денежномъ отношеніи шли все хуже и хуже, и волей-неволей пришлось прикрыть гимназію. 300 юношей остались на улицѣ недоучками.

Г. Лавровъ обратился ко мнѣ. Послѣ долгихъ дебатовъ съ директорами гимназій, съ училищной комиссіей, дѣло перешло въ думу.

Какъ сейчасъ вижу залу, наполненную массой публики, въ числѣ которой чуть ли не всѣ Лавровскіе ученики, слышу шипящія злобой рѣчи коноводовъ черной сотни и громъ аплодисментовъ, когда выносится думой резолюція временно принять Лавровскую гимназію за счетъ города и возбудить ходатайство объ открытіи новой гимназіи, на что ассигновать нужныя суммы.

Я далекъ отъ мысли приписать себѣ это думское рѣшеніе. Въ это время дума скорѣе бы мнѣ сдѣлала что-нибудь на зло, чѣмъ въ угоду мнѣ. Многіе голосовали благопріятно лавровцамъ, имѣя тамъ родственниковъ, знакомыхъ; многіе, кажется, боялись возбужденія этой молодежи, у которой изъ-подъ ногъ ускользала почва. Радовался я побѣдѣ свѣта надъ тьмою, радовался радости этихъ дѣтей. Такія минуты мирили со всѣми гадостями и нелѣпостями безплодной моей борьбы съ бакинскими хозяевами.

Куда дѣвалась моя прежняя энергія? Я самъ себя не узнавалъ. Въ голову постоянно лѣзли мысли, которыя меня отвлекали отъ дѣла. Приходилось заниматься не думскими дѣлами,

а думской политикой. Также скажу и про управу, и даже про комиссию. Управа работала плохо. Сойдемся (а то бывало, что подъ разными предлогами и не сойдемся), начнем рѣшать дѣла, и глядь споръ, а то и простой разговоръ унесетъ далеко, далеко отъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію. Я понемногу начиналъ чувствовать себя временнымъ бакинцемъ, калифомъ на часъ.

Комиссию собирались вяло, а часто вовсе не собирались. Чувствовалось всеобщее охлажденіе къ работѣ.

Больше всего отразилось это на смѣтѣ. Законченная въ 1902 году въ декабрѣ въ думѣ, она въ 1903 году въ декабрѣ еще не разсматривалась въ управѣ. Былъ я въ этомъ виноватъ? Конечно да. Будь у меня нервы крѣпче, я бы, несмотря ни на что, дѣло бы свое сдѣлалъ, а тамъ и ушелъ бы, если бы увидалъ, что дума дала смѣту, по которой нельзя вести дѣло порядочно.

Впрочемъ, у меня было извиненіе, а пожалуй и оправданіе. Натансонъ сдѣлалъ работу, которую только бакинскіе гласные могли не одѣвнуть, хотя и считаютъ себя хорошими хозяевами. Онъ за послѣднія десять лѣтъ составилъ отчетъ по статьямъ дохода и расхода и по капиталамъ. До него никто ничего не зналъ о состояніи городского хозяйства.

Всѣ шли ощупью. Есть деньги—вали, нѣтъ денегъ—сократи расходы. Есть долги—займи и заплати. Это было въ бухгалтерскомъ отношеніи немного похоже на хозяйничаніе нашихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, записывавшихъ расходы, не подводя итоговъ и не дѣлая отчетовъ.

Натансонъ все это сдѣлалъ. Онъ показалъ, что у города все время идутъ хроническіе дефициты, которые покрывались то изъ запаснаго капитала, то мостовымъ сборомъ, послѣднее время отмѣненнымъ. Онъ показалъ, что когда головой былъ Ирецкій, обвинявшій меня въ разстройствѣ хозяйства, были дефициты такіе же, какъ и при мнѣ, и сдѣланъ заемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ для покрытія ихъ.

И вотъ, на основаніи этихъ таблицъ, я долженъ былъ соста-

вить докладъ, указать причины дефицитовъ и найти средства къ ихъ устраненію въ будущемъ. Чтобы составить докладъ вполне ясно и показать, что не я разстроилъ бакинское хозяйство, нужны были цифры и за 1903 годъ. А получить ихъ можно было лишь въ началѣ января. Не теряя ни одного дня, я отдалъ свой докладъ въ печать, и 15-го января онъ былъ разосланъ гласнымъ съ таблицами, выработанными и систематизированными Натансономъ. Докладъ шелъ подъ заглавіемъ: «Финансовый докладъ городского головы», хотя я былъ въ немъ пахавшей мухой. Душу въ докладъ вложилъ Маркъ Андреевичъ своими таблицами. Всѣ выводы изъ нихъ частью напрашивались сами собой, частью были имъ же подсказаны. Результатъ доклада былъ слѣдующій. Городъ уже много лѣтъ сводитъ смѣту съ тайнымъ дефицитомъ. Сокращать расходы нельзя, потому что нельзя закрывать больницы, школы и т. д. Надо увеличить доходы, а сдѣлать это можно, поставивъ на должную высоту земельное дѣло и эксплуатируя нѣкоторыя техническія предприятия, которыхъ теперь и не касались, какъ трамвай, освѣщеніе и проч.

Насколько плохо шло земельное дѣло, мы получили еще новое блестящее доказательство. Много лѣтъ словесно, письменно и печатно г. Бѣлявскій говорилъ, что застроенной городской земли 250 десятинъ. На этомъ строились всѣ расчеты, всѣ смѣты. При разсмотрѣннн въ управѣ моего доклада—о, ужасъ!— г. Бѣлявскій говорить, что этой земли не 250 десятинъ, а 68; что онъ говорилъ 250 со словъ землемѣра. Къ сожалѣнію и 68 десятинъ говорилось тоже со словъ, ибо документальныхъ данныхъ мы такъ и не могли добиться. Однимъ словомъ, если бы думѣ не нравилось почему-то это хаотическое состояніе, она должна бы была организовать эту часть. Такъ же точно она не могла не чувствовать, что трамвай нуженъ, и что некому къ нему приступить, но повидимому тоже почему-то не хотѣла этого. Злые языки говорили, что слишкомъ много гласныхъ заинтересовано въ дѣлѣ конки.

И вотъ мой докладъ кончался предложеніемъ двинуть эти

два дѣла, избравши двѣ малочисленныя исполнительныя коммисіи: одну земельную, другую техническую, съ тѣмъ, чтобы производить нужныя изысканія. Примѣръ я бралъ съ маленькой водяной коммисіи. Дайте, говорилъ я, такія же коммисіи, но безъ Г. б. Меликова,—для изысканія денегъ.

Вѣкъ—думаю—не отдѣлаюсь я отъ своей маниловщины. Я и теперь вѣрилъ (ужь я ли не долженъ былъ знать своихъ гласныхъ?), что должны же они будутъ преклониться передъ цифрами.

Я думалъ, что натансоновскія таблицы раскроютъ гласнымъ глаза. Не тутъ-то было! Докладъ былъ встрѣченъ холодно. Собралъ я финансовую коммисію; на засѣданіе пригласилъ всѣхъ гласныхъ, кто пожелаетъ познакомиться съ дѣломъ. Изъ коммисіи пришло меньше половины членовъ, а изъ гласныхъ одинъ. Цифры должны были признать, ибо нельзя же сказать $2 \times 2 = 5$. Но постановили:

— Впередь разсмотрѣть смѣту, а потомъ докладъ.

— Какъ?—говорю я:—вѣдь докладъ основаніе смѣты. Прежде ознакомиться надо думѣ съ финансовымъ положеніемъ города, а затѣмъ уже сочинять сообразно съ этимъ смѣту.

— Смѣту давайте. Какіе тамъ еще доклады?..

— Да помилуйте; такъ нельзя. Вѣдь нельзя дѣйствовать на ощупь: вы слѣпы. Докладъ васъ сдѣлаетъ зрячими..

— Смѣту давайте...

Чего было разсуждать? Ясно было, что ни моя двухлѣтная работа, ни натансоновская бухгалтерія бакинцамъ не нужны. Ясно было, что ненуженъ и я. Я было думалъ, что надо уйти. Но уходъ мой пришлось нѣсколько отсрочить вслѣдствіе различныхъ постороннихъ думѣ обстоятельствъ. Въ началѣ 1904 года у меня была цѣлая серія всевозможныхъ инцидентовъ, которые все болѣе и болѣе разстраивали мои нервы. Здѣсь не мѣсто разсказывать про эти инциденты, далеко не безынтересные и не лишеныя общественнаго значенія. Собственно думы и хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ они не касались. А тутъ началась война, вызвавшая такіе ужасы и такія обществен-

ныя явленія, спокойнымъ зрителемъ коихъ тоже нельзя было оставаться...

Словомъ, на почвѣ нервовъ, сердца, печени я заболѣлъ и долженъ былъ какъ можно скорѣе ѣхать въ Петербургъ лечиться, что я и сдѣлалъ въ началѣ февраля.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Отъѣзжая въ отпускъ, я, конечно, давно уже сознавалъ, что въ Баку мнѣ не оставаться головой. Признаюсь, мнѣ съ одной стороны это было непріятно. Самозванные охранители разныхъ нашихъ безпорядковъ всегда рады бросить камень въ ненавистное для нихъ самоуправленіе. Такая у нихъ уже логика: если что плохо въ сферахъ бюрократическихъ—виноваты люди, недостойные своего положенія; если же плохо въ самоуправленіи, то, конечно, люди ни при чемъ, виноватъ самый принципъ. Я зналъ, что ссора моя съ думой на руку этимъ людямъ. Поэтому я рѣшилъ уйти лишь по достаточно серьезному поводу. Таковой я предвидѣлъ при разсмотрѣніи смѣты. Но разъ, что я уѣхалъ внезапно, не возвращаться же мнѣ было единственно изъ-за желанія создать поводъ для красиваго выхода. И я несомнѣнно въ Петербургѣ бы и остался, не случись инцидентъ, связанный съ моей службой, хотя и не касающійся думы. Здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться. Скажу только, что послѣ этого инцидента уходить мнѣ было немыслимо безъ ущерба для моего достоинства. Я долженъ былъ остаться головой хотя бы нѣсколько мѣсяцевъ.

И вотъ послѣ леченія въ Петербургѣ, я въ началѣ апрѣля вернулся въ Баку.

Гласные при мнѣ уже говорили на засѣданіяхъ: «бывшій голова». Управа повела-было дѣло по новому—поэтому мое появленіе на бакинскомъ горизонтѣ было для многихъ неожиданно, для всѣхъ непріятно (я говорю, конечно, о гласныхъ и о чле-

нахъ управы). Не у одного мелькнуло, небось, въ умѣ: «а ну какъ останется?!»

Вскорѣ по прїѣздѣ, я ихъ, впрочемъ, успокоилъ, не только говоря, въ частныхъ бесѣдахъ, что уйду, но заявивъ и въ думскомъ засѣданіи, что оставаться не намѣренъ.

Кое въ чемъ я уже нашелъ новый курсъ. Такъ устроено было статистическое отдѣленіе по новому, по-караваевски. Всѣхъ трехъ евреекъ, приглашенныхъ раньше всѣхъ Арнольдомъ, не было. Былъ прїятель г. Караваева не статистикъ, въ январѣ уже объявившій, что уходитъ и не ходившій на службу. Послѣ моего отъѣзда онъ совершенно правильно раздумалъ уходить и теперь состоялъ помощникомъ г. Караваева. Затѣмъ служилъ молодой татаринъ, очевидно избранный г. Караваевымъ за свою національность. Изъ старыхъ арнольдовцевъ остался одинъ милый Фанштейнъ. Такой удивительный выборъ служащихъ въ газетахъ объясненъ былъ тѣмъ, что оставлены въ бюро дольше всѣхъ служившіе. Для разъясненія всего этого я обратился къ докладу завѣдывающаго. Оказалось, что онъ дѣйствительно докладывалъ управѣ, что имъ избранныя лица старше всѣхъ по службѣ, при чемъ жонглировалъ словами. Нѣкоторые почему-то оказались штатными, другіе сверхштатными. Временное отсутствіе изъ города, по независящимъ обстоятельствамъ, сочтено было г. Караваевымъ за устраненіе отъ должности, сопряженное съ потерей штатнаго мѣста. Однимъ словомъ, все было подведено какъ слѣдуетъ.

Управа, какъ и всегда, дѣло разсмотрѣла со словъ докладчика, безъ провѣрки данныхъ, и удивительный докладъ г. Караваева прошелъ при перевѣсѣ голоса председателя Бѣлявскаго, стоявшаго вмѣстѣ съ г. Сафараліевымъ за его утвержденіе, противъ мнѣнія Арутюнова и Македонскаго, съ нимъ не согласившихся.

Прїѣхавъ, я думалъ-было разоблачить неправильность Караваевскихъ доводовъ. Но раздумалъ. Нельзя же управѣ въ разныхъ составахъ перерѣшать одно и то же дѣло нѣсколько разъ.

Не такъ смотрѣли на дѣло остальные члены управы. Любо-

пытно дѣло нѣкоего Р., завѣдывавшаго большою и отвѣтственною отдѣльною частью нашего хозяйства. Про него давно шли неблагоприятные слухи относительно обращенія съ рабочими, которыхъ у него подъ начальствомъ было человѣкъ сто. Незадолго до моего приѣзда изъ отпуска, инженеръ Богдатынъ, имѣвшій дѣло съ г. Р., подалъ на него жалобу въ злоупотребленіяхъ. Управа помялась, помялась, но рѣшила-таки произвести предварительное дознаніе, которое было поручено секретарю управы Ростовскому, человѣку выше всякихъ подозрѣній въ пристрастности.

Дознаніе выяснило массу злоупотребленій. Вещи г. Р. разыгрывались между рабочими въ лотерею, при чемъ не бравшіе билетовъ подвергались гоненію, а то и прости изгонялись. Близкій г. Р. человѣкъ покупалъ нарочно хлѣбъ, а то и мясо и по мелочамъ распродалъ рабочимъ, съ громадными барышами.

Защищали г. Р. его прямой начальникъ Сафараліевъ и Бѣлявскій. Мы трое были противъ. Дѣло тянулось долго. Еще до дознанія Ростовскаго управа постановила г. Р. временно устранивъ отъ должности, чтобы развязать языки рабочимъ. Это постановленіе въ исполненіе приведено не было, и г. Р. продолжалъ сидѣть на мѣстѣ. Затѣмъ Сафараліеву было поручено подыскать изъ служащихъ лицо, которое согласилось бы помѣняться мѣстами съ Р. (точно негодный на одномъ мѣстѣ годенъ на другомъ). Два раза Сафараліевъ пропускалъ данный ему срокъ, но ничего не нашель. Наконецъ, управа постановила уволить г. Р. безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Это было дней за 10 до моего окончательнаго отъѣзда изъ Баку. Но и такое рѣшительное постановленіе управы въ исполненіе приведено не было. Ждали моего отъѣзда, чтобы возстановить г. Р. въ прежнихъ, фактически имъ и не потерянныхъ правахъ...

Уѣзжать, не раскрывши зла, мнѣ извѣстнаго, я считалъ некрасивымъ. Выходило, какъ будто, что я являюсь укрывателемъ этого зла. Поэтому я еще возбудилъ два дѣла противъ инженеровъ Скуревича и Амирова.

Инженеръ Скуревичъ завѣдывалъ мостовыми и въ ноябрѣ

былъ замѣщенъ инженеромъ Богдатьяномъ, самъ же переведенъ на должность составителя проектовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого перемѣщенія ко мнѣ являются рабочіе мостовщики и заявляютъ, что не получили денегъ, заработанныхъ ими годъ назадъ по праздникамъ, частью на городскихъ работахъ, частью на работѣ по постройкѣ почты, которая производилась г. Скуревичемъ, какъ частная, независимо отъ службы городской.

Это меня поразило. Заставить городскихъ рабочихъ производить частную работу и годъ имъ не платить,—я считаю непростительнымъ. Зная, какъ русскій рабочій неотвязно требуетъ немедленной уплаты каждаго гривенника, я не могъ объяснить себѣ такого поздняго требованія денегъ иначе, какъ боязнью рабочихъ передъ начальникомъ.

Такъ я доложилъ дѣло управѣ. Но управа дѣло затянула, не сказавъ ни да ни нѣтъ. Но меня и очевидно г. Скуревича интересовало не рѣшеніе управы, а этическая сторона дѣла. Скуревичъ отрицалъ боязнь рабочихъ, а тѣмъ болѣе умышленную неуплату нѣсколькихъ десятковъ рублей. Все онъ объяснилъ забывчивостью. Я требовалъ болѣе щенетильнаго отношенія къ рабочимъ и видѣлъ въ этомъ большое зло.

Мнѣ мысль такая пришла. Скуревичъ хочетъ очистить свое имя отъ тяжелаго обвиненія, мною къ нему предъявленнаго. Дамъ ему возможность это сдѣлать путемъ болѣе яснымъ, чѣмъ ничего не значащее рѣшеніе управы. Я предложилъ ему третейскій судъ. Онъ съ радостью принялъ мое предложеніе и горячо хлопоталъ о скорѣйшемъ разборѣ дѣла. Судъ вынесъ такую резолюцію: Новиковъ долженъ былъ поднять дѣло, но обвиненіе имъ Скуревича въ злоупотребленіи не имѣетъ достаточныхъ основаній, ибо Скуревичъ виновенъ лишь въ простой забывчивости. Рѣшеніе это было вынесено лишь по долгомъ разсмотрѣніи дѣла. Выслушаны были, кромѣ меня со Скуревичемъ, и рабочіе и десятники.

Хотя судъ призналъ меня неправымъ, но я вынесъ полное удовлетвореніе. Не такъ ли должны рѣшаться такіе вопросы? Рѣшеніе управы никакого моральнаго значенія не могло бы имѣть. Годъ назадъ—когда дума и управа были за меня—Ску-

ревича бы прогнали невиннаго. Теперь—разъ я авторитетъ потерялъ—Скуревича виновнаго непременно бы оправдали. Не дорого инженера или иного служащаго уволить—административное, хотя бы и общественно-коллегіальное рѣшеніе можетъ дать и отнять у человѣка мѣсто, но ни обѣлить, ни опорочить не можетъ—дорого доказать и ему, и обществу, что онъ дѣйствительно дурень или хорошъ. Это можетъ сдѣлать лишь третейскій судъ совѣсти.

И когда судъ обѣлилъ Скуревича, я съ искренней радостью встрѣтилъ это рѣшеніе, не давшее мнѣ повредить его доброму имени.

Иначе дѣло прошло съ Амировымъ. Тутъ тоже я предложилъ ему третейскій судъ по слѣдующему поводу: черезъ два-три дня послѣ пріѣзда моего въ Баку онъ ко мнѣ подходитъ.

— Александръ Ивановичъ, вы согласны, чтобы на опрѣснителѣ построить домъ для рабочихъ?

— А деньги есть?

— Есть.

— Ну, конечно, согласенъ. Стройте.

Черезъ нѣсколько дней я подписываю ассигновку въ триста рублей подрядчику Касумову въ счетъ постройки дома на опрѣснителѣ. Затѣмъ стороной узнаю, что г. Амировъ строить себѣ на опрѣснителѣ не домъ для рабочихъ, а конюшню для своего жеребца. Тутъ же появляется счетъ Касумова въ 200 съ лишнимъ рублей, на этотъ разъ на конюшню.

Зову Касумова.

— Вы чтò строили на опрѣснителѣ?

— Конюшню.

— Почему же вы представили первый счетъ на домъ?

— Я написалъ счетъ на конюшню, а г. Амировъ велѣлъ переписать на жилой домъ.

Беру фаэтонъ, ѣдемъ съ Амировымъ на опрѣснитель. Выстроенной оказывается конюшня на двѣ лошади: одно большое отдѣленіе съ желѣзными рѣшетками занято верховымъ жеребцомъ Амирова, а другое отдѣленіе, попроще—городскимъ Васькой,

взятымъ изъ обоза. Ясно, что Васька могъ бы всю жизнь простоять въ сараѣ и въ полтысячныхъ помѣщеніяхъ не нуждался.

Когда мы пріѣхали, явился, несмотря на будній день, кучеро-подобный человѣкъ, и одѣтый совсѣмъ по-кучерски, оказавшійся городскимъ слесаремъ.

На обратномъ пути г. Амировъ казался разстроеннымъ, повторялъ, что кончить самоубійствомъ, предлагалъ мнѣ тысячу рублей на благотворительность, лишь бы не поднимать дѣла, клялся, что такъ меня любить и уважаетъ, что все равно безъ меня служить не будетъ. Я ему отвѣтилъ, что не застрѣлится и что и безъ меня преспокойно будетъ служить.

На бѣду въ дѣлахъ появился еще счетъ на замшу, щетки и еще что-то для лошади, что никакіе Васьки никогда и во снѣ не видятъ. Надпись на счетѣ была: «заплатить по такому-то § такой-то статьи. Амировъ».

Я истребовалъ объясненія отъ г. Амирова, каковое онъ далъ весьма неудовлетворительное. Прося меня дѣло не поднимать, онъ вручилъ мнѣ и прошеніе объ отставкѣ, подписанное нѣсколькими днями позже, чтобы не такъ замѣтна была связь между отставкой и постройкой конюшни.

Частнымъ образомъ я про это рассказалъ управѣ и многимъ гласнымъ и къ удивленію своему замѣтилъ, что никого это не поразило. Въ это время я предложилъ третейскій судъ Скуревичу.

«Дай,—подумалъ я,—и съ г. Амировымъ дѣло рѣшу судомъ чести».

Онъ съ радостью согласился, но тутъ случилась такая оказія, которой я и предвидѣть не могъ. По винѣ ли г. Амирова, или нѣтъ (хочу вѣрить, что не по его винѣ), но судъ не состоялся. Судьи не собрались. Такъ я и уѣхалъ изъ Баку, а г. Амировъ остался на мѣстѣ, согласно моему предсказанію.

II.

Если не такъ больно потерять власть или вліяніе, когда хочешь кого-либо преслѣдовать или наказать—право не такъ сладка возможность карать людей!—то не имѣть возможности защищать невиннаго отъ недобросовѣстныхъ нападокъ—очень бываетъ обидно и досадно. При такихъ нападкахъ мнѣ пришлось присутствовать по пріѣздѣ изъ Петербурга. Дѣло шло о Кардашовѣ, который, если читатель припомнитъ, устроилъ наше школьное хозяйство.

Устроилъ онъ его образцово, если принять во вниманіе, что до него никакого хозяйства школьнаго не было. Каждая завѣдывающая покупала что хотѣла и гдѣ хотѣла, а управа платила лишь деньги по предъявленнымъ счетамъ. Кардашовъ завелъ складъ, изъ котораго все выдавалось. Покупалось все дешевле прежняго, да и выдавалось лишь то, что нужно было. Охарактеризую все дѣло однимъ замѣчаніемъ. Число учениковъ въ 1903—4 году было въ полтора раза больше, чѣмъ въ 1902—3 г., а стоимость всего народно-школьнаго дѣла та же въ оба года.

Кардашовъ къ смѣтѣ написалъ отчетъ о дѣятельности школьнаго склада. Ясно было, что все обходится дешевле городу, чѣмъ прежде. Отчетъ былъ составленъ ясно, коротко, убѣдительно, а главное, правдиво. Всякій видѣвшій Степана Мартыновича Кардашова хоть разъ, не можетъ не видѣть, что кромѣ правды, ничего этого человѣкъ дать не можетъ.

Господамъ думцамъ оставалось лишь поблагодарить его за плодотворную службу (онъ работалъ съ утра до ночи). Такъ нѣтъ же: вышло обратное.

Получивъ отчетъ Степана Мартыновича, училищная комиссія оказала ему особую честь. Бакинскіе отчеты и доклады обыкновенно никѣмъ не читаются. Этотъ же отчетъ заинтересовалъ комиссію, которая передала его на заключеніе завѣдующихъ школами. Казалось бы, что своего агента нужно заставить контролировать школы, а тутъ, наоборотъ, контроль надъ

городскимъ агентомъ былъ порученъ завѣдующимъ. И вотъ начался судъ надъ Кардашовымъ. Къ сожалѣнію свои нападки гг. педагоги не увѣковѣчили въ протокольной формѣ (не потому ли, что многого не напишешь, что сказать ничего не стоитъ?). Бывшіе на засѣданіи подкомиссіи изъ учителей, подъ предѣтельствомъ, кажется, «каспійца» Меликова, рассказываютъ, что засѣданіе это было возмутительно. Не только завѣдывающіе русско-татарскими школами, которымъ многое прощается, что не прощается другимъ, но и г-жи смотрительницы русскихъ школъ старались перекричать другъ друга въ обвиненіяхъ Кардашова; онъ имъ отвѣчалъ спокойно, какъ и всегда, но подъ конецъ и этотъ невозмутимый человѣкъ не выдержалъ и ушелъ...

Сцена, говорятъ, была возмутительная. Но всѣ знали, что я ухажу, что не будетъ ненавистнаго для смотрительницъ предѣдателя училищной комиссіи, что начнется прежняя свобода покупать себѣ за счетъ города предметы роскоши. И вотъ надо было дискредитировать Кардашова.

— Распи, распи его!—кричали педагоги и подхватывали гласные Меликовы, распространявшіе эти дикіе и незаконные вопли черезъ страницы «Каспія».

Есть мода и на людей. Нѣкогда обучать дѣтей заставляли рабовъ. Тогда очевидно не было человѣка презрѣннѣе учителя. Теперь учитель, да еще народный—въ модѣ. Учитель, значить человѣкъ тихій, скромный, жизнь отдающій дѣтямъ. Увы! это не всегда такъ. Примѣръ—бакинскія смотрительницы.

Еще въ модѣ—такъ называемые труженики пера. А если покопаться, то чего-чего ни найдешь подъ этимъ нѣжнымъ названіемъ? Пусть гласные бакинской думы, Топчибашевъ, Меликовъ, Агаевъ, ослѣплены ненавистью ко мнѣ и рикшетомъ ко всѣмъ новиковцамъ. Пусть ихъ неправды и ихъ клеветы объясняются и оправдываются этимъ ослѣпленіемъ. Но что сказать про разныхъ Донъ-Діего, Фаустовъ и другихъ, отвратительно и безсовѣстно ругающихъ и поносящихъ Кардашовыхъ лишь изъ желанія угодить своимъ хозяевамъ? Или и передъ этими тружениками пера намъ преклониться прикажете?

— Распи, распи его!—слышалось въ каждой фразѣ этихъ господъ, направленной противъ Степана Мартыновича.

Комиссіи не собирались весной. Случайно какъ-то явились въ училищную комиссію гласные Меликовъ и Райченко, оба противники Кардашова. Я ихъ приперъ къ стѣнѣ.

— Вы, — говорю я, — понесите всячески Степана Мартыновича. Такъ укажите на зло, на неправды въ отчетѣ его.

— Весь отчетъ сплошное вранье.

— Укажите ихъ въ отдѣльности, чтобы я могъ судить.

— Не въ ту графу записывалъ. Къ мелочамъ надо относить щетки, лѣстницы, а онъ къ мебели. Цифра мелочей умышленно понижена.

— Пусть такъ, да вѣдь тогда повышена цифра мебели. Стоимость ученика отъ этого не измѣнилась. Не все ли равно? И какая цѣль Кардашову умышленно, какъ вы говорите, переносить цифру изъ одной графы въ другую... А еще что укажете?

— Смотрите. Дрова употреблены въ 1904 году, а записаны въ 1903 году. Это вѣрный отчетъ?

— Пусть такъ, но вѣдь отчетъ-то за 1903 годъ. По-вашему выходитъ, что Кардашовъ во вредъ себѣ искусственно возвышалъ цѣну, ну, хоть отопленія.

— Ножичекъ выданъ безъ требовательной бумаги смотрительницы. Это порядки?

— Да, но вѣдь взята росписка сторожа, на словахъ сказавшаго, что смотрительница забыла записать ножикъ въ требовательную вѣдомость...

И т. д., и т. д. Серьезнѣе обвиненій не было.

А въ «Наспії» и въ воздухѣ носилось про плохое хозяйство, намекалось на злоупотребленія.

До какой недобросовѣстности доходили обвинители, видно изъ того, что ни одинъ изъ членовъ комиссіи, ни одинъ гласный ни разу не заходилъ въ подвальный этажъ, гдѣ былъ складъ. И такъ судили человѣка, такъ говорили гласные и въ думѣ!

Все однѣ сплетни, которыя выдумывались, разносились, раздувались.

— Распни, распни его!

Такъ пишется муниципальная исторія.

Тутъ-то мнѣ было дѣйствительно больно не имѣть вліянія на это темное царство. Такъ и хотѣлось заставить ихъ замолчать и проглотить свою клевету.

Чѣмъ окончилось дѣло съ Кардашовымъ—не знаю, и вычеркнуть ли они его изъ смѣты я, уѣзжая изъ Баку, еще не зналъ, такъ какъ не дослужилъ до конца ея разсмотрѣнія.

Управа, впрочемъ, въ Кардашова уже успѣла лягнуть. Десять тысячъ отпускалось управѣ по смѣтѣ на канцелярскія принадлежности и на разныя мелочи. Тратилось это, Богъ знаетъ, какъ. А у Кардашова—свой школьный складъ письменныхъ принадлежностей. Я и предложилъ поручить ему и управскій складъ, выдавая ему изъ 10 тысячъ 300 рублей за излишнія хлопоты. Конечно, сберечь можно было не 300, а 3000 рублей. Кардашову же эти 300 рублей были необходимы, какъ прибавка къ ничтожному жалованью.

Полтора года дѣло такъ шло, и всѣ молчали. Но когда поднятъ былъ походъ противъ Степана Мартыновича учительницъ, «Каспія» и училищной комиссіи—не отставать же было и управѣ. Какъ не лягнуть въ него? И вотъ г. Арутюновъ находитъ, что расходованіе этихъ 300 рублей незаконно (ихъ въ смѣтѣ нѣтъ), а потому склады раздѣлить, передавъ управскій складъ экзекутору безъ особаго вознагражденія.

Что экзекуторъ не можетъ вести дѣло правильно,—ясно, ибо ни помощниковъ, ни счетоводства у него нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, управа единогласно (кромѣ меня) согласилась съ г. Арутюновымъ.

Анти-кардашовская манифестація была сдѣлана. Дума должна была быть довольна.

III.

Такъ какъ вся дѣятельность бакинской управы, не встревоженной вліяніями извнѣ, какъ, на примѣръ, въ тѣ два года, когда я былъ головой, сводится къ тому, чтобы пристраивать

своихъ людей и людшекъ, начиная съ мѣста члена управы и кончая послѣдними сторожами, то естественно, что на этотъ путь тупила наша управа немедленно по моемъ отъѣздѣ въ отпускъ. А такъ какъ всѣмъ было ясно, что я вернулся не надолго, то продолжалось это и при мнѣ.

Прежде всего, пристраиваніе людшекъ началось въ строительномъ отдѣленіи. Начали гнать старыхъ десятниковъ и брать новыхъ. Гнали хорошихъ и брали дурныхъ. Можно бы еще извинить это здоровой націоналистической тенденціею, которая у армянъ объяснима. Если бы было стремленіе пристраивать хорошихъ армянскихъ людей — куда ни шло. Но, нѣтъ, пристраивали своихъ (въ узкомъ смыслѣ, чуть ли не въ семейномъ), почти что худшихъ людей, никуда, помимо управы, негодныхъ. Брались люди, ничего общаго съ строительнымъ дѣломъ не имѣвшіе.

Увольняется Ряшенцевъ безъ вины. Увольняютъ Юрѣва противъ желанія архитектора, за злоупотребленіе, которое потомъ оказывается не злоупотребленіемъ. Берутъ къ строящемуся дому десятника, про котораго завѣдывающій архитекторъ говоритъ мнѣ, что просить считать его за пенсионера. Наконецъ, нужно еще кого-то пристроить, а мѣста нѣтъ. Чтó дѣлать? Есть постановленіе управы и приказъ, данный управой бухгалтеріи, не позволять никому изъ служащихъ платить жалованье изъ авансовыхъ денегъ, если служащій не взятъ на службу управой особымъ приказомъ. Но чего стѣсняться постановленіями управы? Это дѣлалось и писалось, чтобы стѣснять меня, чтобы ослабить притокъ свѣжихъ силъ. А разъ нужно пристраивать своихъ — долой всякія постановленія, преграды, тормозы.

И вотъ нѣкоего Бабаева надо пристроить, и его, противъ желанія архитекторовъ, командируютъ то къ одному, то къ другому изъ нихъ. Архитекторы выдаютъ ему жалованье изъ авансовыхъ денегъ по приказанію члена управы Македонскаго.

Приѣзжаю: вижу пристроено четыре человѣка, изъ нихъ ни одинъ не подходящій. Вѣдь не такое же мѣсто десятника, чтобы туда поставлять людей ни на что иное непригодныхъ.

Думаю себя: управа этого не знает. Дай доложу ей, что съ злодѣянiями Юрьева она попала въ просакъ, что Бабаевъ служить незаконно, что десятникъ при домѣ — пенсіонеръ и такъ далѣе.

Когда, бывало, я предлагалъ уволить явнаго вора, управа требовала—и совершенно правильно—немедленнаго объясненiя отъ заподозрѣннаго, дознанiй, допросовъ свидѣтелей.

А Юрьева! Я доказываю бумагой архитектора Коновицкаго, что онъ ни капельки не виновенъ въ злоупотребленiяхъ, за которыя уволенъ, читалъ его самого слезное прошенiе... И что же?

Управа единогласно (кромѣ меня) постановляетъ, что разъ Юрьевъ уволенъ, то дѣло кончено. Македонскiй правъ. Справедливость не для всѣхъ, а для своихъ нужна.

А десятникъ, котораго архитекторъ называетъ пенсіонеромъ?—Пусть остается. Это дѣло Македонскаго.

А десятникъ, что получаетъ жалованье изъ авансовъ, безъ постановленiя?—Оставить, ибо былъ, моль, въ мое отсутствiе о немъ разговоръ въ управѣ. Это и было то словесное (sic) постановленiе, оправдывающее дѣйствiя Македонскаго.

Пришлось мнѣ признать себя побѣжденнымъ. Единенiе управы было трогательное. Ты моихъ, а я твоихъ. На этомъ можно уйти далеко.

Долженъ оговориться. Гг. Бѣлявскiй и Арутюновъ, насколько я зналъ, своихъ не пристраиваютъ; но отдать имъ должное надо, что другимъ (членамъ центра) они не только не мѣшали, но всячески ихъ поддерживали.

Понятно, что и въ отношенiяхъ управы къ гласнымъ произошла перемяна. Подъѣзжая къ Баку, читаю въ газетахъ возмутительное, по-моему, дѣло.

Было думское постановленiе, что на пристаняхъ частныхъ лицъ—а такихъ пристаней въ Баку чуть не сотня—воспрещается имѣть жилья постройки. Это и безобразно, и не гигиенично, и опасно. Но бакинцы стѣсненiй не любятъ.

Въ числѣ гласныхъ магометанъ было два миллионера, Расуловъ и Ашуровъ—пристановладѣльцы, пароходовладѣльцы, домо-

владѣльцы. Они подаютъ просьбу въ управу, чтобы имъ было разрѣшено построить жилые дома для мастерскихъ при пристаняхъ. Управа въ ближайшее засѣданіе,—а сколько сотъ дѣлъ ждуть очереди по годамъ!—вносить эту просьбу въ думу, съ какимъ бы вы думали заключеніемъ? Удовлетворить просьбу Ашурова и Расулова, *не въ примѣръ прочимъ*.

И дума удовлетворяетъ ходатайство своихъ членовъ *не въ примѣръ прочимъ*.

И настолько это по-бакински, настолько это нормальное для Баку явленіе, что даже никто объ этомъ не говорилъ. Даже «Бак. Изв.» не обратили вниманія публики на это безобразіе. Такъ расписаться, что въ бакинской думѣ и бакинской управѣ для гласныхъ законъ не писанъ—я считаю невозможнымъ. Есть мѣра и цинизму.

IV.

Приходится говорить о самомъ для меня больномъ мѣстѣ. Все до сихъ поръ я считалъ возможнымъ переносить, со всѣмъ я могъ мириться, самъ себѣ завязывая глаза, потому что я, молъ, дамъ городу воды. Тридцать лѣтъ не могли ее дать, а я дамъ воды, много воды, дешевой воды, наилучшей воды. Униженія, неудачи во всемъ остальномъ можно было терпѣть ради этой одной практической цѣли.

Я уже говорилъ, что дѣло подпочвенныхъ изысканій было поручено маленькой комиссіи изъ четырехъ членовъ подъ моимъ предсѣдательствомъ. Комиссія была избрана изъ противниковъ Линдлеевскихъ изысканій. Только одного гласнаго Гаджинскаго выбрали по моей просьбѣ. Дѣло все-таки кое-какъ шло. Но вотъ въ мое отсутствіе заключенъ былъ договоръ съ французскимъ обществомъ буренія относительно изысканій противъ воли представителей Линдлея.

Положеніе страшно запуталось. Изысканія производилъ Линдлей черезъ своихъ представителей, а городъ всячески имъ мѣшалъ. Къ тому же я сплеховалъ,—я ошибся и, судя лишь по

внѣшнимъ признакамъ, рекомендовалъ молодого инженера—армянина, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ представителемъ города на мѣстѣ изысканій. Онъ оказался далеко не на высотѣ положенія. Пошли ссоры. А надо всѣмъ висѣлъ духъ вражды противъ Линдлея и меня. То и дѣло шли разговоры о прекращеніи изысканій. Всѣ чувствовали себя, какъ не на мѣстѣ. Вѣдь не можетъ человѣкъ работать какъ слѣдуетъ, если чувствуетъ себя непрочнымъ и ждетъ увольненія съ минуты на минуту. Между тѣмъ, такъ чувствовали себя и представители Линдлея, и служащіе города, и служащіе французскаго общества буренія.

Само общество это работало кое-какъ, затыгивало буреніе, дѣлая накладные расходы города непосильными.

Я пріѣхалъ, созвалъ комиссію. Вижу: только одно и хотятъ—развязаться со мной, и съ Линдлеемъ, и съ изысканіями. Предложилъ повѣдку сообщать на мѣсто изысканій. Согласились. Поѣхалъ одинъ Гаджинскій. Убѣдились на мѣстѣ, что дѣло идетъ плохо, и что главной причиной неуспѣха неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Увѣренность могла дать лишь дума, твердо сказавши, чего она хочетъ. Внесли вопросъ объ изысканіяхъ въ повѣстку. Дума собирается. Начинается рядъ предложеній, которыя и формулировать трудно. Большинство клонилось къ тому, чтобы прекратить изысканія подпочвенной воды въ Гильскихъ высотахъ, ограничившись Шолларскими родниками.

Я и кое-кто изъ гласныхъ возражали. Я снова перечисляю всѣ выгоды подпочвенной воды. Гласный Гукасовъ или Кянджунцевъ прекрасно объясняетъ думѣ, что вѣдь нельзя такъ дѣлать: сегодня начинать изысканія, а завтра ни съ того ни съ сего бросать. Припоминаетъ гласный, сколько хлопотъ стоило и у главноначальствующаго, и у министра земледѣлія, чтобы дано было разрѣшеніе на изысканія и на израсходование полутора ста тысячъ изъ запаснаго капитала. Вѣдь это не въ игрушки играть. Сегодня командирuemъ голову въ Тифлисъ и Петербургъ, хлопчемъ, торопимъ... завтра все бросаемъ, какъ ребенокъ, которому надоѣла игрушка. Это противно достоинству самоуправленія. Дѣло начато, и дѣло хорошее, надо его кончить.

Такъ говорили мы. Но дѣло было очевидно предрѣшено. Ни слова наши, ни заявленіе Гаджинскаго, единственнаго гласнаго, бывшаго на мѣстѣ, не подѣйствовали. Гласный Ирецкій, признавъ, что Шолларъ, въ особенности въ глубокихъ слояхъ, при послѣднемъ буреніи, далъ прекрасную воду, все-таки высказался противъ дальнѣйшихъ изысканій на верху.

Я замѣтилъ, что признаніе г. Ирецкимъ шолларской воды превосходной—послѣ его прежнихъ рѣчей, гдѣ онъ, называя Шолларъ-Кара-су, доказывалъ, что отъ его воды заболѣваютъ желтой лихорадкой—уже большой шагъ впередъ, и еще разъ просилъ думу дать воду не только лучшую, но и самую дешевую.

Увы! Ничто не помогло. Большинство высказалось за прекращеніе изысканій!

Дѣло погибло! Самое важное изъ тѣхъ, которыя я велъ (я говорю, конечно, о чисто практическихъ дѣлахъ).

Оглядываясь назадъ, я все-таки не считаю свое участіе въ дѣлѣ изысканій потеряннымъ временемъ. Даже Шолларскій родникъ не имѣлъ надежды дать воду городу Баку. Шолларъ я отвоевалъ настолько, что даже господа Ирецкіе его признали. Во всякомъ случаѣ рѣчвой воды Баку не получить, а получить родниковую.

Но я думаю и этого мало. Я думаю, что общественное мнѣніе города Баку, не гласныхъ, а всего города, могущаго разбираться въ этихъ дѣлахъ,—за гильскую подпочвенную воду. Такъ или иначе, но придетъ же, наконецъ, и такое время, когда торжествуетъ здоровое общественное мнѣніе. И получить Баку гильскую воду. Слишкомъ нелѣпо отказаться отъ науки.

Какъ ни утѣшай себя, но надо признаться, что думское рѣшеніе подѣйствовало на меня самымъ удручающимъ образомъ. Я началъ считать дни, когда мнѣ удастся выбраться изъ Баку. Но я хотѣлъ передъ уходомъ доложить думѣ о причинахъ моего ухода. Хотѣлъ дать ей картину того, чтò происходитъ. А для этого мнѣ необходимо было торопить какъ можно скорѣе смѣту, при чемъ я считалъ своей обязанностью, если не открыть имъ глаза (не откроешь глазъ тому, кто ихъ нарочно жмурить), то,

по крайней мѣрѣ, высказать все, что накопилося на душѣ, и въ чемъ я убѣдился на дѣлѣ.

V.

Смѣта, между тѣмъ, все не была готова. Прежде всего запоздала управа. Прежняя система, мною заведенная, когда управа смѣту разсмотрѣла совмѣстно съ финансовой комиссией, была комиссией отвергнута. Между тѣмъ, это была система единственно разумная. Управа даетъ всѣ объясненія, нужныя для комисси. Здѣсь же выслушиваются инженеры, доктора, начальники отдѣльных частей. Дѣло уясняется самой управѣ, а тѣмъ болѣе комисси, члены которой часто совсѣмъ съ дѣломъ незнакомы ни непосредственно, ни даже по отчетамъ. Была работа живая. Смѣта получила сознательная.

Теперь комисси, съ председателемъ Антоновымъ во главѣ, потребовала, чтобы управа составила смѣту одна, и чтобы затѣмъ эта смѣта пошла на разсмотрѣнiе комисси. У комисси была, какъ всѣмъ давно было ясно, одна забота: сокращать расходы. Какъ-никакъ, но сокращать. А врагъ у комисси былъ одинъ—это я. Новиковскаго кошмара съ легкой руки Г. Г. Кянджунцева боялись всѣ. Я спрашивалъ членовъ комисси:

— Почему не разсмотрѣть смѣту сообща?

— Вы насъ заговорите.

Вникните-ка въ это положенiе.

Задавшись цѣлью сокращать расходы, они предпочитали умышленно бродить въ потемкахъ, лишь бы не дать себя уговорить. Таковъ былъ исходный пунктъ, ни въ какомъ случаѣ не говорившій въ пользу членовъ комисси и не предвѣщавшій добра.

Но дальше было еще хуже.

Управа (безъ меня—я былъ въ Петербургѣ) смѣту просмотрѣла. Управѣ это легко, ибо по каждой отрасли она получаетъ проекты, смѣты отъ начальниковъ отдѣльных частей, людей,

знакомыхъ близко съ дѣломъ. Изъ управы смѣта по частямъ передавалась въ комиссію.

Вооружившись смѣтами предшествующаго 1903 года и еще прежняго 1902 года (до-новиковскаго) работать они стали очень просто: урѣзывать все новиковское и возвращаться къ временамъ дореформеннымъ.

Мало того, что они избавлены были отъ моего давленія, они не захотѣли даже присутствія отдѣльныхъ членовъ управы... Мало того... они не спрашивали ни докторовъ, ни архитекторовъ, ни другихъ отвѣтственныхъ служащихъ, почему и зачѣмъ внесено въ смѣту такое или иное измѣненіе.

Вышло такъ—безъ преувеличенія говорю—люди хотѣли работать не иначе, какъ въ потемкахъ. Чувствовалось что-то дѣтски-безпомощное.—Мы, молъ, хотимъ сдѣлать урѣзки; вѣроятно, сдѣлать ихъ нельзя; а мы все-таки урѣжемъ. Такъ не будемъ никого къ себѣ пускать, а то не дадутъ сдѣлать урѣзки.

Большаго признанія своей собственной несостоятельности и представить себѣ нельзя.

Двухъ, впрочемъ, выслушали служащихъ. Во-первыхъ, Андроникова, который сумѣлъ всѣхъ расположить къ себѣ; во-вторыхъ, Богдатьяна, инженера по замощенію.

Андроникова выслушали и поневолѣ съ нимъ согласились—это единственная отрасль нашего хозяйства, смѣта которой не только не была урѣзана, но и увеличена въ сравненіи съ прошлымъ годомъ. Вотъ что значать личныя симпатіи!

Богдатьяна начали спрашивать по его части, но когда онъ хотѣлъ полнѣе ввести комиссію въ курсъ дѣла, предсѣдатель его обрывалъ:

— Отвѣчайте лишь на вопросы.

Такъ работала финансовая комиссія, состоящая изъ лучшихъ, какъ говорятъ, гласныхъ. Антоновъ, А. Г. Айвазовъ, Сафаралиевъ—все leader'ы нашего центра.

Какую-то смѣту комиссія недостаточно урѣзывала.

— Для чего же мы тутъ,—воскликнулъ членъ комиссіи Шарбандовъ,—если мы не будемъ сокращать расходы?

Шире своей задачи никто не понималъ.

Говорять, что ни на какомъ языкѣ нельзя такъ отвратительно ругаться, какъ по-русски. Ошибаются: еще хуже ругаются по-татарски. При этомъ такая ругань у насъ — привилегія низшихъ классовъ, и еще въ состояніи опьяненія; у татаръ же ругаются и болѣе культурные элементы. Ругань притомъ вовсе не считается оскорбительной; ругаются для краснаго словца, для красоты рѣчи. Подбадривали себя, другъ друга, пуская такую ругань, и члены комиссіи.

— Стой, моль, не сдавайся, иначе смотри...

Грустно, невѣроятно грустно, что отъ такого рода засѣданій зависитъ судьба русскихъ самоуправленій.

Приѣзжаю я. Слышу про все это. Горе взяло! Что же—спрашиваю—мой финансовый докладъ? Чтѣ рѣшили, изучивши его? Согласились ли съ моими доводами?

Увы, лежитъ нетронутый докладъ мой, и какъ поговорили тогда о немъ 3—4 члена финансовой комиссіи, на усмотрѣніе которой я его предложилъ, да еще единственный гласный Агаевъ—спасібо ему—одинъ изъ всей думы пришедшій на мною созданное частное совѣщаніе, единственный гласный, добросовѣстно отнесшійся къ труду Натансона и моему.

— Да что-же,—спрашиваю я,—неужели гласнымъ не нужно познакомиться съ дѣломъ поближе? Вѣдь о картинѣ финансоваго положенія города они впервые получили возможность судить по этому докладу.

— Ничего имъ не нужно. Они сплеча урѣзываютъ смѣту.

Рѣшилъ усовѣститъ кое-кого изъ гласныхъ. Встрѣчаю въ клубѣ А. Г. Айвазова; его слушается дума, считаетъ знаткомъ.

— Александръ Григорьевичъ, прочли мой докладъ о финансахъ?

Смѣется.

— Нѣтъ!

— Да какъ же вы смѣту-то?... Вѣдь прежде надо ознакомиться съ положеніемъ, а потомъ уже обсуждать мелочи.

Встрѣчаю въ думѣ другого члена финансовой комиссіи,

Кянджунцева—гласнаго образованнаго, умнаго и серьезнаго. Онъ отъ званія члена финансовой комиссії отказался.

— Гайкъ Григорьевичъ! Читали мой финансовый докладъ? Не смѣется, немножко какъ будто сконфуженъ.

— Нѣтъ, признаться, не читаль.

— Такъ какъ же вы беретесь судить о финансовомъ положеніи города и обсуждать смѣту?

Встрѣчаю его черезъ день. Докладъ прочель, но, кажется, имъ неудовлетворенъ.

Никто ничего не читаль, не читаетъ, читать не хочетъ. А всѣ говорятъ. Даже смѣшно дѣлается.

Началось разсмотрѣніе смѣты въ думѣ. Сначала ходили слухи, что дума безъ иреній приметъ смѣту финансовой комиссії. Но къ счастью направленное въ этомъ смыслѣ предложеніе Г. б. Меликова не прошло. Это было бы уже слишкомъ беззастѣнчиво.

Тѣмъ не менѣе ясно было, что сговорились смѣту управы проваливать. Про что бы ни говорили, большинство кричало:

— Принять цифру финансовой комиссії.

Иногда сокращенія комиссії были слишкомъ ужъ неосновательны. Члены управы и я объясняли гласнымъ, что такъ нельзя безъ большого ущерба для дѣла.

— Вѣдь финансовая комиссія не знакомилась съ дѣломъ. Она даже не выслушивала управскихъ агентовъ. Почему тутъ поставлено три писца? Знаетъ ли комиссія ихъ работу? Знакомилась ли съ дѣломъ ихъ? Въ нынѣшней смѣтѣ было 4. Прежде было 2. Вотъ и написали 3... сплеча.

Встаетъ Антоновъ, предсѣдатель комиссії.

— Я нахожу ваше замѣчаніе неумѣстнымъ, что комиссія работала сплеча. Я полагалъ бы, что надо относиться съ большимъ уваженіемъ къ работѣ, при томъ бесплатной, гласныхъ.

И г. Антоновъ, не давъ времени мнѣ отвѣтить, выходитъ демонстративно изъ залы.

Большую частью дума согласовывала мнѣніе финансовой комиссії, но иногда очевидность брала верхъ, и приходилось со-

гласиться съ управой. На неосновательность доводовъ комиссіи неоднократно указывали и гласные. Г. Антоновъ нѣсколько разъ меня останавливалъ, когда я выражалъ сомнѣніе на счетъ цифръ комиссіи и недоумѣніе на счетъ способа составленія его смѣты и ознакомленія съ дѣлами.

Съ нимъ у меня дѣло дошло до полного разрыва.

На него нападали гласные за необоснованность цифръ комиссіи. Онъ сваливалъ вину на управу.

— Если бы вы видѣли, что намъ дала управа вмѣсто смѣты, то поняли бы, что мы ничего сдѣлать не могли.

— Чѣмъ же,—спрашиваю я,—плоха была управская смѣта?

— Она не только не была напечатана, но написана-то она была на лоскуткахъ бумаги, цифры нѣсколько разъ перечеркнуты. Трудно было понять, какая настоящая.

— Вѣроятно, та, которая не была перечеркнута! Впрочемъ, теперь министерства и сами министры объявляли неоднократно, что на форму обращать вниманія нечего. Я не зналъ, что форма такъ важна въ сношеніяхъ управы съ комиссіей. Я, правда, управской смѣты не видалъ, бывъ во время ея составленія въ Петербургѣ, но знаю, что управскія цифры всѣ обоснованы, и управа вамъ по нимъ дастъ объясненія. Ваши же цифры свидѣтельствуютъ о полномъ незнаніи дѣла и о нежеланіи даже съ нимъ ознакомиться. Вы по нѣскольку разъ мѣняли мнѣніе, передѣлывали ваши рѣшенія. Одинъ протоколъ противорѣчить другому.

Встаетъ гласный Антоновъ.

— Ваше отношеніе къ финансовой комиссіи совсѣмъ нетерпимо. Гласные комиссіи добросовѣстно трудились и трудились безъ вознагражденія (а ты, молъ, жалованье получаешь!), и вы позволяете себѣ обвинять ихъ въ плохой работѣ...

— Да, вѣдь я доказываю...

— И чуть ли не въ недобросовѣстности. При этихъ условіяхъ я считаю несогласнымъ съ своимъ достоинствомъ сидѣть здѣсь больше.

Такъ приблизительно говорилъ старѣйшій изъ гласныхъ,

Антоновъ, видный членъ центра, и вышелъ изъ залы. Болѣе онъ подѣ моимъ предсѣдательствомъ не жаловалъ въ думу.

Другими словами: я гласный, и мнѣ все позволено: и говорить, не зная дѣла, и тебя, наемника, ругать. А ты.. Я же тебѣ жалованье плачу,—хотя изъ городскихъ денегъ,—я твой хозяинъ, и ты еще смѣешь говорить со мной, какъ равный съ равнымъ...

VI.

Случилось такъ, что въ очень интересный день разсмотрѣнія смѣты бухгалтеріи и техники, со мной былъ приступъ лихорадки. Предсѣдательствовалъ Бѣлявскій. По бухгалтеріи финансовая коммиссія ухитрилась такъ написать, что можно было понять различно. Можно было думать, что коммиссія хочетъ вернуться къ временамъ до-новиковскимъ. Можно было понять и такъ, что она хочетъ оставить натансоновскую реорганизацію нетронутой. Но дѣло не въ коммисіи.

Дума, несмотря на свое собственное постановленіе годъ назадъ, по которому введены были новые штаты, несмотря на то, что люди уже были приглашены и работали по новой реорганизованной бухгалтеріи, несмотря на объясненіе бухгалтера Гукковского и управы—постановила сократить на одну треть число служащихъ, а оставшимся жалованье убавить тоже на одну треть въ среднемъ.

Другими словами: наплевать намъ на новиковскіе доклады и натансоновскія бухгалтеріи. Все равно ни докладовъ, ни бухгалтерскихъ отчетовъ мы читать не намѣрены. Да и вообще еще не доказано, что лучше: свѣтъ или тьма. Нѣкоторые, впрочемъ, еще сомнѣвались, полезна ли бухгалтерія новая или нѣтъ. Такъ люди не привыкли къ широкому полету, такъ не умѣютъ обнять цѣлой картины, что и общая картина финансоваго положенія города имъ кажется излишнею.

Словомъ, бухгалтерію рѣшили вернуть къ старому времени и старымъ порядкамъ. Массу людей постановили выгнать на улицу,

а остальнымъ уменьшить тѣ, и безъ того мизерныя жизненныя блага, какими пользовались они прежде. Управу лишили руля; открыли поле дѣятельности злоупотребленіямъ; съ людьми, служащими городскому самоуправленію, поступили, какъ добрый крестьянинъ не поступаетъ съ давно служащимъ у него батракомъ.

То же сдѣлали въ это достопамятное засѣданіе и съ техникой, сокративъ на половину архитекторовъ и на двѣ трети десятниковъ и убавивъ оставшимся жалованье тоже процентовъ на 30.

Кромѣ того, что обидѣли массу служащихъ, этимъ какъ бы сказали: ну васъ къ чорту съ вашимъ надзоромъ. Мы, домовладѣльцы, нарушаемъ строительныя правила, и мы же будемъ васъ разводить. Вы захотѣли облагать трубы, которыя проходятъ по улицамъ Чернаго Города; да вѣдь трубы-то наши. Ну васъ къ Богу! Чѣмъ меньше надзору, тѣмъ лучше!

На другой день смятеніе въ управѣ. Смятеніе весьма понятное. Служать люди не у какого-нибудь кулака. Служать городу, самоуправленію. И вдругъ, какъ щепку, выкидываютъ тебя на улицу или лишаютъ возможности дать воспитаніе сыну.

Собрались въ бухгалтерію служащіе, поговорили межъ собой и рѣшили написать прошеніе думѣ, что просятъ молъ перерассмотрѣть это дѣло. Уже очень, молъ, неправильно думское рѣшеніе, съ какой стороны ни взгляни.

Работа клеилась весь день плохо. Руки опускались.

Собрались и архитекторы и тоже рѣшили, что при такихъ порядкахъ служить нельзя. Взяли, да и подали всѣ прошенія объ отставкѣ.

Собрались и десятники, взяли прошеніе бухгалтеріи и написали такое же. Пересмотрите, молъ, свое рѣшеніе.

Въ городѣ заволновались. Изъ мухи сдѣлали слона.

Вечеромъ кое-какъ собралась дума въ еле законномъ числѣ. Публики масса. Пришли слушать о протестѣ служащихъ. Мелькаютъ лица, прежде не бывавшія въ думѣ.

Докладываю дѣло вновь, говорю, что долго дѣло такъ въ неизвестности тянутся не можетъ, ибо очень понижена работо-

способность служащихъ, находящихся подъ ударомъ безпричиннаго увольненія, или въ лучшемъ случаѣ уменьшенія жалованья. Объясняю имъ, какъ вредно это отразится на дѣлѣ и какъ недостойно это самоуправленія. Служащій самоуправленію долженъ чувствовать себя, какъ у Христа за пазухой, а тутъ положеніе служащаго оказывается менѣ прочнымъ, чѣмъ въ любой порядочной нефтяной фирмѣ.

Были возраженія, но слабыя. Гласный Султановъ все доискивался у меня, что я разумѣю подъ пониженной работоспособностью и не кроется ли тутъ какое-либо наказуемое зло. Но къ сожалѣнію, онъ остался при своемъ стремленіи къ сыску. Зла никакого не оказалось.

Тѣмъ не менѣ большинство понимало, что такъ нельзя. Перерѣшать же прежнее постановленіе при такомъ незначительномъ составѣ нельзя было по ихъ мнѣнію.

За всѣхъ говорилъ гл. Ахмедовъ.

— Скажите,—говорилъ онъ,—служащимъ, что все устроится, чтобы они не волновались. Теперь же давайте передадимъ эти вопросы для дополнительнаго разсмотрѣнія въ комиссіи строительную и финансовую. Соберите ихъ завтра въ воскресенье. Я ручаюсь, что мы соберемся. Все устроится.

Такъ и порѣшили.

Увы! Слишкомъ много взялъ на себя г. Ахмедовъ. Въ строительную-то комиссію онъ и еще кое-кто пришли, въ финансовую же не пришелъ никто. Можетъ бы за г. Антоновымъ сочли нужнымъ обидѣться и другіе члены комиссіи. Строительная комиссія выработала техническіе штаты, болѣе или менѣ подходящіе къ прежнимъ.

Но тутъ произошелъ такой пассажъ, котораго я, признаюсь, не ожидалъ, и который ускорилъ развязку.

Дума перестала собираться.

Время было страшно горячее. Шелъ іюнь, когда бакинцевъ тянеть in's Grüne. Вотъ-вотъ могли развѣхаться! А тутъ смѣта не готова. Губернаторъ торопитъ и торопитъ основательно. Какъ-никакъ, но полгода опоздать со смѣтой,—вѣдь это безобразіе.

Въ понедѣльникъ начинаемъ собираться къ засѣданію. Минимальный законный составъ у насъ 19 человекъ. Слышу 17... 18... и остановились.

Говорятъ: приходилъ внизу гласный такой-то, спросилъ, здѣсь ли вы, и узнавши, что здѣсь, ушелъ, позвавъ еще двухъ съ собой сверху. Одинъ, другой подходятъ, столько же уходятъ... засѣданіе сорвано... На другой день то же самое...

И въ городѣ пошли слухи, что гласные при мнѣ уже не соберутся. Кто говорилъ, что они не хотятъ дать мнѣ случая объяснить причинъ моего ухода, кто—и это болѣе правдоподобно—что этимъ они хотѣли заставить меня уйти скорѣе.

Оставаться я не могъ безъ явнаго ущерба для города, и я немедленно подалъ въ отставку и одновременно испросилъ себѣ отпускъ, боясь, что отставка затянется. Опасенія оказались напрасны. Дѣло съ отставкой моей шло необычайно скоро, и черезъ три дня я ее уже получилъ.

14 іюня я уѣхалъ изъ Баку, пробывъ головой два года съ небольшимъ. Передъ отъѣздомъ я написалъ гласнымъ письмо, въ которомъ говорилъ, что, подавъ въ отставку, я не могъ объяснить думѣ причины ея, а потому изложу эти причины въ особой книгѣ, которая къ осени будетъ напечатана.

VII.

Еще за нѣсколько времени до моего отъѣзда, кое-кто изъ новиковцевъ началъ отъѣзжать. Уѣхалъ Ростковскій, секретарь управы, за упраздненіемъ должности и финансовой комиссіей и думой, уѣхалъ, получивъ соответствующую должность въ Тифлисѣ, гдѣ, кажется, его приняли не по-бакински. Затѣмъ начали искать лучшаго и болѣе прочнаго положенія нѣкоторые изъ низшихъ служащихъ моей канцеляріи. Тутъ упразднено много должностей. Это вѣдь все новиковцы. И если люди, упраздненные въ другихъ отдѣленіяхъ, могли надѣяться получить какое-либо соответствующее мѣсто, то новиковцы такой надежды имѣть не могли.

Начали уходить и не новиковцы. Такъ не выдержалъ и ушелъ милый докторъ Арнольдъ. Молчалъ, молчалъ и уѣхалъ, не выдержалъ.

Пришелъ чередъ и за мной. Казалось бы, что я долженъ бы ждать какъ величайшаго счастья отъѣзда изъ Баку. Практически я десятой доли не могъ сдѣлать изъ всего того, что я себѣ поставилъ задачей. Нѣсколько усилившаяся школьная дѣятельность и изысканія на Шолларъ,—вотъ весь мой практический активъ.

Ничто въ сравненіи съ пассивомъ. Не удались гильскія изысканія, не удался заемъ, не удалось упорядоченіе хозяйства въ санитарномъ, строительномъ и иныхъ отношеніяхъ; дума не только не подчинилась моему вліянію, но озлобилась; не удалось въ самоуправленіи привить новыхъ, здоровыхъ началъ.

Таковъ мой пассивъ.

Тѣмъ не менѣе мнѣ жаль было покидать этотъ малогостепримный для меня городъ. Почему?

Говорятъ, кошка привыкаетъ къ мѣсту, собака къ человѣку. Пусть у меня въ этомъ отношеніи и собачьи и кошачьи наклонности. Я и къ мѣсту привыкаю, и къ людямъ. Нельзя же объяснить лишь инстинктомъ чувство сожалѣнія при разставаніи съ Баку. Надо искать корней этого чувства поглубже.

Связь съ Баку у меня оставалась, и думаю—связь прочная. Не въ дѣлахъ она: выразилась, не въ чувствахъ солидарности съ думой—нѣтъ. Я почувствовалъ близость къ людямъ труда, людямъ, которые въ самоуправленіяхъ называются третьимъ элементомъ.

Я могъ сравнить третій элементъ, т.-е. людей труда и мысли безъ всякихъ правъ, съ гласными, людьми капитала, бездѣля (въ дѣлахъ городскихъ, конечно), часто къ труду неспособными и награжденными массою правъ даже по отношенію къ труженикамъ, дѣйствительно работающимъ для города.

У насъ принято считать людей самоуправленій за лучшихъ мѣстныхъ людей. И вотъ гласный земства, какой-нибудь помещикъ, занимающійся лишь своимъ хозяйствомъ, а уѣздными или

губернскими дѣлами недѣлю—другую въ году, когда наѣзжаетъ въ городъ повидаться съ знакомыми—считается мѣстнымъ, а потому и лучшимъ человѣкомъ.

Также и гласный думы, занятый своей торговлей, капиталами или домами, приходящій черезъ засѣданіе въ думу на людей поглядѣть и себя показать, чтобы при случаѣ обдѣлать свое выгодное дѣло или пристроить близкаго человѣка—тоже мѣстный, а слѣдовательно и лучшій человѣкъ.

Съ другой стороны возьмемъ доктора, архитектора, счетовода, писца, 5, 10, 20 лѣтъ служащаго городу, сродвившагося съ нимъ не набѣгами, а постоянной работой безъ разгиба, волей-неволей полюбившаго свое дѣло уже въ силу привычки. Нѣтъ, это не мѣстный, это не лучшій человѣкъ! Его можно въ думѣ ругать беззащитнаго; его можно прогнать почеркомъ пера, его почему-то считаютъ вреднымъ, чуть не опаснымъ.

Не безобразіе это? Не возмутительная несправедливость?

Съ ними-то, съ этими безправными людьми, мнѣ жалко было разставаться; я уже съ самаго начала чувствовалъ себя ближе къ нимъ, чѣмъ къ отцамъ города. Прощанье съ ними еще усилило это чувство близости.

Наканунѣ отъѣзда я просилъ ихъ собраться въ думскомъ залѣ и сказалъ на прощаніе два слова. Больше говорить я не могъ. Что-то сжимало мое горло. Мнѣ отвѣтилъ исполнительный комиссаръ, магометанинъ.

На другой день я уѣзжалъ. Проводить пришло нѣсколько десятковъ человѣкъ, исключительно третьяго элемента. Были и низшіе служащіе. Ни одного члена управы, ни одного гласнаго. И слава Богу!

Съ ихъ стороны была бы фальшь, если бы они пріѣхали. Фальшивить бы пришлось и мнѣ. Въ крайнемъ случаѣ, со стороны 4—5 человѣкъ, это было бы не фальшью, а актомъ холодной вѣжливости.

Тутъ ничего такого. Выгоднѣе было меня не провожать, нежели провожать. Поэтому кто пріѣхалъ—не изъ выгоды, не изъ лести пріѣхалъ.

Вотъ рѣчь, которую держаль одинъ изъ провожавшихъ (привожу по газетамъ).

«Глубокоуважаемый Александръ Ивановичъ. На мою долю выпала почетная обязанность высказать вамъ на прощаніе искреннее сожалѣніе своихъ товарищей по поводу оставленія вами поста бакинскаго городского головы.

«Я не могу по достоинству оцѣнить ту утрату, которую несемъ мы, лишаясь такого идеальнаго человѣка. Не хочу сказать начальника, потому что вы всегда обращались съ нами не какъ начальникъ, а всегда были человѣкомъ. Скажу только, что мы въ обращеніи съ вами чувствовали себя свободно, и всякій изъ насъ, начиная съ простого метельщика и кончая высшими служащими городского управленія, одинаково находили въ васъ полную отзывчивость. Скажу болѣе: вы были сильнѣйшимъ заступникомъ всѣхъ маленькихъ служащихъ управы, вы своимъ гуманнымъ отношеніемъ возвысили этихъ маленькихъ людей въ ихъ же глазахъ, и они выросли въ сознаніи своего человѣческаго достоинства, пробужденнаго въ нихъ вами. Вотъ это-то пробужденіе человѣческаго достоинства навсегда останется незыблемымъ памятникомъ въ окружавшихъ васъ людяхъ. Вы подняли приниженную личность мелкихъ служащихъ и вотъ за это они выражаютъ вамъ сердечное спасибо и глубокое сожалѣніе, что лишаются своего дорогаго руководителя и заступника ихъ интересовъ.

«Будьте счастливы, дорогой человѣкъ, оставайтесь всегда такимъ, какимъ мы васъ знаемъ».

Если бы мнѣ эту рѣчь держаль близкій мнѣ человѣкъ, новиковецъ, я бы получилъ нѣкоторое удовлетвореніе. Не мудро мнѣ было по-человѣчески обращаться съ людьми мнѣ близкими.

Но говорилъ не новиковецъ, а говорилъ счетоводъ бухгалтеріи изъ старо-служащихъ, Антонъ Федоровичъ Скляревскій, который не только не былъ мнѣ близокъ, но съ которымъ у насъ послѣднее время прекратились личныя отношенія по дѣламъ, не относящимся къ службѣ. И среди провожавшихъ меня было много личныхъ—не хочется сказать—враговъ, но по крайней мѣрѣ

людей, далекихъ отъ меня по своему міросозерцанію, по своимъ идеаламъ. И въ этомъ я нашелъ величайшее утѣшеніе.

Я поставилъ себѣ задачей жизни работать для маленькихъ людей. И если я сумѣлъ быть для маленькихъ людей, для бѣдныхъ людей, да еще мнѣ подчиненныхъ, человѣкомъ, а не начальникомъ, если я содѣйствовалъ тому, что они почувствовали себя людьми не худшими, а можетъ быть лучшими, чѣмъ тѣ, передъ которыми имъ приходится преклоняться, то значить я сумѣлъ убить въ себѣ человѣка high life'a, помѣщика, дворянина, земскаго начальника. Я сумѣлъ сдѣлаться просто человѣкомъ. А выше этого нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Чувствовать себя человѣкомъ, значить свое достоинство не ставить ниже чьего бы то ни было, но и не считать себя выше другихъ.

Земскимъ начальникомъ я чувствовалъ себя близкимъ къ крестьянамъ, но это была близость отца къ дѣтямъ... нѣтъ не отца... вотчима, барина, а можетъ быть и палача...

Только при чувствѣ абсолютнаго равенства человѣкъ вполне можетъ быть удовлетворенъ. Я этого добивался давно, но даже въ Баку у меня была бѣлая кость и черная кость: не по происхожденію, не по богатству, не по положенію, не по власти, а все-таки была. Бѣлая кость для меня были люди однихъ стремленій, однихъ идеаловъ со мною,—это были новиковцы; черная кость для меня были антиновиковцы.

Только тутъ, на вокзалѣ, я почувствовалъ, что человѣка надо искать и сумѣть найти во всякомъ. И вотъ, если надавить на извѣстную пружину, можетъ и въ злодѣѣ найдется человѣкъ.

Служащіе, про которыхъ я говорю, и которыхъ я считалъ *не людьми*, потому что они не сходились со мной, все-таки почувствовали себя людьми со мной, вѣроятно потому, что я не позволилъ своимъ личнымъ отношеніямъ переходить на служебную почву. Но этого мало, будь я человѣчище не только какъ начальникъ, но и какъ частный человѣкъ, не большихъ ли бы я достигъ результатовъ и въ смыслѣ распространенія своихъ идеаловъ.

А гласные? Да вѣдь и они можетъ быть люди, несмотря на капиталы свои, несмотря на власть свою! Что, если бы съ самаго начала, вмѣсто гордости, съ которой я къ нимъ обращался, вмѣсто—ну да простятъ они мнѣ—вмѣсто презрѣнія, я имъ показаль бы желаніе сблизиться, другими словами, я бы поступилъ съ ними болѣе по-человѣчески—что бы вышло? А вдругъ человѣкъ и въ домовладѣльцѣ сказался бы.

Трудно думать, но можетъ быть.

Правда, я и въ большинствѣ третьяго элемента, не подобраннаго мною по особому рецепту, не искалъ людей, а они сами нашлись для меня, но здѣсь куда было легче пробудить человѣка. Достаточно было не смотрѣть на нихъ сверху внизъ, и они уже реагировали.

Теперь я убѣжденъ, что съ ними и въ другихъ вопросахъ можно было бы достигнуть большихъ результатовъ. Но зато это—третій элементъ, трудящіеся пролетаріи. Съ гласными успѣхъ былъ бы куда проблематичнѣе. Начать съ того, что не они кланяться привыкли, а наоборотъ, чужихъ ждутъ поклоновъ. А впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть правы тѣ, которые говорятъ, что если я не добился отъ нихъ чего хотѣлъ, то это моя вина...

Много я потомъ передумаль, сидя въ вагонѣ...

Но и теперь еще не могу безъ умиленія вспомнить послѣднія минуты, проведенныя мною въ Баку. Я нѣсколько разъ принимался говорить, что желалъ имъ блюсти эту искру человѣческаго достоинства, которая въ нихъ загорѣлась, умолялъ простить мое невольное зло, а можетъ быть и сознательныя оскорбленія, имъ причиненныя, просилъ не прерывать со мной сношеній, если бы кто почувствовалъ нужду въ нравственной поддержкѣ...

Меня привѣтствовали случайно бывшіе въ вокзалѣ армяне; я видѣлъ слезы на многихъ глазахъ, и самого слезы душили...

Кое-кто изъ самыхъ близкихъ людей проводили меня перехода два-три, до станціи, гдѣ скрещиваются поѣзда.

Долго, долго не забуду я этого дня...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Если бы мнѣ вернуться на два года назадъ, когда я съ спокойнаго казеннаго мѣста перешелъ на бурное мѣсто бакинскаго головы, что бы я отвѣтилъ на предложеніе бакинскихъ гласныхъ? Пошелъ ли бы я въ Баку, зная по опыту, что черезъ два года придется уйти? Другими словами, принесъ ли я достаточно пользы въ эти два года, чтобы оправдать свой поступокъ, многимъ показавшійся безразсуднымъ?

Вотъ вопросъ, который всякій бы задалъ себѣ на моемъ мѣстѣ. Задаю себѣ его, конечно, и я.

Что я сдѣлалъ практически для города? Что городъ получилъ, чего бы ему не имѣть безъ меня? Я говорю про учрежденія общепользныя.

Новую гимназію, среднюю техническую школу, вмѣсто низшей, 4,500 учениковъ въ народныхъ школахъ вмѣсто 3,000, изысканія Шоллара съ убѣжденіемъ, что это вода идеальная, нѣсколько лѣчебницъ.

И все... Въ два года... Немного. Да, быть можетъ, резонно скажутъ мнѣ, все это, или, по крайней мѣрѣ, многое изъ этого было бы сдѣлано и при другомъ главѣ.

Да, этотъ другой достигъ бы можетъ быть блестящихъ результатовъ въ цѣломъ рядѣ другихъ отраслей ховяйства, для которыхъ я не сдѣлалъ ничего!..

Да! при мнѣ сдѣлано мало, весьма мало.

Я не стану прислушиваться къ голосу «Каспія». Это мнѣніе

слишкомъ малоцѣнное. Но вотъ мнѣніе, которое я слышалъ отъ людей, которыхъ надо слушать.—Вы плохой хозяинъ!

— Почему?

— Да, видите, надо судить по результатамъ. Чтѣ вы оставляете по себѣ, кромѣ пустой кассы?

— Удивляюсь, какъ вы, умный человѣкъ, это говорите. Во-первыхъ, что значить быть хорошимъ хозяиномъ? Городской голова большого города съ двухмилліоннымъ бюджетомъ не можетъ быть специалистомъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства.

— Этого отъ васъ никто и не требуетъ.

— Хорошо. Такъ что же требуется отъ головы-хозяина? Чтобы онъ вникалъ въ каждую мелочь, чтобы онъ слѣдилъ за всѣмъ. На это у него времени не хватитъ, и онъ упуститъ главное.

— И этого отъ васъ не требовали.

— Такъ чего же? По-моему, отъ головы требуется извѣстная широта взгляда, не скопидомство требуется отъ него, а наоборотъ, умѣнье найти нужды обывателя, удовлетворить имъ и изыскать средства, для этого нужныя. Я такъ понимаю хорошаго хозяина-голову, чтобы онъ слѣдилъ одинаково за всѣми отраслями сложнаго хозяйства, и чтобы онъ вникъ хорошенько въ финансовую часть. А главное, чтобы онъ умѣлъ окружить себя и управу людьми дѣла, специалистами честными и знающими.

— Ну, вотъ видите. А чтѣ вы сдѣлали? Все идетъ по старому, ничего вы не оживили и людей тоже привлечь не многихъ сумѣли.

— Я? Я? развѣ я чтѣ могъ сдѣлать. Издали кажется, что голова все можетъ. А въ сущности голова можетъ многое, лишь при сочувствіи управы, при поддержкѣ думы. А вы сами знаете, что управа мнѣ на зло выбирала худшихъ служащихъ, а дума,— вы сами видѣли, хоть и рѣдко ходили—развѣ поддержала меня хоть разъ за послѣдній годъ.

— Да, это конечно. Всякій знаетъ, что голова самъ по себѣ ничего не можетъ, но что онъ лишь стоитъ во главѣ коллегіи управской и думской.

— Въ томъ-то и дѣло. А лично меня въ чемъ вы можете винить? На финансовую часть я обратилъ главное вниманіе; благодаря мнѣ, реорганизована бухгалтерія; благодаря мнѣ, впервые вы могли распутаться въ вашихъ капиталахъ, и въ томъ, какъ образуются ваши хроническіе дефициты. Я лично писалъ вамъ докладъ о школьномъ дѣлѣ, о строительномъ дѣлѣ, о медицинской части, о земельномъ хозяйствѣ, объ организаціи матеріальной части. Почти все вы отвергли, почти что не читая, потому что читать, господа, о городскомъ хозяйствѣ вы не любители, коли правду сказать. Вы мнѣ дали нѣсколько человѣкъ, правда крупныхъ, по моему выбору. А затѣмъ вы затормозили машину. Помните дѣло съ архитекторами. И Лаговскій такъ или иначе ушелъ изъ-за васъ. Я хотѣлъ дѣла, я хотѣлъ работающихъ людей до низшихъ должностей включительно... а вы учредили нѣсколько должностей... на, молъ, тебѣ... а нашего муравейника не трогай. Дай сажать нашихъ родственниковъ никуда негодныхъ, приказчиковъ, поваровъ на городскія мѣста. И эту мерзость вы для благозвучія прикрыли понятіемъ «бакинскій патріотизмъ», даже не націоналистическимъ, а какимъ-то семейнымъ и, простите меня, нечистоплотнымъ.

— Вы мѣняете тактику: изъ оборонительнаго положенія переходите въ наступательное; поговоримъ о васъ, а не про насъ. А это не входитъ въ кругъ обязательныхъ достоинствъ головы, чтобы онъ умѣлъ жить съ людьми? Вѣдь вы не въ пустыню шли заводить какіе угодно свои порядки; вы не надѣялись распоряжаться всѣмъ единовластно. Нѣтъ! Вы шли жить и служить съ людьми. Поэтому, батюшка, надо умѣть жить съ людьми. А для этого нужно имѣть такту побольше, чего у васъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ нѣтъ. Вотъ главная причина вашихъ неуспѣховъ. Вы все бы могли сдѣлать, будь у васъ тактъ. А то безтактностью вы довели до того свои отношенія къ управѣ, что дѣйствительно оставалось одно: уйти.

Это я могъ услышать отъ очень многихъ бакинцевъ, а въ особенности отъ хорошихъ гласныхъ, я не говорю, конечно, про «каспійцевъ», которые въ своей газетѣ рады бы подхватить, а

то и выдумать про меня слухъ, что я съ цѣлью грабежа зарѣзалъ цѣлое семейство. Но обвиненіе въ безтактности возводили противъ меня люди совсѣмъ безпристрастные, а можетъ быть даже склонные простить мнѣ часть моихъ грѣховъ, а если не простить, то во всякомъ случаѣ умалить.

Нѣтъ такту! А гдѣ граница между тактомъ и преступнымъ попустительствомъ?.. А если бы у меня былъ тактъ... Чтó бы было? Добился бы я всего, къ чему стремился? Врядъ ли. Я пробывъ бы свое четырехлѣтіе и былъ бы снова выбранъ—для меня это было бы матеріально выгоднѣе. Дальше какъ бы это отразилось на дѣлѣ? Кое-чего я бы еще достигъ, чего теперъ достигнуть не удалось. Пускай бы я достигъ и довольно крупныхъ результатовъ, хотя не думаю—слишкомъ много личныхъ интересовъ замѣшано въ каждомъ дѣлѣ, хотя бы главномъ—земельномъ. Словомъ, я достигъ бы того, чего всегда и вездѣ достигаютъ опортунисты.

Но я съ самаго начала по этому пути не пошелъ. Какъ-то Арутюновъ, несомнѣнно умный человекъ, въ самомъ началѣ моей службы, замѣтивъ мою прямолинейность, мнѣ сказалъ:

— Вы прямымъ путемъ идти хотите. Напрасно. Такъ нельзя въ Баку. Провалитесь.

Я отвѣтилъ, что пойду прямо и что вѣрю въ торжество правды. Онъ покачалъ головой. Практически онъ оказался правымъ. Я отъ своей маниловщины вылѣчился. Но въ избранномъ пути не раскаиваюсь. Прямолинейенъ я былъ всегда, и въ управѣ, и въ думѣ. Даже въ одномъ дѣлѣ, гдѣ я пошелъ на компромиссъ, я сдѣлалъ это прямо: я вамъ дамъ синекуру, вы мнѣ дайте новую должность. Это было сдѣлано открыто, прямолинейно. Я не скрывалъ этой сдѣлки ни отъ кого. Конечно, и въ этомъ я раскаялся, уже потому, что и здѣсь былъ одураченъ. Это былъ единственный случай такого рода.

Надо знать Баку, надо знать среду, съ которой пришлось имѣть дѣло, чтобы понять, что тактично держать себя невозможно. Слишкомъ надо много пожертвовать своего человѣческаго достоинства. Ты видишь, что въ такой-то сдѣлкѣ, поло-

жимъ, земельной, городъ терпитъ убытки и терпитъ потому, что другая сторона—гласный. Промолчи. Это будетъ тактично. Все равно, молъ, ты своего не добьешься, а враговъ наживешь. Я говорю, что въ такихъ случаяхъ молчать—грѣшно. Хотя бы городу за такихъ нѣсколько молчаній трамвай дали.

Затѣмъ надо знать эту атмосферу бакинскую, чтобы понять, возможно ли вести себя тактично. Прежде всего требуются поклоны. «Каспій» глубоко былъ убѣжденъ, что я буду игрушкой въ ихъ рукахъ. Тутъ никакая тактичность бы не помогла. Все или ничего. Не я на нихъ напалъ, а они на меня. Напали и въ газетѣ, и въ думѣ. Тутъ никакой тактъ не помогъ бы.

Далѣе скажутъ мнѣ: дай одного нашего --мы дадимъ и тебѣ одного. На такой компромиссъ можно идти иногда, но не всегда. Если ихъ кандидатъ допустимъ—можно; если нѣтъ—то нельзя. Я очень хотѣлъ хоть немного оживить земельное дѣло. Хотѣлъ прикомандировать туда нѣкоего Ч. Говорятъ мои члены управы: Дадимъ вамъ Ч., если вы намъ дадите А. Хорошо! согласился, ибо А. порядочный человѣкъ. А если предложить негодяя? или если не негодяя, то очевидную бездарность? Тогда что? Тогда—согласиться будетъ преступленіемъ!

Наконецъ, эта удивительная атмосфера фальши, которою ты окутанъ въ Баку, даетъ понятію о тактѣ иное значеніе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Фальшью все и всѣ пропитавы. Бду разъ съ человѣкомъ, съ которымъ приходилось быть въ постоянныхъ сношеніяхъ; разговорились про третье лицо. Мой спутникъ начинаетъ со словъ: я его люблю какъ брата. А черезъ четверть часа изображаетъ его какъ идиота и негодяя. Не думайте, чтобы это помѣшало имъ завтра соединиться противъ меня. И это постоянно: лесть, дружескіе поклоны съ одной стороны, подставленіе ножки и клеветы съ другой.

Я уже говорилъ про снисходительность къ негодяямъ. Мнѣ рассказывалъ заводчикъ про другого, какъ тотъ у него нефть красть, и попался, и уличенъ былъ, и сколько заплатилъ. А вечеромъ они вмѣстѣ ужинали въ клубѣ.

Крупный человѣкъ рассказывалъ, какъ другой крупный че-